

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Том 28, № 2, 2020 (апрель – июнь)

Сквозной номер выпуска – 111

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 28, No. 2, 2020 (April – June)

Continuous issue 111

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

**e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>**

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

**ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS

SOCIOLOGY

POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the editorial office for the purpose of their expert evaluation.

Editorial staff's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. Journal's editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

The Journal is indexed and archived in *Russian Index of Scientific Citation*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in Lan electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics (ZBW)*.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and the international community of reviewers Publons.

The Journal is included in the List of the peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of Ph. D. and doctoral theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and national economy management

Social structure, social institutions and processes

Political institutions, processes and technology

Political issues of international relations, global and regional development

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Россия)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Россия)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Россия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры европейских исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Россия)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Россия)

Гришин Виктор Иванович – ректор ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», доктор экономических наук, профессор, rector@rea.ru (Москва, Россия)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Россия)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Россия)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Россия)

Кизима Сергей Анатольевич – заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Россия)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eaagov01@mail.ru (Ульяновск, Россия)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Россия)

Немировский Валентин Геннадьевич – главный научный сотрудник учебно-научной лаборатории кафедры общей и экономической социологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Россия)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Россия)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, fft777@mail.ru (Москва, Россия)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvvp@volgatech.net (Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – **Editor-in-Chief**, Rector of National Research Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Sergey V. Polutin – **Deputy Editor-in-Chief**, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russia)

Svetlana V. Gordina – **Executive Editor**, Member of European Association of Science Editors (EASE), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russia)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghrian, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor N. Barygin – Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russia)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russia)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russia)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russia)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russia)

Viktor I. Grishin – Rector of Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, rector@rea.ru (Moscow, Russia)

Sergey A. Kizima – Head of Department, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russia)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russia)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russia)

Valentin G. Nemirovskiy – Chief Researcher at the Training and Research Laboratory, Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russia)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russia)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Yoshkar-Ola, Russia)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ**Мировая экономика**

Д. А. Лисин, И. А. Семина, Л. Н. Фоломейкина. Страны Зарубежной Европы: развитие сферы услуг по композитному индексу деловой активности 214

Экономика и управление народным хозяйством

С. В. Бажанова, Е. В. Учваткина. Совершенствование процесса управления ИТ-инфраструктурой предприятия энергетической отрасли Республики Мордовия 239

Е. О. Валькова, В. М. Кицис. Использование наследия чемпионата мира по футболу 2018 г. в субъектах Приволжского федерального округа 261

Социальная структура, социальные институты и процессы

Е. В. Кремнев, В. В. Апаньев. Предпосылки формирования региональных исследований в Японии в рамках японской традиционной науки 279

М. Ю. Бареев, Р. Р. Агишев. Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе 303

Е. И. Макаренко. Факторы трудовой деятельности современной российской технической интеллигенции 322

А. А. Глухова, А. А. Иудин, Д. А. Шпилев. Особенности восприятия населением коррупционной преступности в Нижегородской области: криминологическо-социологический анализ 350

И. В. Захарова. Конкурентоспособность университета как гибридной структуры регионального образовательного пространства 377

Информация для авторов и читателей (на рус. яз.) 400

Информация для авторов и читателей (на англ. яз.) 402

CONTENTS

World Economy

- D. A. Lisin, I. A. Semina, L. N. Folomeykina.** Foreign European Countries: Development of the Service Sector according to the Composite Purchasing Managers' Index 214

Economics and Management of National Economy

- S. V. Bazhanova, E. V. Uchvatkina.** Improving the Process of Managing the IT Infrastructure of an Enterprise in the Energy Sector of the Republic of Mordovia 239

- O. E. Valkova, V. M. Kitsis.** Using the Legacy of the 2018 FIFA World Cup in the Constituent Entities of the Volga Federal District 261

Social Structure, Social Institutions and Processes

- E. V. Kremnyov, V. V. Ananiev.** Prerequisites for the Development of Regional Studies in Japan within the Framework of Japanese Traditional Science 279

- M. Yu. Bareev, R. R. Agishev.** Regional Features of Some Traditions and Customs in Modern Islam 303

- E. I. Makarenko.** Factors in Labor Activity of Modern Russian Technical Intelligentsia 322

- A. A. Gluhova, A. A. Iudin, D. A. Shpilev.** Features of Public Perception of Corruption-Related Crimes in the Nizhny Novgorod Region: A Criminological and Sociological Analysis 350

- I. V. Zakharova.** Competitiveness of the University as a Hybrid Structure in the Regional Educational Space 377

- Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)** 400

- Information for Authors and Readers of the Journal (in English)** 402

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА / WORLD ECONOMY

УДК 332.1:338.4(1-87)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.111.028.202002.214-238

ISSN 2413-1407 (Online)

Страны Зарубежной Европы: развитие сферы услуг по композитному индексу деловой активности

Д. А. Лисин*

И. А. Семина

Л. Н. Фоломейкина

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* lisindanil@yandex.ru

Введение. Страны Зарубежной Европы, занимая лидирующие позиции в современном мировом хозяйстве, проявляют признаки неоднородности развития, особенно в отраслях третичной экономики. Цель статьи – провести системно-структурный анализ развития стран по индексу деловой активности в сфере услуг, выявить факторы, влияющие на формирование индекса.

Материалы и методы. В качестве материалов использовались статистические данные из открытых источников. В исследовании применялись системно-структурный анализ (понимание индекса и его композитной сущности, типология стран Зарубежной Европы), пространственный анализ деловой активности в сфере услуг (дифференциация стран), структурно-функциональный подход (факторы, оказывающие влияние на формирование индекса деловой активности).

Результаты исследования. Проанализирован индекс деловой активности в сфере услуг, описана методика его расчета, влияние на экономику, его сильные и слабые стороны. Создана типология стран Зарубежной Европы по опережающему макроэкономическому показателю – композитному индексу деловой активности, что позволило провести параллель с социально-экономическим развитием стран изучаемого региона в рамках центрально-периферийной концепции. Выявлены внутренние и внешние факторы развития деловой активности в сфере услуг национальных экономик.

Обсуждение и заключение. Развитие сферы услуг представлено на уровне стран Зарубежной Европы, композитный индекс деловой активности рассматривается как индикатор ее развития во времени. Авторам удалось показать проблематику

© Лисин Д. А., Семина И. А., Фоломейкина Л. Н., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

изучения третичного сектора экономики как одного из актуальных направлений макрорегиональных исследований. Выявлена территориальная дифференциация стран по деловой активности в сфере услуг, что может быть использовано в прогнозных оценках специалистов в области управления и реализации региональной политики. Предлагаемый подход к исследованию сферы услуг может быть применен на страновом и региональном уровнях.

Ключевые слова: деловая активность, композитный индекс, макроэкономический показатель, валовой внутренний продукт, Зарубежная Европа, сфера услуг, третичный сектор экономики

Foreign European Countries: Development of the Service Sector according to the Composite Purchasing Managers' Index

D. A. Lisin*, I. A. Semina, L. N. Folomeykina

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia)

* *lisindanil@yandex.ru*

Introduction. Foreign European countries, dominating in the modern world economy, show signs of heterogeneity of development, especially in the tertiary sector of the economy. The purpose of the study is to perform a systematic and structural analysis of the development of the countries according to the Purchasing Managers' Index in the service sector and to identify factors affecting the changes in this index.

Materials and Methods. Statistical data from open sources were used as materials. The study employed such methods as the systemic and structural analysis (understanding the Index and its composite nature, the typology of foreign European countries), the spatial analysis of business activity in the service sector (differentiation of countries), and the structural and functional approach (factors that influence the changes in the Purchasing Managers' Index).

Results. The Purchasing Managers' Index in the service sector has been analyzed. The methodology for calculation of the Index has been described; its strengths and weaknesses, as well as its impact on the economy have been assessed. A typology of foreign European countries has been created according to the leading macroeconomic indicator – the composite Purchasing Managers' Index. This made it possible to draw a parallel with the socio-economic development of the countries of the studied region in terms of the 'center-periphery' model. The internal and external factors in the development of business activities in the service sector of national economies have been identified.

Discussion and Conclusion. The development of the service sector has been studied at the level of foreign European countries. The composite Purchasing Managers' Index has been considered as an indicator of the development over time. The authors have been able to expose the issues of studying the tertiary sector of the economy as one of the relevant areas of macro-regional research. The territorial differentiation of the countries according to their business activity in the service sector has been revealed, which can be used in projected estimates in the field of management and implementation of regional policies. The proposed approach to the study of the service sector can be applied at country and regional levels.

Keywords: business activity, composite index, macroeconomic indicator, gross domestic product, foreign European countries, service sector, tertiary sector of the economy

Введение. Исследование третичного сектора экономики является актуальным в социально-экономической географии и региональной экономике. Однако анализ теоретико-методологической базы показал, что в российской и зарубежной научной литературе не прослеживается методология изучения сферы услуг, оценки уровня ее развития. Сфера услуг чаще рассматривается в сопряжении с другими отраслями экономики либо без учета динамичных, комплексных, прогнозных показателей. Данный сектор в структуре валового внутреннего продукта (ВВП) и макроэкономики сегодня является одним из наиболее прибыльных и ликвидных, поэтому особое внимание уделяется изучению происходящих в нем процессов.

Цель статьи – выявление пространственной дифференциации стран Зарубежной Европы по индексу деловой активности в сфере услуг. Композитность индекса подчеркивает важность его изучения для оценки развития третичного сектора экономики. Авторский подход основан на анализе индекса деловой активности во временном аспекте, выявлении характерных черт стран с последующей их типизацией, факторов, оказывающих влияние на формирование индекса деловой активности.

Индекс деловой активности изначально был разработан в США в период Великой депрессии (в начале 1930-х гг.), но тогда он рассчитывался лишь для отраслей промышленности. Пионером разработки и внедрения выступил Институт управления поставками (Institute for Supply Management, ISM), учрежденный в 1915 г. в Нью-Йорке. Начиная с 1950-х гг. на Нью-Йоркской фондовой бирже (New York Stock Exchange, NYSE) подобный индекс вычислялся и для отраслей третичного сектора экономики. С середины 1970-х гг. подобный расчет ведется в Канаде, Японии, Новой Зеландии, Австралии, Израиле и других странах. В России на Московской межбанковской валютной бирже (ММВБ) с середины 2000-х гг. рассчитывается близкий к нему по методике и смыслу индекс предпринимательской уверенности (ИПУ, Index of Entrepreneurial Confidence, IECs).

Обзор литературы. В зарубежной и отечественной литературе полностью не сложилось определенного научного фундамента в комплексном изучении третичного сектора экономики. Теоретические подходы и методологические принципы изложены в общих и проблемных работах по географии сферы обслуживания (А. А. Ткаченко [1], Е. А. Разомасова¹, А. А. Волкова [2]) и др. А. А. Ткаченко подчеркивает, что возможны два принципиально различных подхода к изучению услуг – экономический и социальный. При первом подходе сектор услуг понимается как часть

---

¹ Разомасова Е. А. Сфера услуг: теория, состояние и развитие: моногр. Новосибирск, 2011. 136 с.

экономики, при втором – как условия жизни, которые рассматриваются «от населения» с точки зрения их доступности (удельной, стоимостной, пространственно-временной), обеспеченности ими населения, качества и комплексности обслуживания [1].

Исследованием стратегических направлений и перспектив развития сферы услуг занимается широкий круг ученых, к числу которых следует отнести И. А. Киселеву, С. О. Исканджан [3], А. Ю. Боташева [4], И. А. Семину [5] и др. Изучению третичного сектора мировой экономики посвящены работы таких российских ученых, как Р. Г. Маннапов [6], Н. В. Рубцова [7], М. И. Мирошников [8], З. А. Мустафаева [9], А. Гаджиева [10]. Д. И. Коновалова делает акцент на международной торговле услугами, оценивает их конкурентоспособность, тенденции импорта и экспорта, вовлеченность стран в мировую торговлю услугами². О. Н. Балаева рассматривает вопросы развития третичного сектора и его роли в структуре валового внутреннего продукта [11]. М. Е. Савлов изучает формирование отраслевой структуры третичного сектора экономики, проводит типологию стран на основе коэффициентов и показателей, характеризующих параметры развития сферы услуг [12; 13].

За рубежом вопросам сервисной экономики посвящены публикации Л. Рубалькаба, Х. Гальего [14], Х. Демиркана и соавторов [15], Ф. Джейкоба, В. Улага [16], С. Варго, Р. Люша [17], Л. Альмефельта, О. Рексфельта, Д. Закриссона [18]. Р. Блэкуэлл, П. Миниард и Дж. Энджел особое внимание в изучении сферы услуг уделяют поведению потребителей и определению влияния внешней среды на потребление услуг, а именно географической культуры, базовых ценностей в различных странах и т. п.³ Также авторами выявлена зависимость развития потребительских предпочтений и этнических микрокультур.

Сферу услуг непосредственно в Западной Европе исследуют Х. Монтеаудо с соавторами – экономическое влияние и выгоды от принятой директивы об услугах для европейских государств [19], И. Дрейер – анализ инновационной концепции Шумпетера применительно к сфере услуг [20], Л. Мишель, А. Юрчишина – влияние услуг на развитие общества знаний [21].

Теоретический анализ показал, что на данный момент в зарубежной и отечественной науке мало работ макрорегионального уровня по исследованию сферы услуг с использованием комплексных показателей. Применение авторами композитного индекса деловой активности

---

² Коновалова Д. И. Международная торговля услугами: основные тенденции, перспективы и проблемы развития. М.: МГИМО, 2016. 103 с.

³ Блэкуэлл Р., Миниард П., Энджел Дж. Поведение потребителей. 10-е изд. / пер. с англ. СПб.: Питер, 2007. 944 с.

к сравнительно-географическим сопоставлениям стран Зарубежной Европы как экономического подхода к развитию сферы услуг делает данную работу актуальной и имеющей научно-практическую значимость.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использовались статистические данные по странам Зарубежной Европы, отражающие современное развитие сферы услуг, публикуемые в открытых интернет-источниках: индекс деловой активности (PMI) в третичном секторе экономики и доля сферы услуг в структуре ВВП страны.

Индекс деловой активности является композитным параметром развития сферы услуг как отдельной составной части ВВП, отражает инвестиционную активность, известен как PMI Services / PMI non-manufacturing, или Purchasing Managers' Index (в англоязычной литературе его часто также называют Index of business activity или Index of consumer activity). В данной статье мы будем использовать аббревиатуру PMI(s), где буква «s» подразумевает «services» (сервис, услуга). Данный показатель оценивает состояние не только какой-либо отдельной отрасли, но и всего инвестиционного и бизнес-климата, экономической конъюнктуры внутри государства⁴.

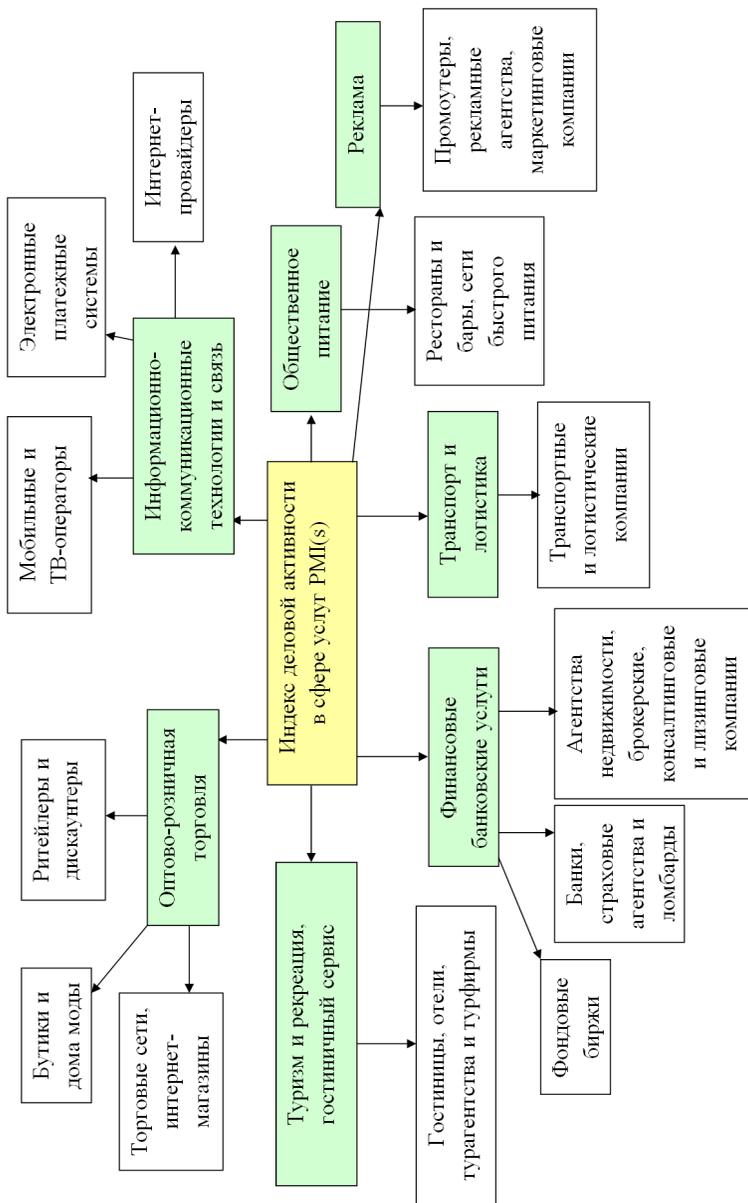
Расчет деловой активности в сфере услуг проводится более чем по двадцати отраслям. Основными видами услуг, влияющими на весь мировой сервисный сегмент, являются банковские услуги и услуги по операциям с ценными бумагами и недвижимостью, IT-услуги и связь, логистические и транспортные услуги, услуги туризма и оптово-розничной торговли (рис. 1).

Методика расчета PMI(s) состоит из следующих параметров: структура поставок, интенсивность производственных объемов, количество новых заказов для экспорта/импорта и их объем, рыночная стоимость услуг, занятость и емкость, клиентская активность и спрос, объем оказанных услуг населению, платежный баланс, ценовая политика, состояние портфеля рисков и неисполненных заказов. Аналитики, используя такие данные, делают прогнозы: «будет лучше», «останется без изменений» или «будет хуже». Затем идет обработка данных за каждый месяц по специальному математическому алгоритму, который колеблется от 0 до 100 процентных (п. п.) или базисных пунктов (б. п.). Чаще всего этот параметр держится между 40 и 60 б. п., редко превышая их пределы⁵.

---

⁴ Инвестиционный портал «Время финансиста» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forextimes.ru/foreks/statist/index/pmi/>; Инвестиционный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.investing.com.ru/economic-calendar/russianmarkit/manufacturing/pmi/1630/>; Рейтинговый интернет-портал «Глобальная экономика» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 19.03.2020).

⁵ Инвестиционный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.investing.com.ru/economic-calendar/russianmarkit/manufacturing/pmi/1630/>; Рейтинговый интернет-портал «Глобальная экономика» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 19.03.2020).

Р и с. 1. Структурная сущность индекса деловой активности в сфере услуг (РМ(с))⁶

⁶ Там же.

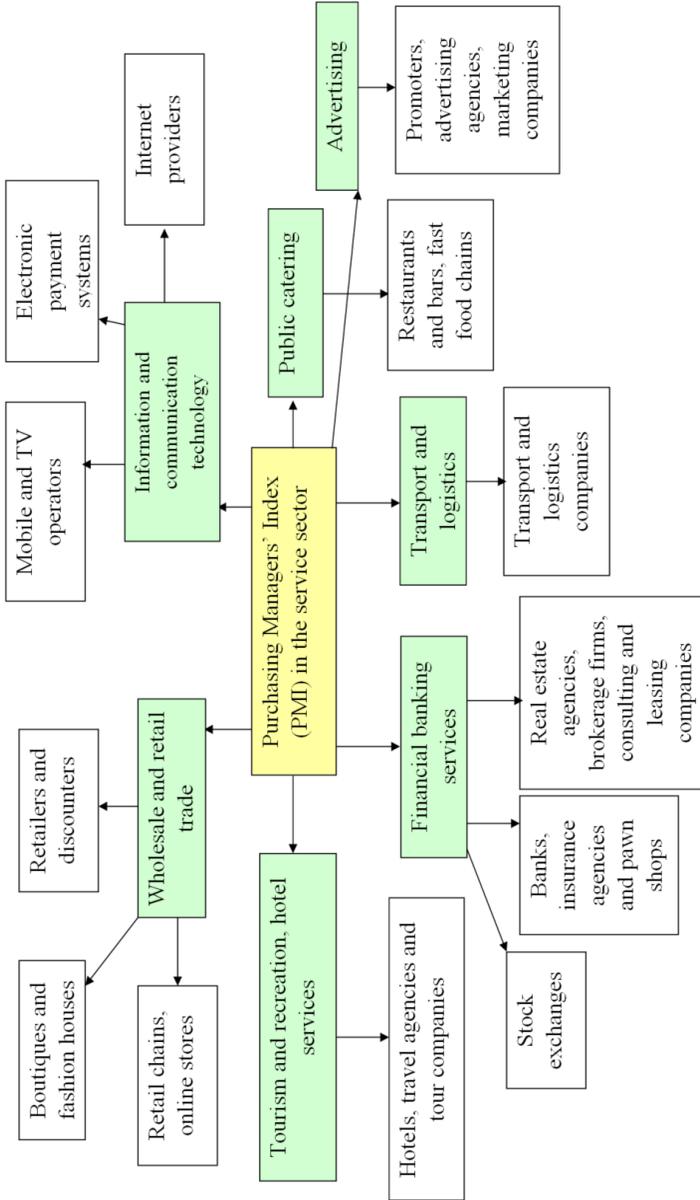

Fig. 1. The structural essence of the Purchasing Managers' Index (PMI) in the service sector

PMI(s) выступает важным макроэкономическим показателем, который позволяет судить о стабильности национальной экономики. Его влияние не ограничивается только услугами (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Сферы влияния индекса деловой активности (PMIs)⁷
 T a b l e 1. Spheres of influence of the Purchasing Managers' Index (PMI) in the service sector

Значение PMI(s) / PMI value	Валютный курс / Exchange rate	Состояние третьего сектора экономики / The state of the tertiary sector of the economy	Стоимость ценных бумаг / Value of securities	Темпы роста ВВП / Growth rate of GDP
Б о л е е 50 б. п. / Over 50 basis points	Растет / Is rising	Рост спроса, снижение рисков, увеличение потребительской активности, отсутствие или малый процент неисполненных заказов / Growth of demand, reduction of risks, increase in consumer activity, the lack or small percentage of unexecuted purchase orders	Растут акции производственных компаний и предприятий сферы услуг / The price of shares of manufacturing and service companies is rising	С т а б и л ь н ы е или чуть повышенные / Stable or slightly increased
М е н е е 50 б. п. / Less than 50 basis points	Падает / Is falling	Снижение спроса и потребительской активности населения. Критический порог – менее 45 б. п. (в течение 3 месяцев подряд) / Decrease in demand and consumer activity of the population. The critical threshold is less than 45 basis points (for 3 consecutive months)	Падает не только акции ключевых компаний, могут снижаться в цене и облигации, в том числе и государственные. Государство прибегает к внешним заимствованиям / It is not only the shares of key companies that are falling, but also bonds, including government ones, may also be falling in price. The state resorts to external borrowing	Экономика стагнирует, замедляются темпы ее роста, если показатели индекса ушли в отрицательные значения (ниже 45 б. п.), наступает фаза экономической депрессии / The economy stagnates, its growth rate slows down, if the index indicators have gone into negative values (below 45 basis points), the phase of economic depression occurs

⁷ Инвестиционный портал «Время финансиста» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forextimes.ru/foreks/statist/index/pmi/>; Рейтинговый интернет-портал «Глобальная экономика» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 19.03.2020).

PMI(s) считается опережающим и прогнозируемым экономическим показателем, его значение может повлиять на ситуацию в будущем, а может и не проявиться в дальнейшем (особенно если значение не критичное, находится в промежутке между 49–51 б. п.).

Величина PMI(s) часто зависима от психологических факторов, а оценка рынка услуг вторична. Коррелирует индекс деловой активности с деловым климатом страны, внутривластной обстановкой, определенной стадией экономического цикла, что подтверждают многолетние статистические ряды. Именно это является основанием для использования данных при прогнозировании динамики ВВП⁸.

К сильным сторонам индекса можно отнести его макроэкономический и композитный характер, точность и своевременность публикации данных, возможность интерпретации данных по отдельным отраслям сферы услуг. Слабой стороной индекса является его частичная субъективность; статистические данные носят больше оценочный характер, а не количественный⁹.

Для государств Европейского союза и еврозоны индекс деловой активности рассчитывается как местными статистическими агентствами и фондовыми биржами государств-участников, так и на площадках панъвропейской биржи Euronext в Париже. Например, в Люксембурге, Швейцарии, Франции, Бельгии и Нидерландах подобный индекс существует с 1960-х гг. Именно с этого времени сфера услуг в этих странах и стала доминировать в структуре ВВП. В Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговине и Северной Македонии он появился только ближе к середине 2000-х гг.

Стоит отметить, что не во всех государствах Зарубежной Европы доля третичного сектора является очень высокой (табл. 2). Сравнительно низкой по меркам Европы она будет в государствах, которые до 1990 г. находились в социалистическом пространстве. В таких странах, как Словакия, Польша, Северная Македония, Сербия, Босния и Герцеговина, она даже ниже, чем в некоторых развивающихся странах современного мира (например, в Панаме, Доминиканской Республике, Бахрейне)¹⁰. Исключение из бывших социалистических государств составляет Эстония, где доля сферы услуг достигает 78 % (выше, чем в ФРГ, Великобритании, Испании и Италии), а также Черногория, Латвия, Венгрия и Хорватия, достигшие показателя в 70 % от ВВП. Впервые доля сферы

⁸ Рейтинговый интернет-портал «Глобальная экономика» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 19.03.2020).

⁹ Инвестиционный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.investing.com.ru/economic-calendar/russianmarket/manufacturing/pmi/1630/> (дата обращения: 19.03.2020).

¹⁰ Рейтинговый интернет-портал «Глобальная экономика» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 19.03.2020).

услуг в структуре ВВП перешла рубеж в 50 % от ВВП в конце 1960-х и середине 1970-х гг. во Франции, Нидерландах, Швейцарии, Бельгии и Люксембурге, позже всех это произошло в странах бывшей Югославии, а также в Норвегии, Румынии, Польше и Болгарии [12; 13; 22]. В странах Зарубежной Европы этот показатель варьируется от рекордных 95 % в Княжестве Монако, где фактически достигнут предел роста, и почти 89 % на Мальте до менее чем 60 % в Польше и Румынии. В последних двух странах пока еще значительную долю в структуре ВВП (около 30 %) занимают различные обрабатывающие и добывающие отрасли промышленности [22; 23].

Значение индекса деловой активности в сфере услуг за 2017–2019 гг. представлены в таблице 2. Доля сферы услуг в структуре ВВП страны и индекс деловой активности отражаются на сетевых порталах PMIbyIHSMarket, ForexEuroClub.com, TheGlobalEconomy.com, Брокер.Форекс.ру, «Мой Брокер». В таблице 2 отсутствуют данные по Монако, Сан-Марино, Ватикану, так как агентства данных государств не рассчитывают параметры деловой активности.

Т а б л и ц а 2. Дифференциация стран Зарубежной Европы по индексу деловой активности и доля сферы услуг в структуре ВВП, 2017–2019 гг.

Table 2. Differentiation of foreign European countries according to the Purchasing Managers' Index and the share of the service sector in the structure of GDP, 2017–2019

Страна / Country	Деловая активность, среднее годовое значение / PMI average annual value			Доля третичного сектора экономики в структуре ВВП, 2019 г., % ¹¹ / The share of the tertiary sector of the economy in the structure of GDP, 2019, %
	2017	2018	2019	
1	2	3	4	5
Австрия / Austria	53,2	53,3	53,4	74
Великобритания / United Kingdom	54,3	54,4	54,4	75
Германия / Germany	53,2	54,1	55,2	67

1 тип. Страны с высокой деловой активностью в сфере услуг / Type 1. Countries with high PMI average annual value in the service sector

Подтип 1.1. Страны с растущей деловой активностью в сфере услуг / Subtype 1.1. Countries with increasing PMI average annual value in the service sector

Австрия / Austria	53,2	53,3	53,4	74
Великобритания / United Kingdom	54,3	54,4	54,4	75
Германия / Germany	53,2	54,1	55,2	67

¹¹ CIA U.S. World Factbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/> (дата обращения: 22.03.2020).

Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2	3	4	5
Дания / Denmark	53,4	53,7	53,8	79
Ирландия / Ireland	52,6	53,4	53,5	73
Исландия / Iceland	55,6	55,7	55,7	74
Лихтенштейн / Liechtenstein	54,8	54,9	54,9	84
Люксембург / Luxem- bourg	55,4	55,4	55,7	88
Нидерланды / Netherlands	53,4	53,7	54,2	73
Норвегия / Norway	54,8	54,9	54,9	59
Словения / Slovenia	52,1	52,4	52,8	68
Финляндия / Finland	51,1	51,3	51,4	72
Чехия / Czech Republic	53,1	53,3	53,4	67
Швейцария / Switzer- land	52,8	52,8	52,9	81
Швеция / Sweden	51,7	51,8	52,0	68

*Подтип 1.2. Страны со снижающейся деловой активностью
в сфере услуг / Subtype 1.2. Countries with decreasing PMI average annual
value in the service sector*

Андорра / Andorra	50,3	47,8	47,6	81
Бельгия / Belgium	52,6	51,7	49,8	77
Венгрия / Hungary	52,9	50,2	48,9	71
Испания / Spain	52,2	48,8	48,5	72
Италия / Italy	53,8	49,2	48,9	73
Франция / France	53,9	51,7	49,9	78
Хорватия / Croatia	52,3	51,4	46,9	72
Эстония / Estonia	49,7	49,7	49,8	70

*2 тип. Страны с умеренной деловой активностью в сфере услуг /
Type 2. Countries with moderate PMI average annual value in the service sector*

Болгария / Bulgaria	50,8	48,8	47,3	66
Греция / Greece	49,7	48,1	47,8	80
Латвия / Latvia	53,4	52,7	47,9	74

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5
Литва / Lithuania	50,1	51,3	43,4	67
Мальта / Malta	50,3	49,2	48,7	89
Польша / Poland	51,3	50,1	50,1	56
Португалия / Portugal	50,7	49,7	49,5	76
Республика Кипр / Сургус	49,7	49,3	48,3	87
Словакия / Slovakia	51,5	48,3	47,8	62
Черногория / Montenegro	49,9	49,7	47,6	76

*3 тип. Страны с относительно низкой деловой активностью
в сфере услуг / Type 3. Countries with relatively low PMI average annual
value in the service sector*

Албания / Albania	46,7	45,8	44,7	66
Босния и Герцеговина / Bosnia and Herzegovina	44,3	44,6	44,2	63
Румыния / Romania	49,8	47,4	47,7	54
Северная Македония / North Macedonia	49,2	47,3	46,2	63
Сербия / Serbia	49,5	48,3	46,5	64

Авторский подход основан на применении статистического, сравнительно-географического методов, а также метода типологии. Системно-структурный анализ позволил комплексно подойти к пониманию индекса и его композитной сущности, провести типологию стран Зарубежной Европы с целью выявления территориальной дифференциации в развитии сферы услуг. Пространственный анализ и оценка стран по деловой активности в сфере услуг помогли авторам выявить характерные черты стран изучаемого региона, выделить специфические особенности каждого типа и подтипа стран. Структурно-функциональный подход к исследованию обоснован при выявлении факторов, оказывающих влияние на формирование индекса деловой активности.

Результаты исследования. Результатом проведенного исследования стала типология стран Зарубежной Европы по индексу деловой активности в сфере услуг (PMIs) по месяцам и в целом по годам (с 2017 по 2019 г.). Таблица 2 отражает выделенные в ходе исследования основные типы и подтипы стран Зарубежной Европы.

1 тип. Страны с высокой деловой активностью в сфере услуг. Выделено 2 подтипа стран, отличающихся динамикой роста или снижения в период с 2017 по 2019 г. В первый подтип стран вошли 15 государств Зарубежной Европы, где отмечается растущая деловая активность. Эти государства отличаются: деловой активностью на уровне 52–56 б. п. и тенденцией к росту, высокой покупательской активностью; третичный сектор экономики диверсифицирован и высокоразвит (составляет более 60 % от ВВП), обладает большим спросом и доверием. Рынок труда в сфере услуг очень емкий, дорогой и «переоцененный». Дефицит финансовых средств на рынке почти отсутствует; есть страны с «профицитным портфелем» (Норвегия, Германия, Швейцария). Теневой сектор сферы услуг в этих странах незначительный – ниже 15 %. На мировой рынок торговли и обмена в сфере услуг эти страны оказывают сильное влияние, наряду с США [24] и Японией¹² [25; 26].

Во второй подтип стран со снижающейся деловой активностью в сфере услуг вошли 8 европейских стран, которые характеризуются высокой деловой активностью, имеющей тенденцию к снижению в 2019 г. Страны этого подтипа различны между собой: это и экономические гиганты – Франция и Италия, которые находятся в первой десятке государств по экспорту услуг в мире [27], и карликовое государство Андорра, и один из мировых центров огранки алмазов Бельгия, где развиты только финансовые и туристические услуги, а также постсоциалистические страны – Венгрия и Хорватия, которые фокусируются лишь на сфере въездного туризма и образования, и Эстония, делающая акцент на развитии логистических, электронных информационно-коммуникационных услуг¹³. За исключением Франции, Италии и Испании, все оставшиеся государства специализируются на экспорте и участии в мировом географическом разделении труда двух-трех отраслей сферы услуг. Теневой сектор в этих странах варьируется от 15 % в Андорре и 16 % в Венгрии до более чем 25 % в Эстонии, Испании и Хорватии¹⁴. В связи с началом выхода Велико-

¹² Глинкина С. П., Куликова Н. В. Постсоциалистические страны Европы: политические и экономические преобразования: коллектив. моногр. / под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.; Смоленск: Ойкумена, 2016. С. 238–244.

¹³ Там же.

¹⁴ Европейское статистическое агентство «Евростат» [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/publications/statistical-books>; Международный валютный фонд (МВФ) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper>; Статистическое агентство ООН [Электронный ресурс]. URL: www.unstats.un.org (дата обращения: 19.03.2020).

британии из Европейского союза есть предположение, что Соединенное Королевство, возможно, попадет в эту категорию стран.

2 тип. Страны с умеренной деловой активностью в сфере услуг. Данный тип включает несколько стран, преимущественно бывшего соцлагеря, где третичный сектор хоть и доминирует в структуре ВВП, но пока не получил такого высокого развития, как в странах 1 типа. В этот тип входят четыре страны Центрально-Восточной Европы и Балтии (Словакия, Польша, Латвия и Литва), два балканских государства (Болгария и Черногория), а также четыре среднеразвитых капиталистических государства Южной Европы (островные республики Мальта и Кипр и полуостровные Греция и Португалия). Страны данного типа отличаются активным развитием одной отрасли услуг (например, туризм в Греции, Латвии, Кипре и Черногории) либо финансовыми услугами (в Португалии)¹⁵. В то же время отдельно сформировавшейся отрасли специализации в услугах может и не быть (как в случае со Словакией). Предпринимательская активность в этих странах оценивается как средняя или чуть выше средней, спрос на услуги развивается в зависимости от ситуации в экономике в целом, и на рынке сферы услуг в частности. Рынок труда в сфере услуг в этих странах «недооцененный» (по сравнению со странами первого типа) и еще формирующийся. Так, для Греции и Португалии острой остается проблема безработицы. Дефицит финансовых средств наступает циклично и не достигает угрожающих масштабов. Деловая активность держится в диапазоне от 49 до 51 п. п., но резкие скачки и плавающий волнообразный цикл деловой активности характерен для стран этого типа. Рост занятости населения и заказов в сфере услуг растет или снижается в зависимости от сезона, тем самым влияет на экономическую конъюнктуру. Теневой сектор экономики в перечисленных странах занимает значительную долю в сфере услуг, но колеблется от 18 % в Словакии и 23 % в Польше до 35 % в Греции и Португалии¹⁶.

3 тип. Страны с относительно низкой деловой активностью в сфере услуг. К данному типу относятся три балканских государства бывшего соцлагеря – Румыния, Сербия и Албания, где так и не сложилась четкая отраслевая специализация в сфере услуг. Румыния является лидером в Европейском союзе по темпам роста экономики¹⁷. В Румынии и Албании высока доля теневого сектора на рынке услуг – до 40 %. В Сербии третичный сектор, как и экономика в целом, не оправился от последствий

¹⁵ Глинкина С. П., Куликова Н. В. Постсоциалистические страны Европы: политические и экономические преобразования; Европейское статистическое агентство «Евростат». URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/publications/statistical-books>.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

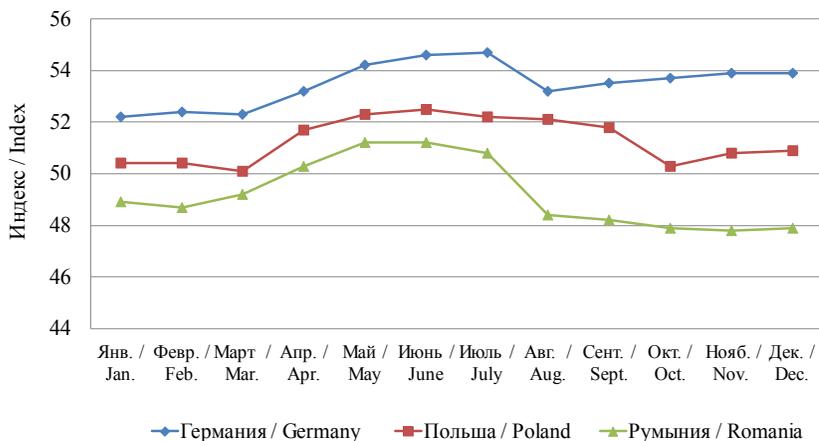

вторжения НАТО в 1999 г. и финансового кризиса 2008–2012 гг. Для Сербии и Албании актуальна проблема скрытой и молодежной безработицы. В сферу услуг Албании в последнее время значительную долю средств вкладывают страны исламского мира (Турция, ОАЭ, Саудовская Аравия) в целях развития исламского банкинга, а также Китай, Италия и США, развивая финансовый и туристический сектор. В Албании акцент делается на развитии операций с недвижимостью, и она вполне может конкурировать с Черногорией и Болгарией. Тем не менее существующие проблемы в виде высокой и скрытой безработицы (почти 17 %), низкого качества предоставления услуг, мизерная вовлеченность в мировое пространство импорта и экспорта услуг, негативная репутация наиболее криминализованной и беднейшей страны Зарубежной Европы продолжают «отпугивать» потенциальных инвесторов. Массовая иммиграция в Италию и Грецию наносит большой урон и без того слабо развитому внутреннему рынку услуг Албании, тем самым снижая покупательскую способность населения.

В этот тип стран с относительно низкой деловой активностью также вошли две бывшие югославские республики – Северная Македония и Босния и Герцеговина. В них деловая активность в третичном секторе практически не поднимается выше 49 п. п., что говорит о стагнации на рынке сферы услуг, в то время как услуги доминируют в ВВП. В этих странах третичный сектор экономики находится на стадии становления ввиду тяжелого положения самой экономической системы – будучи еще в составе Югославии эти страны были беднейшими, преимущественно аграрными окраинами, в 1990-е гг. столкнулись с острым вооруженным конфликтом и политическим кризисом [28]. В связи с тем, что промышленного сектора в этих странах почти нет, в них активно развиваются торговля, кейтеринг, финансовые и туристические услуги [29]. Теневой сектор в сфере услуг составляет 35 %, что не может не отпугивать потенциальных инвесторов¹⁸. Рынок труда суженый, «недооцененный», актуальна проблема безработицы, особенно среди молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет. Данные страны не оказывают влияние на мировой рынок услуг [30].

Рисунок 2 показывает динамику индекса деловой активности в 2019 г. по месяцам. Виден волнообразный характер изменения индекса по выделенным типам стран в представителях каждого типа. Индекс снижается и возрастает по временам года, четко проявляется сезонность в росте спроса на услуги.

¹⁸ Там же.

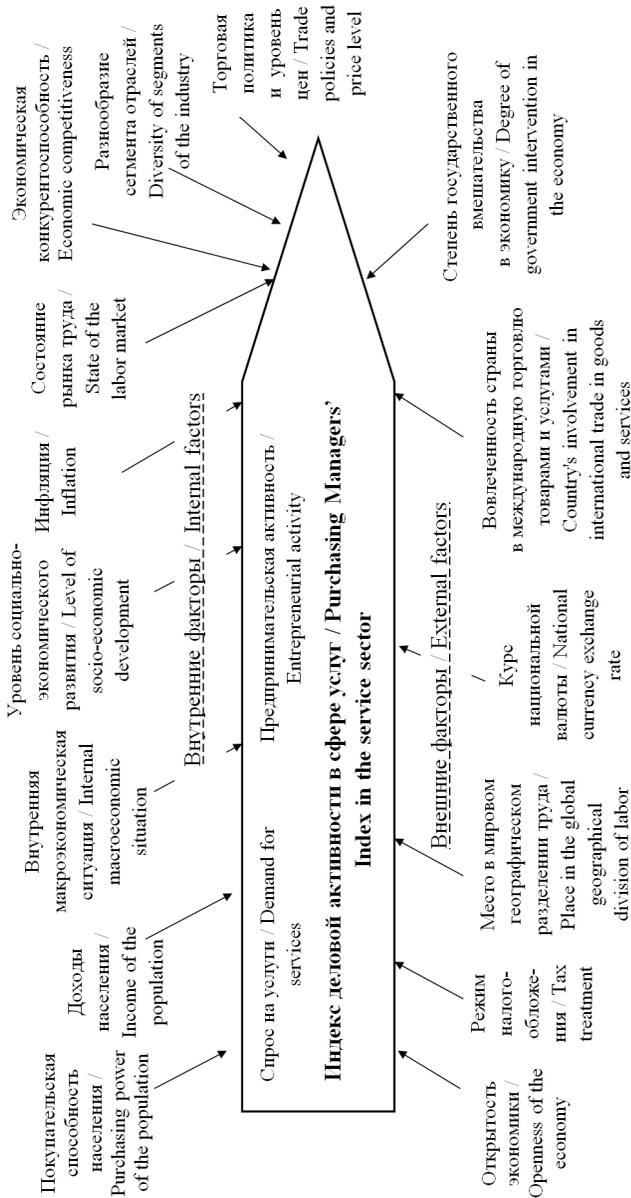
Р и с. 2. Динамика индекса деловой активности в 2019 г.

F i g. 2. Dynamics of changes in the Purchasing Managers' Index in 2019

В результате проведенного исследования авторами выявлены ключевые внутренние и внешние факторы, влияющие на динамику индекса деловой активности в сфере услуг (рис. 3). Существенным фактором, оказывающим наиболее воздействие на сезонное изменение и волатильность индекса деловой активности в сфере услуг, выступает увеличение предпринимательской активности и спроса. Как следствие, данный индекс отчасти будет носить субъективный характер, но, так или иначе, он является опережающим и служит реальным «зеркалом» экономики страны и может влиять на изменение фондового биржевого индекса, кредитный рейтинг от тройки ведущих мировых кредитных агентств (Moody's, Standart & Poor's, Fitch) и курса национальной валюты.

Обсуждение и заключение. Предложенная типология стран За рубежом Европы по деловой активности является отчасти условной и, с одной стороны, субъективной; тем не менее она может отражать текущее состояние экономики страны в сфере услуг, трансформироваться и динамично меняться во времени.

Преобладание сферы услуг в структуре ВВП в ряде стран, таких как Греция, Республика Кипр, Черногория, Болгария и Латвия, не говорит о высокой деловой активности в данном секторе внутри этих государств. Есть и обратная ситуация – невысокие показатели доли сферы услуг в структуре ВВП в Норвегии, Чехии, Венгрии, Словении соотносятся с высокой деловой активностью, которая

Р и с. 3. Внешние и внутренние факторы, влияющих на динамику индекса деловой активности в сфере услуг
 F i g. 3. External and internal factors affecting the dynamics of the Purchasing Managers' Index in the service sector

наблюдается в этих государствах. Поэтому данный индекс может сопоставляться и с уровнем социально-экономического развития государства, степенью его вовлеченности в мировую торговлю, внутривнутриполитической ситуацией, а также разнообразием внутреннего рыночного сегмента, его диверсификацией.

В процессе исследования были выявлены пространственные закономерности в рамках центрально-периферийной концепции – контрасты «Север – Юг». Высокая деловая активность в сфере услуг отмечается в странах «Севера» Зарубежной Европы (Великобритания, Нидерланды, страны Скандинавии и Балтии), она имеет тенденцию к понижению в странах «Юга», куда относятся крупные полуостровные государства, а также Кипр, Мальта, Румыния, некоторые страны бывшей Югославии.

Территориальная дифференциация внутри европейского макрорегиона по деловой активности в сфере услуг может быть использована в прогнозных оценках в управлении и реализации региональной политики. Предлагаемый подход к исследованию сферы услуг может быть применен на страновом и региональном уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ткаченко, А. А. География сферы обслуживания и география сектора услуг: районный путь, состояние, перспективы / А. А. Ткаченко, А. А. Фомкина // Региональные исследования. – 2016. – № 3 (53). – С. 5–13. – URL: [http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2016_03\(53\).pdf](http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2016_03(53).pdf) (дата обращения: 19.03.2020).

2. Волкова, А. А. Сфера услуг: теоретический анализ / А. А. Волкова // Известия Санкт-Петербургского экономического университета. – 2014. – № 4 (88). – С. 11–15 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sfera-uslug-teoreticheskiy-analiz> (дата обращения: 19.03.2020).

3. Киселева, И. А. Сфера услуг как основа развития современной экономики / И. А. Киселева, С. О. Искаджян // Финансовая аналитика: проблемы и перспективы. – 2013. – Т. 6, № 46. – С. 16–20. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=59701> (дата обращения: 19.03.2020).

4. Боташев, А. Ю. Теоретические аспекты оценки влияния сферы услуг на развитие экономики страны / А. Ю. Боташев // Управление экономическими системами. – 2011. – № 32. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-otsenki-vliyaniya-sfery-uslug-na-razvitie-ekonomiki-strany> (дата обращения: 19.03.2020).

5. Семина, И. А. Актуальные вопросы изучения третичного сектора экономики и организации городского общественного пространства: теория, опыт и проблематика / И. А. Семина // Успехи современного естествознания. – 2017. – № 11. – С. 95–100. – URL: <https://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=36588> (дата обращения: 19.03.2020).

6. Маннапов, Р. Г. Ключевые составляющие инновационного развития сферы услуг / Р. Г. Маннапов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 11. – С. 22–30. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=61091> (дата обращения: 19.03.2020).
7. Рубцова, Н. В. Развитие экономики услуг и современные подходы к пониманию эффективности / Н. В. Рубцова // Известия Байкальского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 53–55. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ekonomiki-uslug-i-sovremennye-podhody-k-ponimaniyu-effektivnosti> (дата обращения: 19.03.2020).
8. Мирошников, М. И. Рыночная трансформация экономики сферы услуг / М. И. Мирошников // Управление экономическими системами. – 2011. – № 36. – URL: <http://www.uecs.ru/uecs-36-122011/item/938-2011-12-28-12-05-51> (дата обращения: 19.03.2020).
9. Мустафаева, З. А. Трансформация сферы услуг в постиндустриальном обществе / З. А. Мустафаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3. – С. 66–73. – URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on10307 (дата обращения: 19.03.2020).
10. Гаджиева, А. Современная сфера услуг: классификация и роль в экономике / А. Гаджиева // Российский экономический журнал. – 2017. – № 6. – С. 67–78. – URL: http://www.re-j.ru/archive/2017/6/article_481 (дата обращения: 19.03.2020).
11. Балаева, О. Н. Сфера услуг в мировой экономике: тенденции развития / О. Н. Балаева, М. Д. Предводителява // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 3. – С. 23–28. – URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=2771 (дата обращения: 19.03.2020).
12. Савлов, М. Е. Макрогеографические особенности третичного сектора мировой экономики / М. Е. Савлов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2013. – № 2. – С. 19–24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/makrogeograficheskie-osobennosti-tretichnogo-sektora-mirovoy-ekonomiki/viewer> (дата обращения: 19.03.2020).
13. Савлов, М. Е. Третичный сектор мировой экономики: формирование сферы услуг и подходы к созданию типологии стран / М. Е. Савлов // Региональные исследования. – 2012. – № 4 (38). – С. 33–47. – URL: [http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2012_04\(38\).pdf](http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2012_04(38).pdf) (дата обращения: 19.03.2020).
14. The Case for Market and System Failures in Service Innovation / L. Rubalca-ba, J. Gallego, G. Di Meglio, P. den Hertog. – DOI 10.1080/02642060903067571 // The Service Industries Journal. – 2010. – Vol. 30, issue 4. – Pp. 549–566. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02642060903067571> (дата обращения: 19.03.2020).
15. Service-Oriented Technology and Management: Perspectives on Research and Practice for the Coming Decade / H. Demirkan, R. Kauffman, J. Vayghan [et al.]. – DOI 10.1016/j.elerap.2008.07.002 // Electronic Commerce Research and Applications. – 2008. – Vol. 7, issue 4. – Pp. 356–376. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1567422308000288?via%3Dihub> (дата обращения: 19.03.2020).

16. Jacob, F. The Transition from Product to Service in Business Markets: An Agenda for Academic Inquiry / F. Jacob, W. Ulaga. – DOI 10.1016/j.indmarman.2007.09.009 // *Industrial Marketing Management*. – 2008. – Vol. 37, issue 3. – Pp. 247–53. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0019850107001502> (дата обращения: 19.03.2020).

17. Vargo, S. From Goods to Service(s): Divergence and Convergence of Logic / S. Vargo, R. Lusch. – DOI 10.1016/j.indmarman.2007.07.004 // *Industrial Marketing Management*. – 2008. – Vol. 37, issue 3. – Pp. 254–259. – URL: https://www.researchgate.net/publication/222814281_From_Goods_to_Services_Divergences_and_Convergences_of_Logics (дата обращения: 19.03.2020).

18. Methodology for Service Innovation in a Multi-Disciplinary Context / L. Almfelt, O. Rexfelt, D. Zackrisson, T. Hallman // *Proceedings of ICED*. – 2009. – Vol. 5. – Pp. 405–416. – URL: https://www.researchgate.net/publication/222814281_From_Goods_to_Services_Divergences_and_Convergences_of_Logics (дата обращения: 19.03.2020).

19. Monteagudo, J. The Economic Impact of the Services Directive: A First Assessment Following Implementation / J. Monteagudo, A. Rutkowski, D. Lorenzani // *European Economy*. – 2012. – Economic Papers 456. – URL: https://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecp_456_en.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

20. Drejer, I. Identifying Innovation in Surveys of Services: A Schumpeterian Perspective / I. Drejer. – DOI 10.1016/j.respol.2003.07.004 // *Research Policy*. – 2004. – No. 33. – Pp. 551–562. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0048733303001732> (дата обращения: 19.03.2020).

21. Léonard, M. Impact of Services on Sustainable Development of Creative Society / M. Léonard, M. Yurchyshyna. – DOI 10.18848/1832-3669/CGP/v06i05/56136 // *The International Journal of Technology, Knowledge, and Society*. – 2010. – Vol. 6, issue 5. – Pp. 65–78. – URL: <https://cgscholar.com/bookstore/works/impact-of-services-on-sustainable-development-of-creative-society> (дата обращения: 19.03.2020).

22. Кондратьев, В. Трансформация глобальных цепочек стоимости: опыт трех отраслей / В. Кондратьев, В. Попов, Г. Кедрова. – DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-3-68-79 // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – Т. 64, № 3. – С. 68–69. – URL: https://www.imemo.ru/en/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=9546&jid=9529&jj=49 (дата обращения: 19.03.2020).

23. Горкин, А. П. Постиндустриальность экономики стран мира / А. П. Горкин // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. – 2007. – № 5. – С. 3–9. – URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/429218/> (дата обращения: 19.03.2020).

24. Квасова, Д. С. Развитие третичного сектора экономики в развитых странах / Д. С. Квасова // *Труды БГТУ. Серия 5. Экономика и управление*. – 2018. – № 2. – С. 85–92. – URL: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/27104/1/kvasova_razvitie%20tretichnogo%20sektora.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

25. Найденова, Н. В. Тенденции развития международной торговли под влиянием глобальных цепочек создания стоимости / Н. В. Найденова, А. В. Шкрябина. – DOI 10.24411/2413-046X-2019-19082 // *Московский эконо-*

мический журнал. – 2019. – № 9. – С. 465–476. – URL: <https://qje.su/wp-content/uploads/2019/10/Nomer-9-2019-Arhiv.pdf> (дата обращения: 19.03.2020).

26. Шустова, Е. А. География банковской системы Германии / Е. А. Шустова // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2015. – № 3. – С. 79–85. – URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/145/146> (дата обращения: 19.03.2020).

27. UNCTAD Findings on Services, Development and Trade. – Geneva: United Nations, 2014. – 40 p. – URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctncd2013d8_en.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

28. Синцеров, Л. М. География мировых хозяйственных связей в конце XIX – начале XX века / Л. М. Синцеров. – DOI 10.21782/GiPR0206-1619-2019-2(5-12) // География и природные ресурсы. – 2019. – № 2. – С. 5–12. – URL: http://www.izdatgeo.ru/journal.php?action=output&id=3&lang_num=1&id_dop=402 (дата обращения: 19.03.2020).

29. Services Trade Policies and the Global Economy. – Paris: OECD Publishing, 2017. – 108 p. – URL: <https://www.oecd.org/publications/services-trade-policies-and-the-global-economy-9789264275232-en.htm> (дата обращения: 19.03.2020).

30. Globalization in Transition: The Future of Trade and Value Chains / McKinsey Global Institute. – 2019. – 131 p. – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/globalization-in-transition-the-future-of-trade-and-value-chain> (дата обращения: 19.03.2020).

Поступила 25.02.2020; принята к публикации 28.03.2020; опубликована онлайн 30.06.2020.

Об авторах:

Лисин Данил Абинашевич, аспирант кафедры физической и социально-экономической географии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3314-6527>, lisindanil@yandex.ru

Семина Ирина Анатольевна, заведующий кафедрой физической и социально-экономической географии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат географических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-3102>, isemina@mail.ru

Фоломейкина Лариса Николаевна, доцент кафедры физической и социально-экономической географии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат географических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0172-2024>, folomejkina@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Лисин Данил Абинашевич – сбор материалов и инициация исследования; определение методологии исследования; подготовка начального варианта текста с последующей доработкой.

Семина Ирина Анатольевна – постановка научной проблемы исследования и определение основных направлений ее решения; структурирование и анализ данных.

Фоломейкина Лариса Николаевна – определение методологии исследования; критический анализ и доработка решения.

Для цитирования:

Лисин, Д. А. Страны Зарубежной Европы: развитие сферы услуг по композитному индексу деловой активности / Д. А. Лисин, И. А. Семина, Л. Н. Фоломейкина. – DOI 10.15507/2413-1407.111.028.202002.214-238 // Региология. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 214–238.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Tkachenko A.A., Fomkina A.A. The Geography of the Service Sector: The Passed Way, the Current Situation and Prospects. *Regionalnye issledovaniya* = Regional Studies. 2016; (3):5-13. Available at: [http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2016_03\(53\).pdf](http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2016_03(53).pdf) (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Volkova A.A. The Sphere of Services: A Theoretical Analysis. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo ehkonomicheskogo universiteta* = Bulletin of St. Petersburg State University of Economics. 2014; (4):11-15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sfera-uslug-teoreticheskiy-analiz> (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Kiseleva I.A., Iskadzhyan S.O. Service Trade as Basis of Development of Modern Economy. *Finansovaya analitika: problemy i perspektivy* = Financial Analytics: Science and Experience. 2013; 6(46):16-20. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=59701> (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Botashev A.Yu. [Theoretical Aspects of Assessing the Impact of the Service Sector on the Development of the Country's Economy]. *Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami* = Management of Economic Systems. 2011; (32). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-otsenki-vliyaniya-sfery-uslug-na-razvitiiekonomiki-strany> (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Semina I.A. Actual Issues of Studying the Tertiary Sector of Economics and Organization of Urban Public Spaces: Theory, Experience and Problems. *Uspekhi sovremennoego estestvoznaniya* = Advances in Current Natural Sciences. 2017; (11):95-100. Available at: <https://www.natural-sciences.ru/en/article/view?id=36588> (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Mannapov R.G. Key Components of the Innovative Development of Services. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* = National Interests: Priorities and Security. 2014; (11):22-30. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=61091> (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Rubtsova N.V. [Development of the Service Economy and Modern Approaches to Understanding Efficiency]. *Izvestiya Bajkalskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Baikal State University. 2006; (4):53-55. Available at: <https://cyber->

leninka.ru/article/n/razvitie-ekonomiki-uslug-i-sovremennyye-podhody-k-ponimaniyu-effektivnosti (accessed 19.03.2020). (In Russ.)

8. Miroshnikov M.I. [Market Transformation of the Service Economy]. *Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami* = Management of Economic Systems. 2011; (36). Available at: <http://www.uecs.ru/uecs-36-122011/item/938-2011-12-28-12-05-51> (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Mustafaeva Z.A. Transformation of Service Industry in Post-Industrial Society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennyye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2007; (3):66-73. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on10307 (accessed 19.03.2020). (In Russ.)

10. Gadzhieva A. The Modern Service Sector: Classification and the Role in the Economy. *Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal* = Russian Economic Journal. 2017; (6):67-78. Available at: http://www.re-j.ru/archive/2017/6/article_481 (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Balaeva O.N., Predvoditeleva M.D. Service Sector in World Economy: Trend of Development. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2007; (3):23-28. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=2771 (accessed 19.03.2020). (In Russ.)

12. Savlov M.E. Macro-Geographical Features of the Tertiary Sector of World Economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* = Moscow University Bulletin. Series 5. Geography. 2013; (2):19-24. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/makrogeograficheskie-osobennosti-tretichnogo-sektora-mirovoy-ekonomiki/viewer> (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Savlov M.E. Tertiary Sector of World Economy: The Approach to Creation of Country Typology. *Regionalnye issledovaniya* = Regional Studies. 2012; (4):33-47. Available at: [http://media.geogr.msu.ru/R1/R1_2012_04\(38\).pdf](http://media.geogr.msu.ru/R1/R1_2012_04(38).pdf) (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Rubalcaba L., Gallego J., Di Meglio G., den Hertog P. The Case for Market and System Failures in Service Innovation. *The Service Industries Journal*. 2010; 30(4):549-566. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/02642060903067571>

15. Demirkan H., Kauffman R., Vayghan J., Fill H., Karagiannis D., Maglio P. Service-Oriented Technology and Management: Perspectives on Research and Practice for the Coming Decade. *Electronic Commerce Research and Applications*. 2008; 7(4):356-376. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.elerap.2008.07.002>

16. Jacob F., Ulaga W. The Transition from Product to Service in Business Markets: An Agenda for Academic Inquiry. *Industrial Marketing Management*. 2008; 37(3):247-253. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2007.09.009>

17. Vargo S., Lusch R. From Goods to Service(s): Divergence and Convergence of Logic. *Industrial Marketing Management*. 2008; 37(3):254-259. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2007.07.004>

18. Almfelt L., Rexfelt O., Zackrisson D., Hallman T. Methodology for Service Innovation in a Multi-Disciplinary Context. *Proceedings of ICED*. 2009; 5:405-416. Available at: https://www.researchgate.net/publication/222814281_From_Goods_to_Services_Divergences_and_Convergences_of_Logics (accessed 19.03.2020). (In Eng.)

19. Monteagudo J., Rutkowski A., Lorenzani D. The Economic Impact of the Services Directive: A First Assessment Following Implementation. 2012; European

Economy. Economic Papers 456. Available at: https://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecp_456_en.pdf (accessed 19.03.2020).

20. Drejer I. Identifying Innovation in Surveys of Services: A Schumpeterian Perspective. *Research Policy*. 2004; (33):551-562. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2003.07.004>

21. Léonard M., Yurchyshyna M. Impact of Services on Sustainable Development of Creative Society. *The International Journal of Technology, Knowledge, and Society*. 2010; 6(5):65-78. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18848/1832-3669/CGP/v06i05/56136>

22. Kondratiev V., Popov V., Kedrova G. Global Value Chains Transformation: Three Industries' Cases. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2020; 64(3):68-69. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-3-68-79>

23. Gorkin A.P. [Post-Industrial Nature of the World Economies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* = Moscow University Bulletin. Series 5. Geography. 2007; (5):3-9. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/429218/> (accessed 19.03.2020). (In Russ.)

24. Kvasova D.S. Development of the Tertiary Sector of Economics in Developed Countries. *Trudy BGTU. Seriya 5. Ehkonomika i upravlenie* = Proceedings of BSTU. Series 5. Economics and Management. 2018; (2):85-92. Available at: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/27104/1/kvasova_razvitie%20tretchnogo%20sektora.pdf (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Naidenova N.V., Shkryabina A.V. International Trade Trends under the Influence of Global Value Chains. *Moskovskij ehkonomicheskij zhurnal* = Moscow Economic Journal. 2019; (9):465-476. (In Russ., abstract in Eng.) DOI <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-19082>

26. Shustova E.A. Geography of Banking in Germany. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* = Moscow University Bulletin. Series 5. Geography. 2015; (3):79-85. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/145/146> (accessed 19.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

27. UNCTAD Findings on Services, Development and Trade. Geneva: United Nations; 2014. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctncd2013d8_en.pdf (accessed 19.03.2020). (In Eng.)

28. Sintserov L.M. Geography of World Economic Relations at the Turn of the 20th Century. *Geografiya i prirodnye resursy* = Geography and Natural Resources. 2019; (2):5-12. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: [https://doi.org/10.21782/GiPR0206-1619-2019-2\(5-12\)](https://doi.org/10.21782/GiPR0206-1619-2019-2(5-12))

29. Services Trade Policies and the Global Economy. Paris: OECD Publishing; 2017. Available at: <https://www.oecd.org/publications/services-trade-policies-and-the-global-economy-9789264275232-en.htm> (accessed 19.03.2020). (In Eng.)

30. Globalization in Transition: the Future of Trade and Value Chains. McKinsey Global Institute; 2019. Available at: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/globalization-in-transition-the-future-of-trade-and-value-chain> (accessed 19.03.2020). (In Eng.)

Submitted 25.02.2020; accepted for publication 28.03.2020; published online 30.06.2020.

About the authors:

Danil A. Lisin, Postgraduate, Department of Physical and Socio-Economic Geography, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3314-6527>, lisindanil@yandex.ru

Irina A. Semina, Head of the Department of Physical and Socio-Economic Geography, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Geography), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-3102>, isemina@mail.ru

Larisa N. Folomeykina, Associate Professor, Department of Physical and Socio-Economic Geography, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Geography), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0172-2024>, folomejkina@mail.ru

Contribution of the authors:

Danil A. Lisin – collection of materials and initiation of the study; choice of research methodology; preparation of the initial version of the text with subsequent revision.

Irina A. Semina – statement of the research problem and identification of the main ways to solve it; data structuring and analysis.

Larisa N. Folomeykina – choice of research methodology; critical analysis and refinement of the solution.

For citation:

Lisin D.A., Semina I.A., Folomeykina L.N. Foreign European Countries: Development of the Service Sector according to the Composite Purchasing Managers' Index. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(2):214-238. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.214-238>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND
MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 338.45:621.31(470.345)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.111.028.202002.239-260

ISSN 2413-1407 (Online)

Совершенствование процесса управления
ИТ-инфраструктурой предприятия энергетической
отрасли Республики Мордовия

С. В. Бажанова*

Е. В. Учваткина

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
*svett_09@mail.ru

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью рационального управления ИТ-инфраструктурой крупными отраслевыми предприятиями для повышения эффективности своей экономической деятельности. Цель статьи – на основе результатов исследования деятельности предприятия энергосбытовой отрасли проанализировать пути повышения эффективности управления ИТ-инфраструктурой компании за счет внедрения отечественных программных продуктов.

Материалы и методы. Использовалась методология IT Infrastructure Library для описания ИТ-инфраструктуры предприятия и материалы научных публикаций. Применялись принципы системного и комплексного подходов, использовались общенаучные методы и приемы. Для сравнительного анализа отечественных автоматизированных информационных систем применялся метод анализа иерархий.

Результаты исследования. На основе анализа деятельности регионального монополиста энергосбытовой отрасли Республики Мордовия компании «Ватт» раскрыты недостатки в автоматизации вспомогательных и обеспечивающих бизнес-процессов крупных компаний. Изучены причины низкой эффективности процессов управления ИТ-инфраструктурой предприятия. Обосновано решение выявленных проблем с помощью программного обеспечения отечественных разработчиков. Проведен сравнительный анализ ряда российских автоматизированных информационных систем класса Service Desk.

© Бажанова С. В., Учваткина Е. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Обоснована необходимость совершенствования такого вспомогательного процесса, как процесс управления ИТ-инфраструктурой предприятия. Полученные результаты могут быть использованы в практике деятельности крупных компаний при реинжиниринге и модернизации основных и вспомогательных бизнес-процессов. Результаты проведенного сравнительного анализа российских автоматизированных информационных систем класса Service Desk могут использоваться для принятия решения о внедрении отечественного программного обеспечения.

Ключевые слова: ИТ-инфраструктура, ИТ-сервис, процесс поддержки ИТ-сервиса, процесс предоставления ИТ-сервиса, экономическая независимость, информационная безопасность, системы класса Service Desk

Improving the Process of Managing the IT Infrastructure of an Enterprise in the Energy Sector of the Republic of Mordovia

S. V. Bazhanova*, E. V. Uchvatkina

*National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
svett_09@mail.ru

Introduction. The study is of relevance due to the need for rational management of the IT infrastructure by large industry enterprises in order to increase the efficiency of their economic activities. The objective of this paper, based on the results of the study of the activities of enterprises in the energy sales industry, is to consider the ways of increasing the efficiency of management of the IT infrastructure of a company through the introduction of domestic software.

Materials and Methods. The study used materials of scientific publications and the ITIL (IT Infrastructure Library) methodology to describe the IT infrastructure of an enterprise. The principles of systemic and integrated approaches, general scientific methods and techniques were applied. The analytic hierarchy process was used in order to perform a comparative analysis of domestic automated information systems.

Results. Based on the analysis of the activities of the Watt company, a regional monopolist in the energy sales industry of the Republic of Mordovia, shortcomings in the automation of supporting business processes of large companies have been revealed. The reasons for the low efficiency of the management processes of the IT infrastructure of an enterprise have been considered. The solution to the problems identified through the domestic software has been substantiated. A comparative analysis of a number of Russian automated information Service Desk systems has been carried out.

Discussion and Conclusion. The necessity of improving such a supporting process as that of managing the IT infrastructure of an enterprise has been substantiated. The results obtained can be used in the practice of large companies in the reengineering and modernization of the main and supporting business processes. The results of the comparative analysis of Russian automated information Service Desk systems can be taken into account when deciding on the use of domestic software.

Keywords: IT infrastructure, IT service, IT service support process, process of provision of IT services, economic independence, information security, Service Desk systems

Введение. Деятельность современных предприятий и организаций в значительной степени зависит от используемых информационных технологий, которые стали неотъемлемой частью бизнеса любой направленности. Компании, имеющие эффективную ИТ-инфраструктуру, получают серьезное конкурентное преимущество стратегического уровня. Необходимость рационального управления информационными технологиями выходит на первый план, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Информационная структура предприятия (ИТ-инфраструктура) – совокупность информационных и информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов и по общим правилам, которые обеспечивают защищенное информационное взаимодействие всех участников производственного процесса [1, с. 4]. Правильно сформированная и эффективно управляемая ИТ-инфраструктура компании позволяет сотрудникам эффективно хранить и обрабатывать данные, работать с приложениями, быстро обмениваться информацией с коллегами и партнерами предприятия, оптимально использовать все возможности бизнес-приложений.

В настоящее время государство направляет множество ресурсов на обеспечение внедрения информационных технологий в деятельность организаций. Оно намерено осуществить комплексную цифровую трансформацию экономики России. В рамках данного проекта рассматривается и формирование возможностей создания эффективной информационной инфраструктуры в каждом регионе.

В России обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере является одной из национальных целей развития в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Данная цель в полном объеме реализуется и на уровне регионов. В то же время государство заинтересовано в обеспечении своей экономической безопасности. Масштабы угроз и реальный ущерб, нанесенный экономической безопасности государства в современных условиях, оказывают негативное влияние на экономическую, политическую и социальную сферы, уровень и качество жизни населения, что влечет за собой ряд новых проблем, требующих незамедлительного решения. Важным элементом экономической безопасности является информационная независимость, обеспечить которую призвано широкое внедрение отечественных программных средств в деятельность предприятий и организаций. Регионы призваны обеспечить решение поставленной задачи.

Как правило, в крупных отраслях основные бизнес-процессы грамотно автоматизированы, однако автоматизации вспомогательных и обеспечивающих бизнес-процессов, таких как, например, управление ИТ-инфраструктурой, должное внимание не уделяется. И это несмотря на то, что от их успешной реализации зависит и эффективное исполнение основных процессов. Рассмотрение связанных с этим проблем проводилось на основе анализа деятельности ИТ-службы предприятия энергосбытовой отрасли Республики Мордовия.

Цель статьи заключается в проведении всестороннего анализа процесса управления ИТ-инфраструктурой предприятия энергосбытовой отрасли Республики Мордовия и разработки мероприятий по повышению эффективности его функционирования.

Обзор литературы. Как пишет А. Б. Анисифоров, роль «управления предприятием существенно изменилась – от управления информационно-вычислительными процессами до управления всеми процессами компании, использующими информацию как ресурс». Развитие информационной экономики поставило перед управлением ИТ-инфраструктурой «целый ряд задач, решение которых стало возможным лишь на основе использования самых современных управленческих моделей, стандартов управления информационно-коммуникационных технологий и проектного менеджмента» [2, с. 135].

Надежное функционирование ИТ-инфраструктуры предприятий, по мнению А. С. Суровцева, «оказывает серьезное влияние на эффективную и успешную реализацию бизнес-задач и бизнес-процессов компании. Непрерывное развитие и усложнение структуры сети бизнес-процессов приводит к существенному росту сложности управленческих задач и привлекаемых для их решения ресурсов. Это в полной мере относится и к ИТ-службам предприятий» [3, с. 10].

Э. Замбон, С. Эталле, Р. Дж. Виринга и П. Хартел полагают, что использование современных информационных технологий может нести определенные риски для организации, связанные не только с ошибками при установке системы, выбором неверного решения, но и невозможностью собственными силами обеспечить должный уровень сопровождения и всестороннего развития систем или слабый потенциал применения имеющихся технологий. Поэтому принятие решений в этой сфере требует пристального внимания и разработки полноценного и всестороннего проекта внедрения [4]. Для улучшения эффективности деятельности организации с помощью оптимизации бизнес-процессов необходима цифровая трансформация всех процессов предприятия и ИТ-инфраструктуры [5; 6], для чего было разработано множество различных методологий (см., например, исследования Т. А. Гилева [7], Л. И. Ефремовой, О. Н. Целиной [8]).

Одним из способов автоматизации организации и улучшения управления ИТ-инфраструктурой является применение методологии ITIL. Методология ITIL (IT Infrastructure Library) появились в 1980-х гг. по поручению правительства Великобритании. Ее разработчиком является Центральное агентство по вычислительной технике и коммуникациям (ССТА); ITIL распространяется в свободном доступе в интернете. Со временем методология доказала свою эффективность, многие авторы рассматривают основные принципы библиотеки ITIL в рамках подхода ITSM и особенности их использования при процессном подходе к управлению средними и крупными предприятиями¹.

Применение методологии ITIL предполагает также анализ проблемы внедрения информационной системы для автоматизации деятельности организации² [9; 10]. Так, Ф. Роберт в своей работе пишет, что ITIL подробно рассматривает основные процессы в области информационных технологий; это способствует всестороннему описанию и совершенствованию ИТ-инфраструктуры организации [10]. Процесс автоматизации ИТ-службы в организации рассмотрен в работе Е. Ю. Шуваевой, Н. Н. Гаховой и К. А. Каткова, где подробно описана модель управления инцидентами, использующаяся в большинстве компаний, предложен подход к решению задачи автоматизации функционирования существующей системы управления инцидентами [11]. В исследовании С. П. Стерлягова и Н. А. Безматерных анализируется внедрение процессного подхода к управлению информационной инфраструктурой организации, основанного на современной методологии ITSM [12].

Мы придерживаемся мнения, что вся деятельность, связанная со стабильной работой ИТ-инфраструктуры, находится в рамках ответственности ИТ-отдела. С одной стороны, ИТ-служба должна обеспечивать эффективную поддерживающую функцию, что заключается в содействии предоставления ИТ-услуг, с другой – формировать новые ИТ-услуги, которые смогут создать конкурентные преимущества [13]. При анализе ИТ-инфраструктуры важно уделять внимание обеспечению информационной безопасности на предприятии [14]. Упущения в этой сфере чреваты для предприятия серьезными последствиями.

---

¹ Романова А. С., Буров Н. Н. Применение процессов ITIL в ИТ-отделах промышленных предприятий (на примере АО «СЗ «Вымпел») // Российская экономика в условиях современного кризиса: проблемы и пути выхода: сб. материалов науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных работников: 20-летию высшей школы экономики КНИТУ посвящается. Казань, 2016. С. 116–118.

² Шарманова А. А. Внедрение методологий ITIL в деятельность ООО «Комдив» // Научно-технические и инженерные разработки – основа решения современных экологических проблем: сб. материалов Юбилейной семидесятой всеросс. науч.-техн. конф. студентов, магистрантов и аспирантов с международным участием. Ярославль, 2017. С. 137–141.

Для развития эффективной ИТ-инфраструктуры немаловажным является ее программная и техническая составляющие. Важно обеспечить соответствие требований программных средств возможностям аппаратного обеспечения организации. Решение ряда проблем автоматизации управления ИТ-инфраструктурой возможно с помощью внедрения систем класса Service Desk. В соответствии с тенденциями клиентоориентированной экономики в настоящее время такие системы активно внедряются для обеспечения технической поддержки на предприятиях и в организациях различного масштаба и сферы деятельности. Современные системы данного класса представляют расширенный функционал для реализации поставленных задач управления, в том числе дистанционно, что особенно актуально в свете последних событий [15–17]. В частности, П. Бобер в своем исследовании приводит пример имитационной модели, которая позволит руководителям моделировать инциденты и на их основе решать реальные проблемы [16], а ученые из Сингапура анализируют систему WebHotLine, которая поможет службе поддержки решать возникающие трудности [17].

Несмотря на то что различным аспектам организации и управления ИТ-инфраструктурой в экономической науке уделено достаточно много внимания, в настоящее время исследованию эффективности ИТ-службы организации энергосбытовой отрасли на основе модели ИТЛ все же посвящено недостаточное количество работ.

Материалы и методы. Информационной базой данного исследования выступила компания энергетической отрасли АО ТФ «Ватт». Это предприятие, обеспечивающее электрической энергией потребителей г. о. Саранск Республики Мордовия. В ходе исследования был осуществлен анализ ИТ-инфраструктуры и ИТ-службы организации. Для сбора информации был проведен опрос сотрудников отдела компьютерной автоматизации АО ТФ «Ватт», использовались данные строгой отчетности и информация с сайта организации³.

Дальнейшее описание результатов опроса и систематизация полученной информации проводились на основе использования общедоступной методологии ИТЛ и материалов научных публикаций по данной тематике. Также при характеристике ИТ-службы применялись принципы системного и комплексного подходов.

После анализа ИТ-инфраструктуры были выявлены слабые стороны процесса управления и предоставления ИТ-услуг и даны рекомендации для их устранения в соответствии с методологией ИТЛ.

---

³ Официальный сайт АО ТФ «Ватт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tfwatt.ru> (дата обращения: 18.01.2020).

Для сбора информации и анализа информационных систем использовались открытые интернет-источники, а именно официальные сайты компаний – разработчиков систем⁴.

Исследование качественных характеристик отечественных автоматизированных информационных систем проводилось с помощью анализа иерархий, который позволил учесть большое количество факторов и выбрать наилучшую систему в соответствии с имеющимися требованиями.

Результаты исследования. Акционерное общество техническая фирма «Ватт» (АО ТФ «Ватт») представляет собой основное предприятие, обеспечивающее электрической энергией потребителей г. о. Саранск Республики Мордовия. «Ватт» является монополистом в сфере передачи электрической энергии: доля рынка в этом секторе на территории г. Саранска составляет около 92 %, на территории Республики Мордовия – около 22 %.

Компании, осуществляющие свою деятельность в стратегически важных отраслях, например, в энергетической отрасли, наибольшие усилия вкладывают в осуществление и совершенствование основных бизнес-процессов. К ведущей сфере деятельности АО ТФ «Ватт» относят эксплуатацию электрических сетей, прием, передачу и распределение электрической энергии, оказание услуг по технологическому присоединению, работы по устройству наружных сетей электроснабжения, монтаж и пусконаладочные работы электротехнических установок, проектирование сетей электроснабжения, работы по устройству наружных сетей электроснабжения в г. Саранске и других населенных пунктах Республики Мордовия⁵. Обеспечивающим бизнес-процессам уделяется меньше внимания, чем основным, несмотря на то, что они влияют на эффективность и качество осуществления основных бизнес-процессов. Однако в условиях современной действительности без эффективно выстроенных обеспечивающих бизнес-процессов нет возможности совершенствоваться и развивать организацию. Одним из наиболее важных бизнес-процессов, который относится к этой группе, является процесс управления ИТ-инфраструктурой.

Процесс управления ИТ-инфраструктурой АО ТФ «Ватт» рассмотрен в соответствии с библиотекой ИТIL, в которой выделяются процессы поддержки и предоставления ИТ-сервисов. ИТIL – это совокупность руководств, в которых описывается интегрированная методология управле-

---

⁴ Официальный сайт программного обеспечения ITSM 365 [Электронный ресурс]. URL: <https://itism365.ru>; Официальный сайт программного обеспечения «Итилиум» [Электронный ресурс]. URL: <https://itilium.ru>; Официальный сайт программного обеспечения VsDesk [Электронный ресурс]. URL: <https://vsdesk.ru>; Официальный сайт программного обеспечения IntraService [Электронный ресурс]. URL: <https://intraservice.ru> (дата обращения: 18.02.2020).

⁵ Официальный сайт АО ТФ «Ватт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tf watt.ru>.

ния ИТ-услугами, основанная на передовом опыте большого количества компаний и использующая процессный подход.

Проведенный анализ предприятия показал, что процесс управления ИТ-инфраструктурой реализуется недостаточно эффективно. В блоке процессов поддержки ИТ-сервисов необходимо модернизировать процессы управления инцидентами (инцидент – любое событие, не являющееся частью нормального функционирования ИТ-сервиса), изменениями и конфигурациями.

Обращение пользователей в случае возникновения инцидента в АО ТФ «Ватт» осуществляется по телефону. Если инцидент произошел с одним из ответственных узлов, то сотрудник отдела компьютерной автоматизации может просмотреть показатели деятельности узла (время простоя, загруженность ядра, объем используемой памяти и т. д.) с помощью программного средства Zabbix и на основе имеющейся информации попытаться удаленно решить проблему или дать рекомендации по устранению инцидента. Также на предприятии ведется общедоступная база знаний, в которой представлен перечень наиболее распространенных инцидентов и способы их самостоятельного решения пользователями. База знаний постоянно прорабатывается и пополняется, но используется преимущественно ИТ-сотрудниками.

При анализе функционирования процесса управления инцидентами в компании выявлены следующие недостатки:

- не осуществляется приоритизация и категоризация инцидентов;
- возможность управлять проблемами имеет место только при их непосредственном возникновении в ответственных узлах;
- не отслеживается активность конфигурационных единиц, которые не являются ответственными узлами.

В связи с тем что в АО ТФ «Ватт» процесс управления инцидентами построен недостаточно эффективно, отдел компьютерной автоматизации не имеет возможности оперативно предотвращать возникновение проблем и связанных с ними инцидентов, а также снижать их влияние на предоставляемые ИТ-сервисы.

Ряд проблем касается процесса управления конфигурациями. Данный процесс необходим для управления экономическими характеристиками ИТ-сервисов за счет поддержания логической модели ИТ-инфраструктуры.

Ежегодно в АО ТФ «Ватт» проводится инвентаризация оборудования и программного обеспечения, при котором учет конфигурационных единиц осуществляется с помощью Microsoft Excel. Такой способ работы для предприятий с масштабной ИТ-инфраструктурой неэффективен.

В функционировании процесса управления конфигурациями были выявлены следующие проблемы:

- существующий способ учета предполагает ручной ввод атрибутов конфигурационных единиц;

- отсутствует база данных номенклатуры объектов ИТ-инфраструктуры;
- отсутствует библиотека эталонного программного обеспечения.

В связи с существованием данных проблем отдел компьютерной автоматизации не имеет возможности отслеживать все конфигурационные единицы, их состояние и жизненный цикл, а также перейти на проактивный принцип работы.

К основным процессам управления ИТ-инфраструктурой относится процесс управления изменениями. Данный процесс используется для внедрения всех необходимых и требуемых изменений, которые были запланированы и согласованы с руководством. Процесс предполагает регистрацию всех изменений ИТ-инфраструктуры организации, согласование и одобрение изменений, разработку графика работ по внедрению изменений, предоставление всех необходимых ресурсов, всестороннюю оценку воздействия изменений на ИТ-инфраструктуру, на деятельность всего предприятия и связанных с ними рисков.

Планирование изменений в АО ТФ «Ватт» проводится в основном внутри отдела компьютерной автоматизации. Если изменения затрагивают предприятие в целом и являются довольно дорогостоящими, то они обсуждаются с высшим руководством (при этом составляется план проведения изменений и планируется бюджет, необходимый для их реализации).

В АО ТФ «Ватт» отделом автоматизации разрабатывается большое количество собственных программных средств, таких как редактор мнемосхем, панорамный режим, журнал нарядов и распоряжений, реестр трансформаторов напряжения, система телеметрии и телеуправления, подсистема учета спецодежды в программе «1С: Бухгалтерия предприятия 8.2» и др. Разработка ведется на объектно-ориентированном языке программирования Object Pascal.

При большом количестве собственных разработок необходимо более качественное управление изменениями на предприятии. Если изменения должным образом не контролируются, то часто в результате их проведения могут возникать инциденты, конфликты оборудования и сбои в нормальном предоставлении услуг. Число инцидентов может значительно возрасти, что приведет к необходимости принятия срочных мер и усилению нагрузки на сотрудников отдела автоматизации.

В процессе управления изменениями обнаружены следующие недостатки:

- отсутствует коллегиальный орган по согласованию изменений;
- отсутствует регламент на формирование запроса на изменение (RFC);
- не сформирована процедура возврата к исходному состоянию;
- не осуществляется оценка эффективности изменений.

Процесс управления изменениями предполагает наличие коллегиального органа по согласованию изменений. Он необходим для того, чтобы

эффективно оценивать изменения, их воздействие на различные аспекты деятельности фирмы и ее подразделений, затраты на эти изменения, выгоды и связанные с ними риски.

Существующий подход не позволяет управлять жизненным циклом изменений. Чтобы эффективно управлять данным процессом все изменения должны быть зарегистрированы, приоритезированы и категоризированы. Должны быть выделены их виды: например, изменения могут быть срочными или направленными на долгосрочную перспективу. Мы также предполагаем необходимость регламента на внедрение изменений и возврата к исходному состоянию в случае, если это будет необходимо в определенной ситуации.

Одним из наиболее значимых процессов в блоке предоставления ИТ-сервисов является процесс управления уровнем сервиса. Он предполагает определение, согласование и контроль параметров предоставляемых ИТ-услуг. Процесс отвечает за формирование соглашения об уровне сервиса, гарантию его выполнения, согласование требований и постановку значений параметров, которым должны соответствовать ИТ-сервисы.

В соглашении должны быть описаны обязательства поставщика и условия предоставления услуг, а также обязанности и возможности пользователей по потреблению услуг. Заключая соглашение об уровне сервиса с бизнес-структурой, ИТ-служба гарантирует предоставление услуги с уровнем качества не ниже согласованного⁶.

Соглашение об уровне сервиса в АО ТФ «Ватт» в документированном виде отсутствует. Требования к программным средствам, функционирующим в отделах, устанавливают пользователи и сотрудники отдела компьютерной автоматизации в устной форме.

Для совершенствования и улучшения функционирования процесса управления ИТ-инфраструктурой мы предлагаем реализовать следующие мероприятия:

- обеспечить сотрудников всех подразделений единой точкой доступа;
- автоматизировать процесс управления жизненным циклом инцидентов и проблем;
- обеспечить сотрудников ИТ-службы актуальной информацией об активностях всех конфигурационных единиц;
- обеспечить возможность предупреждения и предотвращения появления проблем и инцидентов;
- сформировать коллегиальный орган по обсуждению изменений;
- сформулировать соглашение об уровне сервиса.

Большинство выявленных проблем можно решить с помощью автоматизации процесса управления ИТ-услугами, а именно с помощью

⁶ Библиотека ITIL [Электронный ресурс]. URL: <https://www.axelos.com/best-practice-solutions/itil> (дата обращения: 01.03.2020).

внедрения автоматизированной информационной системы, направленной на эффективное управление ИТ-инфраструктурой, например, системы класса Service Desk.

В рамках проекта о цифровой трансформации экономики России, реализуемого государством, рассматривается и формирование возможностей создания информационной инфраструктуры в каждой организации. Республика Мордовия в полном объеме старается реализовать его основные направления.

Цифровизация экономики России и реализация ее национальных интересов, как мы уже раньше писали, «возможна только в результате устойчивого функционирования всех составляющих экономической безопасности. Одним из критериев экономической безопасности является информационная независимость государства». В современных условиях социально-экономической нестабильности и «нарастающих санкций против России особенно важно сохранить целостность и независимость государства, несмотря на негативное влияние внешних факторов» [18]. Для реализации поставленных правительством задач и обеспечения информационной безопасности и независимости государств необходимо, в первую очередь, использовать отечественное программное обеспечение в деятельности предприятий и организаций, наиболее значимых для экономики страны.

Республика Мордовия в полной мере осознает необходимость реализации поставленной задачи и нацелена на внедрение в деятельность предприятий программных средств отечественных разработчиков. АО ТФ «Ватт» – предприятие, вносящее значительный вклад в экономику республики. Поэтому, в соответствии с проводимой государством политикой, для совершенствования его ИТ-инфраструктуры необходимо внедрить на предприятии отечественную систему класса Service Desk. Service Desk – специализированная функциональная единица, ориентированная на обработку специфических сервисных событий, поступающих в форме обращений пользователей или сообщений систем мониторинга. Главная цель Service Desk – наискорейшее восстановление требуемого уровня сервиса⁷. Использование системы класса Service Desk позволит повысить информационную безопасность на предприятии, а именно обеспечит принятие предупредительных мер по обеспечению конфиденциальности, целостности, а также доступности информации.

Рассмотрев наиболее известные системы отечественного производства, мы выбрали IntraService, «Итилиум», ITSM 365 и vsDesk. Затем с помощью метода анализа иерархий были проанализированы данные отечественные программные средства.

⁷ Официальный сайт программного обеспечения ITSM 365 [Электронный ресурс]. URL: <https://itsm365.ru>.

IntraService – разработка отечественной компании IntraVision. Это система учета заявок с веб-интерфейсом. IntraService подходит для обработки заявок клиентов, постановки задач, организации полноценной службы Service Desk или оказания аутсорсинговых услуг. Система проста в настройке, имеет удобный и понятный интерфейс как для администратора, так и для простого пользователя.

«Итилиум» – первое российское решение, разработанное компанией «Деснол Софт» по управлению ИТ-услугами на платформе 1С. Система позволяет вести учет активов, управлять работой службы технической поддержки, организовывать управление внутренними пользователями на основе каталога услуг и соглашений об уровне сервиса.

ITSM 365 – это российское servicedesk/helpdesk решение, разработанное компанией Naumen, для автоматизации ИТ-службы и службы поддержки бизнеса любого уровня, доступное в облаке.

Система vsDesk, разработанная российской компанией «АдмПро», используется для автоматизации работы как внутреннего ИТ-отдела, так и внешней службы технической поддержки.

Для характеристики систем были выделены следующие критерии:

1) техническая поддержка, которая включает в себя основную функцию систем класса Service Desk, т. е. предоставление услуг, которые помогут пользователю устранить неполадки, возникающие при работе с компьютерными аппаратными средствами, программным обеспечением или другими электронными или машинными устройствами;

2) соответствие модели ITIL – соответствие системы всем процессам управления ИТ-услугами, которые представлены в модели ITIL;

3) управление ИТ-активами – функции системы, отвечающие за управление всеми ИТ-ресурсами организации;

4) совместная работа и личная эффективность – функции, отвечающие за эффективность коллективной работы сотрудников ИТ-службы;

5) поддержка и работа с клиентами – функции системы, направленные на эффективное общение с клиентами системы;

6) база знаний – функциональность базы знаний системы;

7) безопасность и конфиденциальность – критерий, отвечающий за сохранность и конфиденциальность данных компании;

8) прочие возможности систем.

Для проведения анализа каждый из критериев был описан рядом показателей. Данные показатели характеризуют функциональные возможности системы и раскрывают критерии более детально, что позволяет провести наиболее полную и всестороннюю оценку систем. Например, критерий «Техническая поддержка» включает десять показателей. Если показатель соответствует возможностям анализируемой системы, то ему присваивалась оценка «1», если не соответствует – «0». Обобщенная оценка всех критериев систем представлена в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Характеристика систем класса Service Desk
T a b l e 1. Characteristics of Service Desk systems

Критерии / Criteria	Intra-Service	Итили-ум / Itilium	ITSM 365	vsDesk
Техническая поддержка / Technical support	10,0	7,0	10,0	9,0
Соответствие модели ITIL / Compliance with the ITIL model	6,0	7,0	7,0	5,0
Управление ИТ-активами / IT asset management	5,0	8,0	8,0	1,0
Совместная работа и личная эффективность / Collaboration and personal effectiveness	7,0	4,0	7,0	6,0
Поддержка работ клиентами / Support and customer service	9,0	6,0	10,0	8,0
База знаний / Knowledge base	5,0	3,0	3,0	2,0
Безопасность и конфиденциальность / Security and privacy	2,0	0	2,0	1,0
Возможности / Capabilities	6,7	2,8	6,4	5,6
Итого / Total	50,7	37,8	53,4	37,6

Представленные выше критерии выбора систем и альтернативы выбора мы попарно сравнили и присвоили баллы и на основе данной информации составили матрицы попарных сравнений. Далее произвели нормировку матриц и определили вес каждого критериев и альтернатив. Результаты представлены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Матрица весов критериев выбора
T a b l e 2. Matrix of weights of selection criteria

Критерии / Criteria	Вес, % / Weight, %
1	2
Техническая поддержка / Technical support	15,19
Соответствие модели ITIL / Compliance with the ITIL model	19,97
Управление ИТ-активами / IT asset management	7,04
Совместная работа и личная эффективность / Collaboration and personal effectiveness	3,22

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2
Поддержка и работа с клиентами / Support and customer service	34,45
База знаний / Knowledge base	2,51
Безопасность и конфиденциальность / Security and privacy	7,48
Возможности / Capabilities	10,13

Из таблицы 2 видно, что наиболее весомыми критериями являются поддержка и работа с клиентами (34,45 %), соответствие модели ITIL (19,97) и техническая поддержка (15,19 %). В таблице 3 представлена оценка каждого из критериев для всех рассматриваемых систем.

Т а б л и ц а 3. Матрица весов альтернатив выбора

T a b l e 3. Matrix of weights of selection alternatives

Название ПО / Software	Техническая поддержка / Technical support	Соответствие модели ITIL / Compliance with the ITIL model	Управление ИТ-активами / IT asset management	Совместная работа и личная эффективность / Collaboration and personal effectiveness
IntraService	0,39	0,19	0,12	0,40
Итилиум / Itilium	0,08	0,37	0,41	0,06
ITSM 365	0,39	0,39	0,41	0,40
vsDesk	0,14	0,04	0,07	0,13
Название ПО / Software	Поддержка и работа с клиентами / Support and customer service	База знаний / Knowledge base	Безопасность и конфиденциальность / Security and privacy	Возможности / Capabilities
IntraService	0,22	0,52	0,39	0,44
Итилиум / Itilium	0,05	0,22	0,05	0,16
ITSM 365	0,64	0,23	0,39	0,23
vsDesk	0,09	0,04	0,18	0,16

Затем путем перемножения матриц весов альтернатив (табл. 3) и весов критериев (табл. 2) мы вычислили вес альтернатив (табл. 4) с точки зрения достижения цели.

Т а б л и ц а 4. Матрица весов альтернатив выбора

T a b l e 4. Matrix of weights of selection alternatives

Альтернативы / Alternatives	Вес, % / Weight, %
IntraService	28
Итилиум / Itilium	16
ITSM 365	45
vsDesk	10

Таким образом, согласно таблице 4, наилучшей системой Service Desk в соответствии с методом анализа иерархий является ITSM 365. Она поможет автоматизировать практически все процессы ITIL. Процесс управления инцидентами будет реализован на предприятии более эффективно. Ключевым моментом автоматизации станет возможность регистрации заявки на инцидент. Регистрация заявки возможна через электронную почту, по телефону или через личный кабинет ITSM 365.

Благодаря автоматизации процесса управления инцидентами в работе ИТ-отдела появится упорядоченность. У каждого из сотрудников будет четкое представление о том, что и в какие сроки ему необходимо выполнить. Все инциденты будут отслеживаться, благодаря чему появится возможность перейти на проактивный принцип работы.

Процесс управления изменениями после внедрения системы приобретет более структурированный вид и будет включать в себя регистрацию изменений, оценку воздействия, затрат, выгод и рисков от предлагаемых изменений, разработку бизнес-обоснований, получение одобрения, управление и координацию реализации изменений, мониторинг и доклады о внедрении, пересмотр и закрытие требований на изменения.

Управление изменениями в соответствии с методологией ITIL предполагает наличие запроса на изменение (RFC). Система ITSM 365 позволит автоматизировать данный процесс. Сотрудник – инициатор изменений с помощью ITSM 365 сможет подробно описать изменение, указать планируемую дату, выбрать категорию и используемые конфигурационные единицы. При этом для эффективного управления запросами одному из сотрудников ИТ-отдела будет назначена роль администратора системы. Данная роль позволит распределять запросы на изменения по сотрудникам ИТ-отдела, выставлять приоритеты, отклонять запросы. ИТ-сотрудник сможет добавлять и отмечать мероприятия, необходимые

для реализации изменения, добавлять задачи, согласовывать возможности, закрывать инцидент.

Для улучшения эффективности управления изменениями необходимо сформировать коллегиальный орган по обсуждению изменений, который должен принимать решение об утверждении изменений высокого уровня. Этот орган будет включать в себя начальника отдела компьютерной автоматизации, представителей от отдела экономики и финансов, представителей основных направлений бизнеса и ИТ-сотрудников.

ITSM 365 позволяет включать в запрос на изменение согласующих сотрудников, без согласия которых невозможно продолжить работу над изменениями.

В результате внедрения Service Desk процесс управления изменениями будет реализовываться более эффективно и быстро. Все изменения будут учитываться и классифицироваться, будут автоматизированы действия рассмотрения, согласования и отклонения изменений.

ITSM 365 позволяет вести учет всех ИТ-активов организации, хранить информацию об их характеристиках, владельцах, отделах, в которых они функционируют, отслеживать информацию о конфигурациях на протяжении всего жизненного цикла.

Для улучшения процесса предоставления ИТ-сервисов мы разработали соглашение об уровне сервиса, в котором указаны следующие характеристики:

- определение предоставляемого сервиса, стороны, вовлеченные в соглашение, и сроки действия соглашения;
- доступность ИТ-сервиса включая модернизацию, тестирование и поддержку;
- число и размещение пользователей и/или оборудования, использующих данный ИТ-сервис;
- характеристика показателей качества ИТ-сервиса;
- ответственности клиентов при использовании ИТ-сервиса;
- описание процедуры отчетов о проблемах;
- описание процедуры запросов на изменение.

Благодаря формализации отношений между ИТ-отделом и другими подразделениями появится возможность более качественно, оперативно и без существенных затрат решать возникающие проблемы, а также станет возможным проведение профилактических мероприятий и грамотное управление ожиданиями пользователей.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что для повышения эффективности процесса управления ИТ-инфраструктурой в АО ТФ «Ватт» необходимо внедрить отечественную систему ITSM 365, создать коллегиальный орган по обсуждению изменений и использовать на практике разработанное со-

глашение об уровне сервиса, что обеспечит согласованность требований и эффективность предоставления всех необходимых ИТ-сервисов. Внедрение Service Desk позволит скоординировать и автоматизировать действия ИТ-сотрудников, обеспечить их актуальной информацией обо всех действующих на предприятии конфигурационных единицах, формировать информацию о потребностях организации в информационных технологиях и перейти к проактивному принципу работы. Данные мероприятия способствуют созданию ИТ-инфраструктуры, отвечающей требованиям государства в области информационных технологий и обеспечивающей информационную безопасность и эффективность использования.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы отраслевыми компаниями при принятии решений по вопросам совершенствования ИТ-инфраструктуры предприятия и автоматизации ее обслуживания, при модернизации технологических процессов, а также при внедрении в сферу управления информационной системой организации методологии ITIL. Сравнительный анализ российских автоматизированных информационных систем класса Service Desk может быть интересен как разработчикам отечественного программного обеспечения, так и ИТ-менеджерам.

Дальнейшие исследования предполагают анализ и совершенствование инфокоммуникационных инфраструктур автоматизированной системы управления основными и вспомогательными технологическими процессами. Использование для интеграции систем отечественного программного обеспечения будет соответствовать основным тенденциям цифровизации российской экономики, способствовать повышению эффективности существующих производственных и технологических процессов и снижению потребности в капитальных затратах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kim, B. Virtual Field Experiments for a Digital Economy: A New Research Methodology for Exploring an Information Economy / B. Kim, A. Barua, A. B. Whinston. – DOI 10.1016/S0167-9236(01)00094-X // Decision Support Systems. – 2002 – Vol. 32, issue 3. – Pp. 215–231. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S016792360100094X> (дата обращения: 02.04.2020).

2. Анисифоров, А. Б. Базовые принципы формирования, развития и эксплуатации информационной инфраструктуры предприятия в решении задач информационного менеджмента / А. Б. Анисифоров. – DOI 10.17586/2310-1172-2019-12-3-128-136 // Экономика и экологический менеджмент. – 2019. – № 3. – С. 128–136. – URL: http://economics.ihbt.ifmo.ru/ru/article/19097/Basic_principles_of_formation_development_and_operationInformation_infrastructure_of_the_enterprise_in_solving_problemsInformation_management.htm (дата обращения: 02.04.2020).

3. Суровцев, А. С. Модели ITSM и системы ITIL как основа систем управления / А. С. Суровцев // Центральный научный вестник. – 2017. – Т. 2, № 18 (35). – С. 10–11. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30042526_56134011.pdf (дата обращения: 02.04.2020).
4. Model-Based Qualitative Risk Assessment for Availability of IT Infrastructures / E. Zambon, S. Etalle, R. J. Wieringa, P. Hartel. – DOI 10.1007/s10270-010-0166-8 // *Softw Syst Model*. – 2011. – Vol. 10. – Pp. 553–580. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10270-010-0166-8#citeas> (дата обращения: 02.04.2020).
5. Зараменских, Е. П. Цифровые сервисы: их атрибуты и взаимосвязь с архитектурой предприятия / Е. П. Зараменских. – DOI 10.26425/1816-4277-2018-10-36-42 // *Вестник университета*. – 2018. – № 10. – С. 36–42. – URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/1166> (дата обращения: 02.04.2020).
6. Ильин, И. В. Цифровая трансформация как фактор формирования архитектуры и ИТ-архитектуры предприятия / И. В. Ильин, А. И. Левина, А. С. Дубгорн. – DOI 10.17586/2310-1172-2019-12-3-50-55 // *Экономика и экологический менеджмент*. – 2019. – № 3. – С. 50–55. – URL: http://economics.ihbt.ifmo.ru/ru/article/19081/cifrovaya_transformaciya_kak_faktor_formirovaniya_arhitektury_i_it-arhitektury_predpriyatiya.htm (дата обращения: 02.04.2020).
7. Гилева, Т. А. Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления / Т. А. Гилева. – DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-38-52 // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. – 2019. – № 1 (27). – С. 38–52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-zrelost-predpriyatiya-metody-otsenki-i-upravleniya/viewer> (дата обращения: 02.04.2020).
8. Ефремова, Л. И. Исследование архитектуры предприятия ООО «Мечта» / Л. И. Ефремова, О. Н. Целина. – Текст: электронный // *Вектор экономики*. – 2018. – № 4. – URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/4/economicsmanagement/Efremova_Tselina.pdf (дата обращения: 02.04.2020).
9. Ждамирова, Э. Ю. Управление рисками при внедрении технологий ITIL / Э. Ю. Ждамирова, А. В. Демина // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. – 2017. – № 4 (68). – С. 116–118. – URL: http://www.seun.ru/content/nauka/5/4/doc/Vestnik_4_68_2017.pdf (дата обращения: 02.04.2020).
10. Robert, F. Interdependence of COBIT and ITIL / F. Robert // *ISACA Journal*. – 2007. – No. 1. – URL: <https://ru.scribd.com/document/57407966/Jpdf0701-Interdependence-of-Cobit> (дата обращения: 02.04.2020).
11. Катков, К. А. Моделирование процессов управления инцидентами в информационной системе IT-компании / К. А. Катков, Н. Н. Гахова, Е. Ю. Шуваева. – DOI 10.18413/2518-1092-2017-2-3-11-17 // *Научный результат. Информационные технологии*. – 2017. – Т. 9, № 3. – С. 11–17. – URL: <http://rinformation.ru/journal/annotation/1161/> (дата обращения: 02.04.2020).
12. Стерлягов, С. П. Совершенствование деятельности отдела информационных технологий налоговой инспекции на основе методологии itsm/itil / С. П. Стерлягов, Н. А. Безматерных. – Текст: электронный // *Науковедение*. – 2017. – № 3 (40). – С. 1–13. – URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/116EVN317.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).

13. Бажанова, С. В. Эффективное управление работой ИТ-отдела / С. В. Бажанова, Т. А. Картавченко, А. О. Стенькина // Системное управление. – 2016. – № 1 (30). – С. 1–6. – URL: http://sisupr.mrsu.ru/2016-1/PDF/Bazhanova_2016-1.pdf (дата обращения: 02.04.2020).

14. Бажанова, С. В. Повышение эффективности работы ИТ-отдела телекоммуникационной компании / С. В. Бажанова, А. А. Тремякина, Т. В. Тюркина. – Текст: электронный // Огарёв-Online. – 2017. – № 2 (91) – С. 1–5. – URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/povyshenie-effektivnosti-raboty-it-otdela-telekommunikacionnoj-kompanii> (дата обращения: 02.04.2020).

15. The Use of Service Desk System to Keep Track of Computational Tasks on Supercomputers / A. V. Bogdanov, I. G. Gankevich, Y. A. Tipikin [et al.]. – DOI 10.1007/978-3-662-50412-3_1 // Transactions on Computational Science XXVII / eds. by M. L. Gavrilova, C. J. Kenneth Tan. – Berlin : Springer, 2016. – Pp. 1–9. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-662-50412-3_1 (дата обращения: 02.04.2020).

16. Bober, P. Simulation for it Service Desk Improvement / P. Bober. – DOI 10.12776/QIP.V18I1.343 // Quality. Innovation. Prosperity. – 2014. – Vol. 18, no. 1. – Pp. 47–58. – URL: <http://www.qip-journal.eu/index.php/QIP/article/view/343> (дата обращения: 02.04.2020).

17. An Integrated Help Desk Support for Customer Services Over the World Wide Web – a Case Study / S. Foo, S. C. Hui, P. C. Leong, S. Liu. – DOI 10.1016/S0166-3615(99)00037-8 // Computers in Industry. – 2000. – Vol. 41, issue 2. – Pp. 129–145. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0166361599000378> (дата обращения: 02.04.2020).

18. Бажанова, С. В. Независимость информационных ресурсов как элемент информационной безопасности государства / С. В. Бажанова, Н. А. Сырямина // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 1–8. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39561161_44373147.pdf (дата обращения: 02.04.2020).

Поступила 11.03.2020; принята к публикации 09.04.2020; опубликована онлайн 30.06.2020.

Об авторах:

Бажанова Светлана Валерьевна, доцент кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат психологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7427-435X>, svett_09@mail.ru

Учваткина Екатерина Витальевна, магистрант направления подготовки «Бизнес-информатика» ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3290-4250>, uchvatkina.e@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Бажанова Светлана Валерьевна – научное руководство, постановка научной проблемы; определение замысла и методологии статьи; интерпретация и анализ полученных материалов; доработка текста статьи.

Учваткина Екатерина Витальевна – проведение исследования и первичная обработка полученных результатов; подготовка тематических разделов статьи; интерпретация и анализ полученных материалов; подготовка начального варианта текста.

Для цитирования:

Бажанова, С. В. Совершенствование процесса управления ИТ-инфраструктурой предприятия энергетической отрасли Республики Мордовия / С. В. Бажанова, Е. В. Учваткина. – DOI 10.15507/2413-1407.111.028.202002.239-260 // Регионоведение. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 239–260.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kim B., Barua A., Whinston A.B. Virtual Field Experiments for a Digital Economy: A New Research Methodology for Exploring an Information Economy. *Decision Support Systems*. 2002; 32(3):215-231. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0167-9236\(01\)00094-X](https://doi.org/10.1016/S0167-9236(01)00094-X)
2. Anisiforov A.B. Basic Principles of Formation, Development and Operation of Information Infrastructure of the Enterprise in Solving Problems of Information Management. *Ehkonomika i ehkologicheskij menedzhment* = Economics and Environmental Management. 2019; (3):128-136. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2019-12-3-128-136>
3. Surovtsev A.S. ITSM Models and ITIL Systems as the Basis of Management Systems. *Tsentralnyj nauchnyj vestnik* = Central Scientific Bulletin. 2017; 2(18):10-11. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30042526_56134011.pdf (accessed 02.04.2020). (In Russ.)
4. Zambon E., Etalle S., Wieringa R.J., Hartel P. Model-Based Qualitative Risk Assessment for Availability of IT Infrastructures. *Softw Syst Model*. 2011; 10:553-580. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10270-010-0166-8>
5. Zaramenskikh E.P. Digital Services: Their Attributes and Interconnection with Architecture of the Enterprise. *Vestnik universiteta* = University Bulletin. 2018; (10):36-42. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-10-36-42>
6. Ilyin I.V., Levina A.I., Dubgorn A.S. Digital Transformation as a Factor of the Enterprise Architecture and its Architecture Development. *Ehkonomika i ehkologicheskij menedzhment* = Economics and Environmental Management. 2019; (3):50-55. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2019-12-3-50-55>
7. Gileva T.A. Digital Maturity of the Enterprise: Methods of Assessment and Management. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ehkonomika. Seriya: Ehkonomika* = Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy. 2019; (1):38-52. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2019-1-27-38-52>

8. Efremova L.I., Tselina O.N. Investigation of the Architecture of the Dream LLC Enterprise. *Vektor ekonomiki* = Vector of Economy. 2018; (4). Available at: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/4/economicsmanagement/Efremova_Tselina.pdf (accessed 02.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Zhdamirova E.Yu., Demina A.V. Risk Management in the Implementation of ITIL Technologies. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* = Vestnik of Saratov State Socio-Economic University. 2017; (4):116-118. Available at: http://www.seun.ru/content/nauka/5/4/doc/Vestnik_4_68_2017.pdf (accessed 02.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

10. Robert F. Interdependence of COBIT and ITIL. *ISACA Journal*. 2007; (1). Available at: <https://ru.scribd.com/document/57407966/Jpdf0701-Interdependence-of-Cobit> (accessed 02.04.2020). (In Eng.)

11. Katkov K.A., Gakhova N.N., Shuvaeva E.Yu. Modeling Incident Management Processes in the Information System IT-Company. *Nauchnyj rezultat. Informatsionnye tekhnologii* = Research Result. Information Technologies. 2017; 9(3):11-17. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18413/2518-1092-2017-2-3-11-17>

12. Sterlyagov S.P., Bezmaternykh N.A. Improvement of the Activity of the Information Technology Department of the Tax Inspection on the Basis of the ITSM/ITIL Methodology. *Naukovedenie* = Science Science. 2017; (3):1-13. Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/116EVN317.pdf> (accessed 02.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Bazhanova S.V., Kartavchenko T.A., Stenkina A.O. Effective Management of Work of IT-Department. *Sistemnoe upravlenie* = System Management. 2016; (1):1-6. Available at: http://sisupr.mrsu.ru/2016-1/PDF/Bazhanova_2016-1.pdf (accessed 02.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Bazhanova S.V., Tremyaskina A.A., Tyurkina T.V. Efficiency Enhancement of Telecommunications Company IT- Department. *Ogaryov-Online* = Ogarev-Online. 2017; (2):1-5. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/povyshenie-effektivnosti-raboty-it-otdela-telekommunikacionnoj-kompanii> (accessed 02.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Bogdanov A.V., Gankevich I.G., Tipikin Y.A., Yuzhanin N.V., Gaiduchok V.Y. The Use of Service Desk System to Keep Track of Computational Tasks on Supercomputers. In: Transactions on Computational Science XXVII / eds. by M.L. Gavrilova, C.J. Kenneth Tan. Berlin: Springer; 2016. p. 1-9. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-662-50412-3_1

16. Bober P. Simulation for it Service Desk Improvement. *Quality. Innovation. Prosperity*. 2014; 18(1):47-58. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.12776/QIP.V18I1.343>

17. Foo S., Hui S.C., Leong P.C., Liu S. An Integrated Help Desk Support for Customer Services Over the World Wide Web – a Case Study. *Computers in Industry*. 2000; 41(2):129-145. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0166-3615\(99\)00037-8](https://doi.org/10.1016/S0166-3615(99)00037-8)

18. Bazhanova S.V., Syryamina N.A. Independence of Information Resources as an Element of Information Security of the State. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishheva* = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev. 2019; 2(3):1-8. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_39561161_44373147.pdf (accessed 02.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 11.03.2020; accepted for publication 09.04.2020; published online 30.06.2020.

About the authors:

Svetlana V. Bazhanova, Associate Professor, Department of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Psychology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7427-435X>, svett_09@mail.ru

Ekaterina V. Uchvatkina, Master's Degree Student (Business Informatics), National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3290-4250>, uchvatkina.e@gmail.com

Contribution of the authors:

Svetlana V. Bazhanova – scientific supervision, statement of the scientific problem, formulation of the purpose of the study and choice of research methodology; interpretation and analysis of the materials obtained; revision of the text of the article.

Ekaterina V. Uchvatkina – conducting research and primary processing of the results obtained; preparation of the thematic sections of the article, interpretation and analysis of the materials obtained; preparation of the initial version of the text.

For citation:

Bazhanova S.V., Uchvatkina E.V. Improving the Process of Managing the IT Infrastructure of an Enterprise in the Energy Sector of the Republic of Mordovia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(2):239-260. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.239-260>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Использование наследия чемпионата мира по футболу 2018 г. в субъектах Приволжского федерального округа

О. Е. Валькова

В. М. Кицис*

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),

* vkitsis@mail.ru

Введение. Одной из важнейших проблем, вставших перед городами-организаторами матчей чемпионата мира по футболу 2018 г. в России, является эффективность использования наследия чемпионата в дальнейшем. В связи с этим цель статьи – проанализировать первые итоги (экономические показатели) и территориальные особенности использования наследия, созданного в период подготовки и проведения чемпионата мира в городах-организаторах Приволжского федерального округа.

Материалы и методы. Основные положения статьи базируются на материалах периодических изданий, интернет-источников, статистических данных. При выполнении исследования применялись статистические методы, направленные на выявление территориальных особенностей влияния чемпионата мира по футболу 2018 г. на валовой региональный продукт регионов-организаторов. Сравнение регионов осуществлялось с помощью показателей развития туристской отрасли – величины туристского потока, создания новых рабочих мест, введение в эксплуатацию новых предприятий обслуживания и др.

Результаты исследования. Исследовано влияние затрат, связанных с организацией и проведением чемпионата мира по футболу 2018 г., на экономику страны в целом, а также на показатели валового регионального продукта в тех субъектах Российской Федерации, где проводились матчи. Авторы определили, что оценивать эффективность использования наследия чемпионата мира нужно по двум показателям: отношению полученного эффекта к годовому валовому региональному продукту и доле туризма в эффекте. Авторы изучили уже имеющийся опыт использования наследия чемпионата мира в четырех субъектах Приволжского федерального округа, проводивших матчи чемпионата мира, и выявили проблемы, стоящие перед туристской отраслью в этих субъектах.

© Валькова О. Е., Кицис В. М., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Наследие чемпионата мира по футболу 2018 г. имеет большое значение для развития туризма, поскольку туристская инфраструктура является важным фактором привлечения туристов и будет востребована еще длительное время. Результаты исследования могут содействовать разработке территориальных программ по использованию наследия чемпионата мира по футболу 2018 г.

Ключевые слова: чемпионат мира по футболу 2018 г., наследие чемпионата, экономический эффект, валовой региональный продукт, туристская инфраструктура, вклад туризма

Using the Legacy of the 2018 FIFA World Cup in the Constituent Entities of the Volga Federal District

O. E. Valkova, V. M. Kitsis

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),

* *vkitsis@mail.ru*

Introduction. One of the most important issues facing the host cities of the 2018 FIFA World Cup in Russia is the efficient use of the championship's legacy in the future. In this regard, the purpose of the study is to consider the first results (economic indicators) and territorial features of using the legacy created during the preparation for and holding of the World Cup in the host cities in the Volga Federal District.

Materials and Methods. The main provisions of the article are based on materials from periodicals, Internet sources, and statistical data. When implementing the article, statistical research methods were used to identify the territorial features of the impact of the 2018 FIFA World Cup on the gross regional product of the host regions. Comparison of regions was carried out using indicators of the development of the tourism industry such as the size of tourist flow, creation of new jobs, commissioning of new service enterprises, etc.

Results. The influence of the expenses associated with organizing and holding the 2018 FIFA World Cup on the economy of the country as a whole, as well as on the gross regional product in those regions of the Russian Federation where the matches were held, has been studied. The authors have concluded that assessment of the effectiveness of using the World Cup legacy should be based on two indicators: the ratio of the effect obtained to the annual gross regional product and the share of tourism in the effect. The authors have examined the existing experience of using the World Cup legacy in four constituent entities of the Volga Federal District that hosted the World Cup matches and have identified the problems facing the tourism industry in these regions.

Discussion and Conclusion. The legacy of the 2018 FIFA World Cup is of great importance for the development of tourism, since tourism infrastructure is an important factor in attracting tourists and will be in demand for a long time to come. The results of the study can contribute to the development of regional programs for the use of the legacy of the 2018 FIFA World Cup

Keywords: 2018 FIFA World Cup, legacy of the World Cup, economic effect, gross regional product, tourist infrastructure, tourism contribution

Введение. В целях успешного проведения матчей чемпионата мира по футболу 2018 г. в России (далее – чемпионат мира – 2018), привлечения отечественных и иностранных болельщиков и туристов в городах-организаторах были построены новейшие стадионы и иные спортивные объекты, коллективные средства размещения, предприятия питания, модернизирована транспортная и прочая социальная инфраструктура. Чемпионат мира – 2018 стал самым дорогим чемпионатом мира по футболу в истории, общей стоимостью более 13 млрд долл. За счет этих средств Россия приобрела новую спортивную, транспортную и туристскую инфраструктуру. Несмотря на то что почти 3 млн иностранных туристов приехали в страну для посещения матчей и частично возместили потраченные средства, важным вопросом, по нашему мнению, является изучение территориальных особенностей использования наследия чемпионата мира – 2018 в городах-организаторах Приволжского федерального округа. Стратегическое развитие той или иной территории зависит от множества факторов, однако в регионах, где проходили матчи чемпионата, оно в значительной мере связано с экономическим эффектом, полученным в результате проведения этого спортивного события. При рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать специфику инфраструктуры территорий, созданной в процессе подготовки и проведения чемпионата мира – 2018. В связи с этим важно обратить внимание на финансовую составляющую затрат на мировое первенство, а также учитывать территориальные дисбалансы, возникшие в развитии инфраструктуры городов-организаторов чемпионата мира – 2018. Учитывая территориальные особенности городов-организаторов, расположенных в Приволжском федеральном округе, стоит отметить тот факт, что важным средством, направленным на решение вопросов, является разработка как индивидуальной, так и общей стратегии использования наследия Чемпионата мира.

Небольшой период времени, прошедший после чемпионата мира – 2018, показал, что не все задачи, стоявшие перед городами-организаторами матчей в Приволжском федеральном округе, решены. В связи с этим целью статьи является исследование достигнутых социально-экономических результатов, включая использование наследия в туристских целях, в территориальном разрезе.

Обзор литературы. После проведения чемпионата мира – 2018 в нашей стране появилось немало аналитических статей, посвященных возможностям использования наследия чемпионата в целях развития туризма. Уже есть публикации, отражающие опыт использования объектов наследия Олимпийских игр, проводившихся как у нас в стране, так и за рубежом [1]. Значительная часть работ посвящена изучению вопросов экономической эффективности использования наследия спортивных мегасобытий – экономического эффекта, окупаемости вложе-

ний в гостиничный бизнес, ускорения экономического роста в странах с развивающейся экономикой, экономическим последствиям мегасобытий и др. Эти вопросы рассматриваются в работах В. И. Агеева и С. В. Алтухова [2], Д. Н. Бабенкова с соавторами [3], И. Л. Димитрова и К. В. Фроловского [4], И. М. Драпкина с соавторами [5], Д. А. Тельных [6]. В частности, И. Вишневецка и Я. Рогожа высказывают мнение, что доходы и инвестиционные поступления, которые будут связаны с чемпионатом мира – 2018, окажут незначительное влияние на темпы роста валового внутреннего продукта Российской Федерации. Было подчеркнуто, что благоприятным прогнозом может стать рост экономики тех регионов, которые уже обладают достаточно стабильной экономикой, а также тех, которые уже становились организаторами масштабных событий¹.

М. Мюллер [7], М. Рош [8], С. Д. Вульф [9] рассматривают влияние крупнейших спортивных мероприятий (Олимпиады, чемпионата мира по футболу) на национальную идентичность, массовую культуру, имидж территории. Так, М. Мюллер изучает три направления влияния местных элит на планы развития, фонды и законодательство: во-первых, инфраструктурное, связанное с вытеснением инфраструктуры, которая обслуживает более широкие городские потребности, спортивными объектами; во-вторых, финансовое, заключающееся в том, что тесный круг политических и деловых элит получает выгоду от государственного финансирования; в-третьих, судебное, когда вводится исключительное законодательство, нарушающее права граждан [7].

Проблемы, связанные с эксплуатацией спортивных объектов и инфраструктуры после проведения мегасобытий, подняты в работах таких авторов, как Е. В. Парада [10], Ш. М. Рамазанов [11], Р. А. Сафронов², А. И. Тимохина [12], Р. Бауманн и В. А. Матесон [13]. Например, Е. В. Парада отмечает, что подготовка регионов Российской Федерации к чемпионату мира по футболу заключается в строительстве и реконструировании спортивных объектов, создании инфраструктуры, которая будет обслуживать чемпионат. По мнению ученого, важным аспектом в перспективе будет осуществление модернизации туристской инфраструктуры городов-организаторов [10]. В свою очередь, Ш. М. Рамазанов рассматривает опыт использования футбольных арен после чемпионата мира по футболу в зарубежных странах. Он отмечает, что при возведении и строительстве объектов спортивной и туристской инфраструктуры практически был оставлен без внимания тот факт, что

¹ Wiśniewska I., Rogoża J. The 2018 FIFA World Cup in Russia – Circuses Instead of Bread [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/37447759/Iwona_Wi%C5%9Bniewska_Jadwiga_Rogo%C5%BCa_The_2018_FIFA_World_Cup_in_Russia_circuses_instead_of_bread_OSW_Commentary_No._286_17.09.2018 (дата обращения: 20.01.2020).

² Сафронов Р. А. Экономические и финансовые последствия крупных спортивных соревнований для стран-организаторов // European Science. 2016. № 12 (22). С. 46–50.

ряд арен расположены далеко от мест базирования ведущих футбольных клубов. В связи с этим появились большие проблемы с их заполняемостью и огромные финансовые потери. Территориальные особенности не были учтены, что привело к снижению финансовых показателей и дезинтеграции наследия чемпионата мира [11].

Вопросы перспектив использования наследия в рамках отдельных субъектов Российской Федерации, развития туристской деятельности рассмотрены в работах А. С. Васильева³, О. И. Ириной и К. А. Сухановой [14], А. Лаврентьевой с соавторами [15]. Т. Е. Лебедева на основе проведенного контент-анализа выявила возможные варианты и сценарии использования стадиона, тренировочных площадок и других объектов в Нижнем Новгороде. Автор сформулировал ряд предложений по привлечению туристского потока с использованием выделенных объектов [16].

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что спортивные мегасобытия оказывают воздействие на все стороны социально-экономической жизни стран и регионов, проводивших данные мероприятия. В значительной мере это относится и к туристской деятельности, характеризующейся увеличением туристского потока за счет повышения уровня узнаваемости территории (не только внутри страны-организатора, но и за рубежом), улучшения ее имиджа, совершенствования туристской инфраструктуры, появления новых туристских маршрутов и др.

Материалы и методы. Обычно при анализе влияния спортивных мегасобытий на социально-экономическую жизнь страны и регионов обращают внимание на экономические затраты, связанные с проведением этих мероприятий, и перспективы использования созданного наследия. Авторы статьи интересовали вопросы эффективности вложенных затрат с точки зрения развития туризма, увеличения туристского потока и вклада отрасли в валовой региональный продукт (ВРП). В связи с тем, что каждый субъект Приволжского федерального округа, проводивший матчи чемпионата мира – 2018, характеризуется своими отличительными чертами в сфере туризма (природными, культурно-историческими, социально-экономическими), интерес представляет изучение территориальных особенностей использования наследия в этих субъектах в целях развития туризма.

Во всех субъектах – организаторах чемпионата мира – 2018 в Поволжье туризм обозначен в качестве перспективной экономической специализации. Такой подход не только требует определения приоритетных направлений развития туризма, но и должен способствовать реализации

---

³ Васильев А. С. Чемпионат мира по футболу 2018 как фактор развития событийного туризма в России // Туризм и гостеприимство через призму инноваций: сб. ст. науч.-практ. конф. / под науч. ред. Е. М. Крюковой. 2017. С. 27–30.

программ по использованию объектов туристской и обеспечивающей инфраструктуры, существенному снижению инвестиционных рисков для всех участников развития туристских территорий. Поэтому перед авторами стояла задача определения перспектив влияния чемпионата мира – 2018 путем анализа первых итогов использования наследия этого спортивного события.

При проведении исследования авторы опирались на поиск, сбор и анализ уже существующей вторичной информации, т. е. на материалы периодической печати, опубликованные в отечественных и зарубежных журналах, статистические и теоретические данные из открытых интернет-источников. Статистический материал стал базой для определения территориальных особенностей влияния чемпионата мира – 2018 на ВРП регионов-организаторов.

В процессе исследования применялись статистические методы, с помощью которых были выявлены особенности вклада туризма в ВРП. Для определения возможностей использования наследия чемпионата в перспективе использовались методы анализа, сравнения, обобщения сведений об эффектах чемпионата мира – 2018 в субъектах Приволжского федерального округа.

Результаты исследования. Чемпионат мира по футболу 2018 г., который проходил в России, еще долгое время будет анализироваться, оцениваться и наблюдаться под многочисленными углами. В большом исследовании оргкомитета «Россия – 2018», посвященном прошедшему турниру, подробно рассматривается влияние чемпионата мира – 2018 на три сферы российской действительности – экономическую, социальную и экологическую.

На подготовку и проведение турнира государство потратило 688 млрд руб. В экономической сфере можно отметить, что общий эффект за 2013–2018 гг. составил 952 млрд руб. (1 % годового ВВП России). Около 79 % этой суммы – 751 млрд руб. – доля инвестиционных средств и операционных расходов, т. е. тех средств, которые были вложены в строительство и реконструкцию инфраструктуры. Оставшийся 21 % (или 201 млрд руб.) обеспечен туристской сферой, а именно увеличением числа туристов, посетивших страну в 2018 г.⁴ Таким образом, 952 млрд руб. – это очень неплохая цифра, причем речь идет только о прямых вложениях и прямой прибыли страны. Бюджет чемпионата складывался из федерального, регионального и муниципального бюджетов, а также из инвестиций частного бизнеса, который вкладывался в туристскую, ресторанный, гостиничную и развлекательную инфраструктуры.

⁴ Влияние Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 на ВРП регионов-организаторов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/10/16/783781-chm> (дата обращения: 20.07.2019).

Суммарное влияние чемпионата мира на ВВП России уже превзошло эффект от мировых первенств, которые прошли ранее в ЮАР, Бразилии и даже в Германии и Южной Корее. Этот показатель означает, что Россия побила мировой рекорд по прибыли от проведения главного футбольного турнира четырехлетия [1].

В перспективе на ближайшие 5 лет влияние чемпионата мира – 2018 оценивается экспертами в 150–210 млрд руб. в год. Это так называемая отсроченная прибыль за счет реализации проектов в области туризма и использования инфраструктуры чемпионата – аэропортов, дорог, стадионов. Оргкомитет ожидает увеличения потока иностранных и внутренних туристов. На это обратила внимание и исполнительный директор Ассоциации туристических операторов России М. Ломидзе. По ее словам, футбольные болельщики, приехавшие на чемпионат мира в Россию, немного отпугнули традиционных туристов из-за рубежа, однако позитивный образ русского турнира и русское гостеприимство способствовали росту количества туристских путевок в нашу страну [3].

Предполагается, что треть от ожидаемой в перспективе суммы придется на развитие туризма (40–70 млрд руб.), а основная часть (110–140 млрд руб.) будет получена за счет увеличения суммарного эффекта инвестиционных средств. Объем затрат на подготовку и проведение чемпионата мира – 2018 представлен в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Объем затрат на подготовку и проведение чемпионата мира по футболу 2018 г.⁵

T a b l e 1. The amount of expenses for the preparation and holding of the 2018 FIFA World Cup

Вид затрат / Type of expenses	Затраты, млрд руб. / Expenses, billion rubles
Инфраструктура (спортивные объекты) / Infrastructure (sports facilities)	265
Инфраструктура (транспорт) / Infrastructure (transport)	228
Прочая инфраструктура (жилищная, медицинская, системы энергоснабжения) / Other infrastructure (housing, medical, energy supply systems)	74
Операционные затраты (проведение фестивалей болельщиков, благоустройство территории у стадионов, системы видеонаблюдения) / Operating expenses (holding fan festivals, stadium landscaping, video surveillance systems)	121
Итого / Total	688

⁵ Там же.

Из таблицы 1 видно, что выделяются два основных вида затрат – спортивная и транспортная инфраструктура, на долю которых пришлось 71,7 % всего объема затрат. При этом строительство спортивных объектов в городах-организаторах стало самой затратной частью. Около 294 млрд руб. составил общий эффект от развития туристской сферы в рамках чемпионата мира, из них 201 млрд руб. – влияние на ВВП страны притока иностранных туристов, а 93 млрд руб. – прирост ВРП регионов-организаторов благодаря внутреннему туризму⁶.

За шесть лет – в период с 2013 по 2018 г. – было создано до 315 тыс. новых рабочих мест, главным образом, в строительной и туристской областях. Дополнительные доходы предприятий малого и среднего предпринимательства – 797 млрд руб. Рост таких компаний в строительной отрасли составил 75 % [3].

Влияние чемпионата мира – 2018 на валовой региональный продукт регионов-организаторов значимо тем, что показатели в регионах отличаются (табл. 2). Средние показатели – от 2 до 20 % годового ВРП, при этом на долю туристской индустрии приходится от 12 до 72 % общего эффекта [2].

Из таблицы 2 видно, что самый большой приток инвестиций получила Москва, причем вклад туризма также стал самым большим. Интересные показатели у Республики Татарстан – 17 млрд руб. составили инвестиции, столько же составил вклад туризма, при этом доля туризма в эффекте очень высокая – 50 %, и уступает только Краснодарскому краю. Обращает на себя внимание и тот факт, что в Республике Татарстан и Краснодарском крае объем инвестиций был минимальным по сравнению с другими регионами – соответственно 17 и 18 млрд руб. Это вызвано тем, что к чемпионату мира – 2018 в этих регионах была уже создана определенная спортивная, транспортная и прочая инфраструктура при подготовке г. Сочи к зимней Олимпиаде в 2014 г. и Казани к Всемирной универсиаде в 2013 г. и Кубку конфедераций по футболу в 2017 г.

Как свидетельствуют данные таблицы 2, самый высокий показатель отношения эффекта к годовому ВРП среди субъектов Приволжского федерального округа, проводивших матчи чемпионата мира – 2018, был в Мордовии – 17 %. Это в 2,8 раза выше, чем в Самарской и Нижегородской областях, и в 8,5 раза выше, чем в Татарстане. Естественно, что объем ВРП в указанных субъектах Приволжского федерального округа больше, чем в Мордовии, однако необходимо учитывать и тот факт, что и объемы инвестиций в проведение чемпионата в этих субъектах были больше, чем в Мордовии.

⁶ Там же.

Таблица 2. Влияние чемпионата мира по футболу 2018 г. на ВРП регионов-организаторов [2]

Table 2. Impact of the 2018 FIFA World Cup on the GRP of the host regions

Субъект Российской Федерации / Constituent Entity of the Russian Federation	Вклад инвестиций и операционных расходов, млрд руб. / Contribution of investment and operating expenses, billion rubles	Вклад туризма, млрд руб. / Contribution of tourism, billion rubles	Отношение эффекта к годовому ВРП, % / The ratio of the effect to the annual GRP, %	Доля туризма в эффекте, % / The share of tourism in the effect, %
г. Москва / Moscow	164	126	2	44
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	108	47	5	31
Самарская область / Samara Region	65	10	6	13
Ростовская область / Rostov Region	62	10	6	14
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	60	9	6	13
Калининградская область / Kaliningrad Region	57	10	20	16
Волгоградская область / Volgograd Region	40	5	6	12
Краснодарский край / Krasnodar Territory	18	47	3	72
Свердловская область / Sverdlovsk Region	30	11	2	26
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	17	17	2	50
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	28	5	17	14

По предварительным подсчетам, чемпионат мира по футболу обеспечил принимавшим матчи регионам Приволжского федерального округа прирост годового ВРП на уровне 1 %. Впрочем, власти на местах надеются, что эффект от чемпионата не будет разовым и подстегнет развитие экономики на несколько лет вперед. Тем не менее только полноценное исследование эффекта чемпионата мира – 2018 в долгосрочном периоде позволит сделать какие-либо выводы. Невозможно сейчас дать точный ответ, как будут развиваться регионы-организаторы, как будет приносить доход наследие чемпионата, его инфраструктура, спортивные объекты и т. д.

Таким образом, рассматривая территориальные особенности использования наследия чемпионата мира – 2018 в городах-организаторах Приволжского федерального округа, стоит обратить внимание на каждый субъект под призмой двух показателей, характеризующих эффективность использования наследия чемпионата: отношение полученного эффекта к годовому ВРП и доля туризма в эффекте.

Если говорить об эффекте чемпионата мира – 2018 для Нижегородской области, то доход в различных сферах торговли, сфере услуг и предприятиях общественного питания составил около 8–9 млрд руб. По предварительной информации во время чемпионата Нижегородскую область посетили около 355 тыс. гостей (изначально власти ожидали 200 тыс. туристов), из них примерно 150 тыс. – иностранные граждане. Однако сегодня Нижегородской области не удастся довести число туристов до желаемых 3 млн чел. в год: даже с учетом недавно прошедшего чемпионата мира – 2018 турпоток едва превысил 1,5 млн чел. Принимаемые меры по рекламе достопримечательностей области, субсидировании туроператоров и развитию инфраструктуры работают не в полную силу, а презентация региона на мировом уровне пока недостаточно эффективна. Однако местные власти предполагают, что принимаемые действия повысят эффект от чемпионата мира – 2018 и он будет более долгосрочным [3].

В преддверии чемпионата мира международное рейтинговое агентство Moody's выпустило обзор, посвященный влиянию чемпионата на российскую экономику. По мнению его экспертов, Республика Мордовия получит наибольшую выгоду от данного спортивного мероприятия вследствие незначительного, по сравнению с другими регионами-организаторами, объема валового регионального продукта.

Сегодня прогнозы аналитиков Moody's начинают сбываться. Саранск стал рекордсменом среди городов – организаторов чемпионата мира – 2018 по росту туристского потока. За время проведения матчей 300-тысячная столица Республики Мордовия приняла 160 тыс. чел. Все коллективные средства размещения были заполнены на 100 %. Рестораны, кафе,

закусочные и другие предприятия общественного питания города (всево в дни чемпионата функционировало 688 точек общепита, включая 189 временных) также испытывали пиковую нагрузку. Для своевременной и полноценного обслуживания клиентов в системе общепита создали 5 тысяч дополнительных посадочных мест, а зона обслуживания расширилась на 8 тыс. чел. [3].

В Самарской области общий объем инвестиционных средств в подготовке к чемпионату мира – 2018 составил в общей сложности 50 млрд руб., а вот сколько регион заработал дополнительно, пока не сообщается. За шесть игр «Самара Арена» посетили более 250 тыс. чел. Конечно, стоит принимать во внимание тот факт, что Самара является достаточно развитым городом, в котором всегда будет спрос на туристские услуги и на различные объекты инфраструктуры, будь это наследие чемпионата мира или иных масштабных мероприятий. Следует учитывать, что регион затратил очень много инвестиционных средств, поэтому и требования к их реализации, к получению эффекта от них будут наиболее высокими [3].

Казань стала пятым в России городом, туристский поток которого превысил 3 млн чел. в год. Так, в 2018 г. Казань посетили 251 973 гражданина иностранных государств, что на 26,5 % больше, чем в 2017 г. Международный аэропорт «Казань» за отчетный период осуществил перевозку около 3 141 776 чел., что на 20 % больше, чем в 2017 г. Так, в 2018 г. в международном аэропорту «Казань» были открыты новые направления: Аланья, Тбилиси, Батуми, Тегеран, Болонья, Увда (Израиль), Минск, Пардубице, Хайкоу; возобновился выполняемый ранее до 2016 г. рейс в Шарджу (ОАЭ); открыты новые внутренние рейсы в Махачкалу, Ярославль, Усинск, Новосибирск, Белгород⁷.

Большая работа была проведена с гостиницами и хостелами Казани. Следует обратить внимание на то, что за два года количество хостелов значительно выросло. Этот показатель еще раз подчеркивает грамотную политику, проводимую в регионе, которая стабилизирует туристскую отрасль. Так, если в 2017 г. в городе насчитывалось 10 хостелов, то в 2018-м их было уже 30. При этом многие из них являются классифицированными средствами размещения, т. е. имеют достаточный потенциал для обслуживания туристов. В итоге на сегодняшний день из 230 средств размещения на 8,2 тыс. номеров (около 19 тыс. мест) 103 – хостелы [15]. Такое количество хостелов позволяет туристам с ограниченным бюджетом посещать регион, тем самым делая его доступным и привлекательным.

⁷ В городах ПФО подвели первые экономические итоги мундиаля [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/07/17/reg-pfo/v-gorodah-pfo-podveli-pervye-ekonomicheskie-itogi-mundialia.html> (дата обращения: 20.07.2019).

Комитет по развитию туризма г. Казань за период с 1 июня по 15 июля 2018 г. осуществлял управление Центром бронирования средств размещения, а также их мониторинг. Была открыта горячая линия, которая занималась вопросами чемпионата мира – 2018. Операторы оказывали необходимую поддержку, давали ответы на вопросы на русском и английском языках. Сегодня комитетом ведется работа по разработке новых маршрутов. В 2018 г. им была разработана патриотическая экскурсия по поселку Юдино, который в 2018 г. отметил 100 лет со дня основания. Также начал функционировать туристический маршрут по некрополям г. Казани.

В мае 2018 г. в сотрудничестве с компанией City Sightseeing в г. Казани была осуществлена апробация нового маршрута двухэтажного автобуса. Он включает в себя осмотр левого берега Казанки, а также Центр семьи «Казань». Не остались без внимания и казанский Дворец водных видов спорта и «Казань Арена». Данная экскурсия была очень актуальна у иностранцев. Интерес к ней в 2018 г. вырос на 12 % по сравнению с 2017 г. Именно в период чемпионата мира – 2018 эта экскурсия находилась на пике популярности, ведь ее посетили около 8 113 чел., из них более 40 % – иностранные туристы, а именно граждане Колумбии (1 661 чел.), Австралии (319 чел.), Мексики (276. чел.) и т. д. В общей сложности в 2018 г. экскурсию посетили 52 тыс. чел., из них 6 тыс. иностранцев [13].

Правительство Татарстана не раз отмечало, что политика развития туризма в регионе будет продолжена как на внутреннем, так и на все-российском и международном уровнях. Уже сейчас Казань продвигается на международном туристском рынке, имеет представительство на туристской выставке Fitur – крупнейшем в Европе туристском мероприятии международного уровня, ежегодно проходящем в Мадриде⁸.

Незадолго до начала чемпионата мира – 2018 российские либералы и «западные партнеры» отмечали, что Россия строит огромные стадионы, которые никогда не окупятся. Так, в частности, обсуждалась нецелесообразность строительства стадиона в Саранске, а Самаре и Нижнему Новгороду предрекали самую незавидную судьбу. Действительно, до чемпионата на матчи местных футбольных клубов ходили от 3,5 до 7,5 тыс. зрителей. Противники чемпионата мира – 2018 ликовали в предвкушении провала не только в указанных городах, чьи команды выступали и выступают в первом дивизионе первенства России («Нижнего Новгорода» и «Мордовии»), но и иронизировали в адрес выступающих в Российской футбольной премьер-лиге екатеринбургского «Урала» и самарских «Крыльев Советов». До чемпионата средняя посещаемость

⁸ Там же.

матчей вышеперечисленных клубов составляла от 6 до 13 тыс. чел. (с поправкой – на старых стадионах) [2]. Однако реальность оказалась другой. На стадионе на матчах «Урала» уже было несколько аншлагов, а в среднем на каждую игру теперь приходит в 5 раз больше болельщиков, чем раньше. В Самаре матчи посещают от 20 до 30 тыс. зрителей, и это при том, что «Крылья Советов» выступают не очень успешно и не радуют фанатов⁹.

Стоит сказать, что Саранск и Нижний Новгород вошли в топ-25 самых посещаемых городов команд первых дивизионов в Европе. Футбольный клуб «Нижний Новгород» в этом рейтинге расположился на 14-м месте (23 829 зрителей), на 24-м месте оказалась «Мордовия» из Саранска (20 653), на первом месте – немецкий «Гамбург» (50 208) [3].

Для Мордовии чемпионат дал очень много: г. Саранск был благоустроен, появились новые дороги и развязки. Достоин внимания и новый аэропорт, достаточно современный, чтобы правительственная комиссия оставила ему статус международного. На сегодняшний день самолеты осуществляют перевозки пассажиров в Москву, Санкт-Петербург, Сочи, Минеральные Воды, Симферополь. Ожидается, что будут востребованы чартеры в Турцию, Грецию, Египет (если авиасообщение будет возобновлено). С точки зрения гостиничной индустрии Саранск также признан городом, который сделал многое для развития своей гостиничной сети. Появились новые гостиницы «Four Points By Sheraton» и «Merkure», был построен гостиничный комплекс «Тавла». Была обновлена транспортная инфраструктура, в том числе приобретены 50 новых автобусов и 30 новых троллейбусов. И еще один важный момент – в период подготовки и проведения чемпионата мира – 2018 по футболу создано и сохранено более 60 тыс. рабочих мест.

Цифры посещаемости – это объективный показатель, свидетельствующий о проделанной работе по использованию наследия чемпионата мира – 2018. Саранский и нижегородский стадионы собирали аншлаги на матчах национальной и молодежной сборных России. Главное теперь – не потерять наработанную турниром туристскую привлекательность России и популярность футбола внутри страны.

Обсуждение и заключение. Практика показывает, что многие специалисты поверхностно оценивают возможность того или иного региона развиваться в экономическом плане. Недостаточно изучен вопрос дальнейшего использования спортивных объектов и иной инфраструктуры, построенных для чемпионата мира – 2018. Часто, на наш взгляд, недо-

---

⁹ Объем затрат на подготовку и проведение Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b279ad89a794703c3b7029b> (дата обращения: 20.07.2019).

статочное внимание уделяется именно территориальному аспекту: не в полной мере раскрывается важность использования наследия чемпионата в городах-организаторах, расположенных в Приволжском федеральном округе. При оценке данных возможностей необходимо учитывать различные составляющие региона: социально-экономическое и географическое положение, территорию, население, туристские ресурсы и др. По нашему мнению, нужно разработать конкретный стратегический план дальнейшего использования наследия чемпионата в городах-организаторах, а для этого надо изучить их территориальную организацию в еще более полной мере. Значимость данных исследований заключается в необходимости разработки долгосрочной стратегии использования данного наследия, включающей и возможности развития туризма в регионах, проводивших матчи чемпионата.

Таким образом, благодаря регулярному мониторингу использования наследия чемпионата мира – 2018 город-организатор может усилить свои позиции по сравнению с соседними регионами, улучшить свой имидж, увеличить инвестиции, стать более конкурентоспособным и ускорить социально-экономическое развитие. Разработка долгосрочного плана использования наследия чемпионата городами-организаторами позволит привлечь солидные инвестиции в результате комплексного подхода к территориальной организации региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кицис, В. М. Опыт использования объектов наследия крупных мероприятий в туризме (на примере Олимпийских игр) [Электронный ресурс] / В. М. Кицис, О. Е. Валькова // Современные проблемы территориального развития. – 2018. – № 3. – URL: <https://terjournal.ru/2018/id56/> (дата обращения: 20.01.2020).

2. Агеев, В. И. Сравнительный анализ расходов и экономического эффекта чемпионатов мира по футболу (1998–2018) / В. И. Агеев, С. В. Алтухов. – DOI 10.31737/2221-2264-2018-40-4-7 // Журнал новой экономической ассоциации. – 2018. – № 4 (40). – С. 158–167. – URL: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-40.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).

3. Рентабельность развития гостиничного бизнеса в преддверии чемпионата мира по футболу в России / Д. Н. Бабенков, Ю. Ю. Колбас, К. Ю. Колбас, Т. И. Соловьева // Качество. Инновации. Образование. – 2018. – № 3 (154). – С. 99–105. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35448575> (дата обращения: 20.01.2020).

4. Димитров, И. Л. Эффект мундиаля / И. Л. Димитров, К. В. Фроловский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 7. – С. 150–154. – URL: <https://www.online-science.ru/userfiles/file/nmmqrrpvcuhayeam2rubl5rerykuvphk.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).

5. Драпкин, И. М. Влияние спортивных мега-событий на экономический рост в принимающей стране: результаты эмпирического анализа / И. М. Драпкин, Е. О. Семенова, А. Ю. Чернега. – DOI 10.15826/vestnik.2018.17.3.018 // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 406–422. – URL: <https://journalaer.ru/ru/arkhiv/journal/97/article/1127/> (дата обращения: 20.01.2020).

6. Тельных, Д. А. Наследие Чемпионата мира по футболу FIFA – 2018 для городов-организаторов / Д. А. Тельных // Карельский научный журнал. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 106–109. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37142667> (дата обращения: 20.01.2020).

7. Müller, M. How Mega-Events Capture their Hosts: Event Seizure and the World Cup 2018 in Russia / M. Müller. – DOI 10.1080/02723638.2015.1109951 // Urban Geography. – 2017. – Vol. 38, issue 8. – Pp. 1113–1132. – URL: <https://doi.org/10.1080/02723638.2015.1109951> (дата обращения: 20.01.2020).

8. Roche, M. MegaEvents and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture / M. Roche. – DOI 10.4324/9780203443941. – London : Routledge, 2000. – 304 p. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/9780203443941> (дата обращения: 20.01.2020).

9. Wolfe, S. D. Crisis Neopatrimonialism / S. D. Wolfe, M. Müller. – DOI 10.1080/10758216.2018.1429934 // Problems of Post-Communism. – 2018. – Vol. 65, issue 2. – Pp. 101–114. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2018.1429934> (дата обращения: 20.01.2020).

10. Парада, Е. В. Тенденции и особенности подготовки инфраструктуры в регионах, принимающих матчи Чемпионата мира по футболу – 2018 / Е. В. Парада // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2016. – № 3 (55). – С. 123–129. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-osobennosti-podgotovki-infrastruktury-v-regionah-primimayuschih-matchi-chempionata-mira-po-futbolu-2018> (дата обращения: 20.01.2020).

11. Рамазанов, Ш. М. Управление элементами футбольной инфраструктуры после чемпионата мира 2018: зарубежный опыт и российские перспективы / Ш. М. Рамазанов. – DOI 10.26425/2309-3633-2018-2-32-38 // Управление. – 2018. – Т. 6, № 2. – С. 32–38. – URL: <https://upravlenie.guu.ru/jour/article/view/30> (дата обращения: 20.01.2020).

12. Тимохина, А. И. Эксплуатация спортивных объектов после проведения мегасобытий: зарубежный опыт и российские перспективы / А. И. Тимохина // Интеграл. – 2019. – № 3. – С. 526–534. – URL: <https://e-integral.ru/rubriki/ekonomicheskije-nauki/integral-3-2019-74.html> (дата обращения: 20.01.2020).

13. Baumann, R. Infrastructure Investments and MegaSports Events: Comparing the Experience of Developing and Industrialized Countries / R. Baumann, V. A. Matheson. – Working Papers No. 1305, College of the Holy Cross, Department of Economics. – URL: <https://ideas.repec.org/p/hcx/wpaper/1305.html> (дата обращения: 20.01.2020).

14. Ирина, О. И. Возможности развития событийного туризма во Владимирской области (на примере проведения ЧМ по футболу 2018) // О. И. Ирина, К. А. Суханова. – DOI 10.24411/2413-693X-2019-10101 // Сервис plus. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 3–9. – URL: <http://philosoph.su/wp-content/uploads/2019/04/Servi>

ce_2019_1_%D0%B2%D1%81%D1%8F-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

15. Lavrentyeva, A. Challenges and Perspectives of Volgograd Region Place Marketing in Light of FIFA World Cup Russia 2018 / A. Lavrentyeva, S. Kuzmin, P. Timachev. – DOI 10.2991/cssdre-18.2018.82 // Advances in Economics, Business and Management Research (AEBMR). – 2018. – No. 39. – Pp. 395–400. – URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/cssdre-18/25896387> (дата обращения: 20.01.2020).

16. Лебедева, Т. Е. Исследование перспектив использования наследия чемпионата мира – 2018 в Нижнем Новгороде / Т. Е. Лебедева // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 4 (38). – С. 169–174. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38555041> (дата обращения: 20.01.2020).

Поступила 09.01.2020; принята к публикации 26.03.2020; опубликована онлайн 30.06.2020.

Об авторах:

Валькова Ольга Евгеньевна, аспирант кафедры туризма ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5366-6373>, walkowa@mail.ru

Кицис Вячеслав Михайлович, доцент кафедры туризма ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат географических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4016-5275>, vkitsis@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Валькова Ольга Евгеньевна – поиск аналитических материалов; подготовка текста статьи; составление таблиц.

Кицис Вячеслав Михайлович – постановка научной проблемы; научное руководство; доработка текста статьи.

Для цитирования:

Валькова, О. Е. Использование наследия чемпионата мира по футболу 2018 г. в субъектах Приволжского федерального округа / О. Е. Валькова, В. М. Кицис. – DOI 10.15507/2413-1407.111.028.202002.261-278 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 261–278.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kitsis V.M., Valkova O.E. Experience of Use of Heritage Legacy Objects Activities in Tourism (on the Example of Olympic Games). *Sovremennye problemy territorialnogo razvitiya* = Modern Problems of Territorial Development. 2018;

(3). Available at: <https://terjournal.ru/2018/id56/> (accessed 20.01.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Ageev V.I., Altukhov S.V. Comparative Analysis of Costs and Economic Effects of the FIFA World Cups (1998–2018). *Zhurnal novoj ehkonomicheskoy assotsiatsii* = Journal of the New Economic Association. 2018; (4):158-167. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-40-4-7>

3. Babenkov D.N., Kolbas Yu.Yu., Kolbas K.Yu., Solovyova T.I. Profitability of Hotel Business Development on the Eve of the World Football Cup in Russia. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie* = Quality. Innovation. Education. 2018; (3):99-105. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35448575> (accessed 20.01.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Dimitrov I.L., Frolovsky K.V. The Effect of the World Cup. *Gumanitarnye, sotsialno-ehkonomicheskie i obshhestvennye nauki* = Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2015; (7):150-154. Available at: <https://www.online-science.ru/userfiles/file/nmqrpvcuhayeam2rubl5rerykuvphk.pdf> (accessed 20.01.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

5. Drapkin I.M., Semenova E.O., Chernega A.Yu. Influence of Hosting Large-Scale Sporting Events on Economic Growth: The Results of Empirical Estimation. *Vestnik UrFU. Seriya: Ehkonomika i upravlenie* = Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management. 2018; 17(3):406-422. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2018.17.3.018>

6. Telnykh D.A. Legacy of the World Cup FIFA 2018 to the Host Cities. *Karelskij nauchnyj zhurnal* = Karelian Scientific Journal. 2019; 8(1):106-109. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37142667> (accessed 20.01.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

7. Müller M. How Mega-Events Capture their Hosts: Event Seizure and the World Cup 2018 in Russia. *Urban Geography*. 2017; 38(8):1113-1132. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/02723638.2015.1109951>

8. Roche M. Megaevents and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture. London: Routledge; 2000. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203443941>

9. Wolfe S.D., Müller M. Crisis Neopatrimonialism. *Problems of Post-Communism*. 2018; 65(2):101-114. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1429934>

10. Parada E.V. Tendencies and Features of Preparation of Infrastructure in the Regions Hosting Matches of the FIFA World Cup – 2018. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta* = Vestnik of Rostov State Economic University. 2016; (3):123-129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-osobennosti-podgotovki-infrastruktury-v-regionah-primayuschih-matchi-chempionata-mira-po-futbolu-2018> (accessed 20.01.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Ramazanov Sh.M. Managing Football Infrastructure Objects after World Cup 2018: Foreign Experience and Russian Perspectives. *Upravlenie*. 2018; 6(2):32-38. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2018-2-32-38>

12. Timokhina A.I. Operation of Sports Facilities after Meeting of Events: Foreign Experience and Russian Prospects. *Integral*. 2019; (3):526-534. Available at:

<https://e-integral.ru/rubriki/ekonomicheskie-nauki/integral-3-2019-74.html> (accessed 20.01.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Baumann R., Matheson V. Infrastructure Investments and Mega-Sports Events: Comparing the Experience of Developing and Industrialized Countries. Working Papers 1305, College of the Holy Cross, Department of Economics. 2013. Available at: <https://ideas.repec.org/p/hcx/wpaper/1305.html> (accessed 20.01.2020). (In Eng.)

14. Irinina O.I. Opportunities for the Development of Event Tourism in the Vladimir Region (on the Example of the 2018 FIFA World Cup). *Servis plus = Service Plus*. 2019; 13(1):3-9. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2019-10101>

15. Lavrentyeva A.V., Kuzmin S.S., Timachev P.V. Challenges and Perspectives of Volgograd Region Place Marketing in Light of FIFA World Cup Russia 2018. *Advances in Economics, Business and Management Research (AEBMR)*. 2018; (39):395-400. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2991/cssdre-18.2018.82>

16. Lebedeva T.E. Research of the Perspective of the Use of the Heritage of the World Championship – 2018 in Nizhny Novgorod. *Innovatsionnaya ehkonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2019; (4):169-174. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38555041> (accessed 20.01.2020). (In Russ.)

Submitted 09.01.2020; accepted for publication 26.03.2020; published online 30.06.2020.

About the authors:

Olga E. Valkova, Postgraduate, Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5366-6373>, walkowa@mail.ru

Vyacheslav M. Kitsis, Associate Professor, Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Geography), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4016-5275>, vkitsis@mail.ru

Contribution of the authors:

Olga E. Valkova – search for analytical materials; writing the draft text of the article; drawing up tables.

Vyacheslav M. Kitsis – statement of the scientific problem; scientific supervision; revision of the text of the article.

For citation:

Valkova O.E., Kitsis V.M. Using the Legacy of the 2018 FIFA World Cup in the Constituent Entities of the Volga Federal District. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*. 2020; 28(2):261-278. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.261-278>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 001.891(520)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.111.028.202002.279-302

ISSN 2413-1407 (Online)

Предпосылки формирования региональных исследований в Японии в рамках японской традиционной науки

Е. В. Кремнев*

В. В. Ананьев

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
(г. Иркутск, Россия),
*kremnyov2005@mail.ru

Введение. Многообразие элементов поля региональных исследований в Японии дает возможность говорить о том, насколько неоднородны источники регионоведческого знания, не только по содержанию, но и по их соотносительности к различным историческим периодам. Целью статьи стал анализ процессов становления проторегионоведческого знания в Японии с древности до середины XIX в.

Материалы и методы. Материалами послужили японские историко-географические работы, в также работы отечественных исследователей в данной области. Особое внимание уделено историческим и географическим текстам, рассматриваются также и другие источники: религиозные, поэтические и пр. Базовыми методами послужили системный, сравнительный, концептуальный и терминологический анализ.

Результаты исследования. В статье изучены этапы развития проторегионоведческого знания в Японии в рамках традиционной науки. На основе анализа работ, созданных до середины XIX в., авторы делают выводы о том, что базовым фактором формирования и развития знаний о регионах было противопоставление «Мы – Другие», свойственное японской этнокультуре, а сами эти знания в зна-

© Кремнев Е. В., Ананьев В. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

чительной степени отличаются японоцентризмом. Раскрывается роль нескольких школ традиционной науки: кокугаку (школа национальных наук), рангаку/ёгаку (голландоведение/европоведение) и кангаку (школа китайских наук), а также роль их культурно-идеологического противоборства в стимулировании развития проторегионоведческого знания.

Обсуждение и заключение. В статье представлены результаты начального этапа комплексного исследования, в ходе которого будут изучены история развития японского регионоведческого знания и методология региональных исследований Японии. Результаты работы могут быть полезны исследователям и специалистам в области истории регионального развития различных стран и регионов.

Ключевые слова: наука о регионах, региональные исследования в Японии, регионоведение, региональная наука, японская традиционная наука, регионология, трансдисциплинарная регионология, кокугаку, рангаку/ёгаку, кангаку

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

Prerequisites for the Development of Regional Studies in Japan within the Framework of Japanese Traditional Science

E. V. Kremnyov*, V. V. Ananiev

Irkutsk State University (Irkutsk, Russia),

*kremnyov2005@mail.ru

Introduction. The variety of elements of the field of regional studies in Japan makes it possible to state that the sources of regional studies are heterogeneous not only in content, but also in their relation to different historical periods. The objective of the study is to analyze the processes of development of proto-regional knowledge in Japan from ancient times until the middle of the 19th century

Materials and Methods. Japanese works on history and geography, as well as works by Russian researchers in the considered fields were used as the materials of the study. Particular attention was paid to historical and geographical texts; other sources (religious texts, poetic texts, etc.) were also considered. The basic methods employed were those of systemic, comparative, conceptual and terminological analysis.

Results. The article discusses the stages of development of proto-regional knowledge in Japan in the framework of traditional science. Based on the analysis of works created before the middle of the 19th century, the authors conclude that the basic factor in the formation and development of knowledge about regions was the opposition “We vs. Others,” characteristic of Japanese ethnoculture, and this knowledge itself is largely Japanocentric. The article reveals the role of several schools of traditional science: kokugaku (school of national sciences), rangaku / yogaku (Dutch / European studies) and kangaku (school of Chinese sciences), as well as the role of their cultural and ideological confrontation in stimulating the development of proto-regional knowledge.

Discussion and Conclusion. The article presents the results of the initial stage of a comprehensive study, which will examine the history of the development of Japanese regional knowledge and the methodology of regional research in Japan. The results of the work may be useful to researchers and specialists in the field of history of regional development of various countries and regions.

Keywords: science about regions, regional studies in Japan, regional studies, regional science, Japanese traditional science, Regionology, transdisciplinary Regionology, kokugaku, rangaku / yogaku, kangaku

Funding. The study was carried out with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of the scientific project No. 19-011-00040 “History and Methodology of the Asia-Pacific Regional Studies in the Context of Modern Transdisciplinary Regionology.”

Введение. Формирование современной научной парадигмы в Японии начиналось со второй половины XIX в., после окончания периода самоизоляции. Главную роль в этом процессе играли японцы, побывавшие за границей в качестве стажеров, и приглашенные иностранные преподаватели. Методология собственно региональных исследований вырабатывалась в XX в. под влиянием, в первую очередь, США и стран Западной Европы. Однако несмотря на такую явную ориентацию на Запад, нельзя игнорировать наличие длительной собственно японской традиции изучения регионов (в разном понимании этого термина), которая не могла не оказать влияния на деятелей новой науки. Многие из них изначально прошли обучение либо в конфуцианских школах, либо вышли из рядов голландоведов. Изучение процессов становления проторегионоведческого знания в Японии с древности до середины XIX в. – цель настоящей статьи.

Обзор литературы. Разнообразие составляющих поля региональных исследований (地域研究) в Японии обуславливает и неоднородность источников регионоведческого знания в плане их состава и истории. Так, авторы доклада «Перспективы региональных исследований в Японии» в качестве истоков area studies (エリア・スタディーズ, регионоведения) на Западе называют колониалистику и востоковедение, а также исследования с региональной проблематикой, которые начались в США после Первой мировой войны и переросли в area studies после Второй мировой войны [1]. С другой стороны, гуманитарно-экономическая география (人文・経済地理学), которую японские ученые рассматривают в качестве одной из отраслей современных региональных исследований, берет начало в географии, корни которой зародились еще в Древней Греции, хотя, несомненно, эволюция в науку о регионах различных масштабов и о том, как природа изменяется под воздействием человека, происходила в XIX в. Наличие такого рода разнообразных корней определило региональные исследования как комплексную междисциплинарную науку [2].

В отечественной литературе проторегионоведческие тексты в их разнообразии рассматриваются в работах М. В. Грачева (исследования истории древней Японии, трудов эпохи Хэйан)¹, О. В. Новаковой (изучение влияния европейских ученых и миссионеров на развитие стран Восточной и Юго-Восточной Азии и эволюцию их научных трудов) [3], А. А. Новиковой (в фокусе исследований – труды Нисикава Дзэкэн) [4], К. А. Попова (перевод и комментарии текстов «Фудоки», имеющих важное географическое и регионоведческое значение)², Д. А. Суровня (исследование первых исторических сочинений)³ и др.

Важными для изучения цивилизационных подходов к осмыслению понятий пространства и территории японцами являются труды Е. В. Верисоцкой (исследование исторической мысли Японии в контексте теории цивилизаций) [5], М. В. Воробьева (изучение связи этноса, общества, культуры и окружающего мира в Японии III–VII вв.)⁴, М. П. Герасимовой (анализ особенностей традиционного сознания японцев)⁵, А. Н. Мещерякова (осмысление японских представлений о своей среде обитания, пространстве и времени, национальной самоидентификации в рамках цивилизационной модели Японии, а также многочисленные комментированные переводы японских исторических, географических, культурных, религиозных и других текстов)⁶, Е. К. Симоновой-Гудзенко

¹ История древней Японии: учеб. пособие для вузов / А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев. М.: Наталис, 2010. 544 с. (Восточная коллекция); Грачев М. В. Миёси-но Асоми Киёюки. «Икэн дзюни кадзэ:» – «Рекомендации в двенадцати пунктах» (914 г.) // Политическая культура древней Японии / под ред. А. Н. Мещерякова. Серия «Orientalia et Classica: Труды Института Восточных культур и античности». М.: РГГУ, 2005. С. 109–181.

² Попов К. А. Фудоки // Китай, Япония. История и филология. М., 1961. С. 182–199; Фудоки / пер., коммент. и предисл. К. А. Попова. Памятники письменности Востока. XXVIII. М.: Наука, 1969. 340 с.; Идзумо-фудоки / пер., коммент. и предисл. К. А. Попова. Памятники письменности Востока. XIII. М.: Наука, 1966. 225 с.

³ Суровень Д. А. Первые исторические сочинения и использование письменности в Японии конца V – первой половины VI веков // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы: сб. материалов V междунар. заочн. науч.-практ. конф. (октябрь 2014 г.). Владивосток: Дальневосточ. федерал. ун-т, 2014. С. 86–106.

⁴ Воробьев М. В. Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М.: Наука, 1980. 342 с.

⁵ Японский феномен глазами российских японоведов / под ред. И. П. Лебедевой, А. Н. Мещерякова, Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2018. 400 с.

⁶ Кайбара Э., Нисикава Д. Поучение в радости. Мешок премудростей горожанину в помощь / пер. с яп. А. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2016. 256 с.; Мещеряков А. Н. Осмысление среды обитания в процессе самоидентификации Японии и японцев // Ежегодник «Япония». 2015. С. 266–288; Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 424 с.; Нихон рё:ики – Японские легенды о чудесах: Свитки 1-й, 2-й и 3-й / пер. со старояп., предисл. и коммент. А. Н. Мещерякова. М.: Гиперион, 1995. 256 с.; Нихон сёки. Анналы Японии / пер., предисл. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1. 495 с.; Сёку нихонги: Продолжение «Анналов Японии» / пер. А. Н. Мещерякова, ред. Е. В. Попова. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 905 с.

(изучение представлений о географическом пространстве архипелага в письменной культуре древней Японии)⁷ [6] и др.

Среди западных ученых, изучавших древнеяпонские тексты, следует отметить Дж. Р. Бентли (проблемы японской историографии) [7], Дж. С. Браунли (изучение японской политической мысли на основе исторических текстов) [8], Э. А. Крэнстона (изучение поэтического жанра *вака* (和歌)) [9], Дж. Л. Пирсона-мл. (перевод и комментарии антологии японской поэзии «Манъёсю»)⁸, Р. Старрса (исследование древнеяпонского текста «Кодзики») [10], Д. Л. Филиппи (перевод и комментарии исторических, религиозных и литературных текстов, в частности, текста «Кодзики»)⁹ и др.

Вместе с тем, несмотря на значительный интерес к подходам к изучению регионов в древнеяпонской литературе, нами не был обнаружен ее системный анализ на предмет вычленения проторегионоведческого знания.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования авторами использованы проторегионоведческие тексты, созданные в Японии до середины XIX в. и работы ученых, посвященные изучению таких текстов. Особое внимание уделено трактатам в области истории и географии, привлекались и работы другой тематики: религиозные, поэтические и др. Следует сделать оговорку, что труды японских мыслителей и ученых, которые мы рассматриваем в качестве предшествующих регионоведческим, создавались в рамках восточной научной традиции; цели, ставившиеся их авторами, отличались от целей современных регионоведов. Однако результаты, зафиксированные в хрониках либо трактатах, во многом аналогичны современным, отражаемым в работах по регионоведению с поправкой на разницу в доминирующем дискурсе эпохи. Это позволяет нам рассматривать их в качестве проторегионоведческих.

Для изучения текстов и их влияния на современное регионоведческое знание нами были использованы такие методы, как системный анализ (применялся для реконструкции системы проторегионоведческого знания Японии, анализа ее элементов), сравнительный анализ (в работе сравниваются этапы развития японской традиционной науки с точки зрения ее фокуса на исследовании внутренних регионов Японии и внешних территорий, а также производится сравнение подходов в таких школах,

⁷ Симонова-Гудзенко Е. К. Представления о географическом пространстве архипелага в письменной культуре древней Японии VII–IX вв.: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.03. М., 2006. 384 с.; Симонова-Гудзенко Е. К. Карты Гёги – модель изображения японского архипелага на восточноазиатских и европейских географических картах XV–XVIII вв. // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции (Москва, 18 апреля 2016 г.) М.: ТЕЗАУРУС, 2016. С. 65–68.

⁸ Pierson Jr. J. L. *The Manyōshū*. Translated and Annotated. Book 1. Leyden, 1929. 240 p.

⁹ Philippi D. L. *Kojiki*. Princeton, 1968. 665 p.

как *кокугаку*, *рангаку/ёгаку* и *кангаку*), концептуальный анализ (предлагаются и обосновываются регионоведческие подходы к концепции «Мы – Другие», отражающей японское этносознание, а также с точки зрения этапов развития проторегионоведческого знания уточняются концепции, отражающие идентификацию японцами собственной территории).

Результаты исследования. Формирование первоначальных знаний о регионах и их культуре неотъемлемо от процессов формирования этноса, общества и государства, которое в Японии тесно связано с культурой *яёй* и ее носителями. Однако сама специфика регионов и в принципе их противопоставленность определяются еще раньше, в период *дзёмон* (14 тыс. л. до н. э. – 300 л. до н. э.). Разница между областями Японского архипелага проявляется не только в образе жизни их обитателей, обусловленном преобладающим способом хозяйствования, но и на внеутилитарном уровне. Историки делят территорию архипелага на два культурных ареала: юго-западный и северо-восточный (в японской географической традиции – «западная Япония» и «восточная Япония» соответственно)¹⁰.

Период *яёй* (III в. до н. э. – III в. н. э.) характеризуется сложным взаимодействием различных этнических групп и культур на территории архипелага, которое в конце концов (уже в более поздние периоды) привело к появлению японского этноса. В качестве привнесенного извне исследователи выделяют элементы аустронезийской культуры, культуры *донсон* эпохи бронзы (Южный Китай и Северный Вьетнам), племен *юэ* (Южный Китай) и Восточно-Китайского побережья, индонезийских, северных и северо-западных народностей, пришедших на острова через Маньчжурию и Корейский полуостров¹¹. В то же время сохранялись и многие исконные способы ведения хозяйства.

Часто одним из отличительных элементов и достижений *яёй* считают заливное рисосеяние, усвоение которого сделало рис главной сельскохозяйственной культурой Японии и во многом определило систему общественных отношений [11]. Однако влияние периода *яёй* на японскую культурно-историческую парадигму этим не ограничивается. А. Н. Мещеряков и М. В. Грачев выделяют пять параметров, по которым оно прослеживается:

1) существование хозяйственного комплекса, включающего три уклада: заливное рисосеяние, распространившееся в равнинных районах; морской промысел прибрежных областей; охота, собирательство, богарное земледелие, лесной промысел горных районов;

2) выделение трех хозяйственно-культурных зон: Хоккайдо, Хонсю + север Кюсю + Сикоку, юг Кюсю + Окинава, среди которых вторая,

¹⁰ История древней Японии: учеб. пособие для вузов.

¹¹ Воробьев М. В. Япония в III–VII вв.

где и сформировалась культура *яёй*, развивалась быстрее. На Окинаву земледелие приходит в XII в., на севере Хонсю и особенно на Хоккайдо до начала XX в. продолжает существовать уклад каменного века;

3) формирование четырех базовых ареалов протояпонской культуры: север Кюсю, центр Хонсю (Кинки), равнина Канто и Идзумо;

4) оформление определенных общих норм отправления духовных обрядов;

5) восприятие материка (Китая и Кореи) как источника общественно и культурно значимой информации. Контакты с этими странами в той или иной форме происходят на протяжении всей истории Японии, причем наиболее важную роль в них играл обмен на информационном уровне, осуществлявшийся при помощи письменной коммуникации¹².

Производство риса, с одной стороны, значительно улучшило жизненные условия, с другой – привело к социальному расслоению и появлению сильных родов, борьба которых завершилась образованием централизованного государства. Одно из первых письменных упоминаний о представителях культуры *яёй* содержится в китайском проторегионоведческом трактате – «Шань хай цзин» (山海经, «Каталоге гор и морей», цзюань XII, XIV, около III в. до н. э.)¹³. Китайцы того периода именуют носителей этой культуры *вожэнь* (倭人, яп. *вадзин*, досл. «люди-карлики»). Формирование государства, сопоставимого с соседними Китаем и Кореей, происходит в IV–VI вв.

Появлению текстов, которые можно считать проторегионоведческими сочинениями, предшествовали исторические хроники. Ученые предполагают, что наиболее ранние сохранившиеся до наших дней источники, например, «Кодзики» (古事記, «Записки о делах древности») и «Нихон-сёки» (日本書紀, «Анналы Японии»), базируются на еще более древних, но не сохранившихся сегодня текстах V–VI вв., в частности, на упоминающихся в них «Кудзи» (旧辞, «Древние сказания»), «Тэйки» (帝紀, «Записи об императорах»), «Тэннёки» (天皇記, «Записи о государях»), «Кокёки» (國記, «Записи о стране»), «Хонки» (本記, «Основные записи») и др.¹⁴.

Можно утверждать, что собственно изучение регионов Японии началось как минимум со времени образования централизованного государства (VII–VIII вв.). При рассмотрении проторегионоведческого знания этого периода нужно отметить две важные тенденции в его развитии,

¹² История древней Японии: учеб. пособие для вузов.

¹³ Шань хай цзин [Книга гор и морей] / Цзаньду цзи ичжу: Хуан Чжэнцзянь [Исследование и комментарий: Хуан Чжэнцзянь]. Сянган: Чжунхуа шуцзюй (Сянган) чубань юсянь гунсы, 2014. 388 с.

¹⁴ Суровень Д. А. Первые исторические сочинения и использование письменности в Японии конца V – первой половины VI веков.

характерные для любой страны – это внутреннее регионоведение, т. е. изучение собственных регионов, и регионоведение внешнее, дающее знания о территориях за ее пределами. Второе направление имело в Японии определенные ограничения как в силу географического положения, так и из-за продолжительных периодов самоизоляции. Первое же, напротив, развивалось довольно активно, меняя свое содержание в зависимости от подходов к осмыслению японцами среды обитания. Несколько подходов к этому процессу выделяет А. Н. Мещеряков, анализируя их в связи с самоидентификацией Японии и японцев. Сложившийся способ идентификации, по его мнению, можно назвать «воображаемой географией» (*invented geography*), его результатом становится конструктор «земля Японии» в следующих ипостасях:

1) «большая и обильная страна» – с VII–VIII вв. по вторую половину периода Хэйан (794–1185 гг.);

2) «окраинная страна размером с просяное зернышко» – XII в. – конец XVI в.; такое определение связано с несостоятельностью централизованного государства (бунты, потеря авторитета) и укоренением в мировоззрении японцев буддийских догм и способов описания мира;

3) «солнечная страна-крепость» – с начала XVII в. (возникновение сёгуната Токугава) по середину XIX в.; это период самоизоляции и расцвет идеологии самодостаточности;

4) «от островной страны к материковой империи» – с середины XIX в. до середины XX в. В этот период Япония переживает комплекс неполноценности из-за отсталости от мировых держав, что выливается в националистские и милитаристские настроения, связанные с посягательством на расширение территорий за счет материковых земель;

5) «от островной страны к “стране-саду”» – с середины XX в. по настоящее время. На этом этапе Япония возвращается по итогам Второй мировой войны в свои прежние границы и основной идентификационной идеологией становится уникальность Японии как страны, сформировавшейся в закрытом географическом пространстве, что выражается в «Нихондзинрон» (日本人論, японизм), разновидности культурного национализма без агрессивной составляющей. На первое место в развитии территории выходят улучшение среды обитания¹⁵.

Эти подходы, имеющие привязку к периодам японской истории, были положены нами в основу периодизации развития предпосылок формирования регионоведческого знания в Японии. В нашей работе мы остановимся на первых трех этапах, поскольку к традиционной японской науке можно отнести только работы этого периода. С середины XIX в. Япония формирует иные, более вестернизированные, подходы

¹⁵ Японский феномен глазами российских японоведов. М.: Аспект Пресс, 2018. 400 с.; Мещеряков А. Н. *Terra Nipponica*: Среда обитания и среда воображения.

к формированию научного поля, которые должны стать предметом отдельного исследования.

Первые результаты изучения регионов в период образования централизованного государства (VII–VIII вв.) на этапе самоидентификации Японии как «большой и обильной страны» (с VII–VIII вв. по вторую половину периода Хэйан (794–1185 гг.)) зафиксированы в древнейших письменных памятниках: «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.)¹⁶, «Фудоки» (風土記, «Записи обычаев и земель», 733 г.)¹⁷, «Сёку нихонги» (続日本紀, «Продолжение анналов Японии», 797 г.)¹⁸. Причинами такого изучения явился комплекс факторов: разнородность состава населения, анимистическая религия *синто* как способ мировосприятия, принятие китайских моделей пространства и организации государства.

Формирование централизованного государства (Ямато) началось в юго-западной части Японского архипелага, предположительно в долине Нара¹⁹. Расширение происходило в ходе подчинения племен-соседей, причем одни вливались в состав Ямато, а другие оставались в большей или меньшей степени «вовне». Так, Е. К. Симонова-Гудзенко отмечает, что различные группы имен божеств, относящихся к императорскому мифу, и сам его сюжет о «браке-споре двух главных божеств» отражают слияние двух культурных комплексов – Идзумо и Исэ [6]. Область Идзумо находится на западном побережье о-ва Хонсю, на территории современной префектуры Симанэ, Исэ – на восточном побережье, в префектуре Миэ.

Традиционная религия *синто* являлась мировоззренческой основой практически для всех видов деятельности человека. Синтоизм предполагает существование божеств – *ками* – разных рангов, от создателей Японии – Идзанаги и Идзанами, до духов отдельных предметов. Таким образом, «каждая географически обособленная местность имела своих собственных божеств... природных явлений и объектов, хозяйственной деятельности, “отвечающих” за земледелие, рыболовство, общее “природное спокойствие”, столь необходимое в условиях тайфунов, землетрясений и иных частых природных катаклизмов» [6]. Для обеспечения возможности магического взаимодействия с *ками* необходимо было знать, где какие божества обитают, их точные имена и функции. В то же время знание подконтрольной территории, особенностей ее рельефа и климата было необходимо и с сугубо практической точки зрения, поскольку экономическую основу жизни японцев составляли рисосеяние и рыболовство. Такие сведения были обобщены в «Фудоки».

¹⁶ Нихон сёки. Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1. 495 с.

¹⁷ Фудоки. М.: Наука, 1969. 340 с.

¹⁸ Сёку нихонги: Продолжение «Анналов Японии». М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 905 с.

¹⁹ История древней Японии: учеб. пособие для вузов.

Формирование централизованного государства происходило под сильным влиянием китайской культуры, хотя многие китайские модели трансформировались при усвоении их японцами²⁰. Так, Японией была заимствована модель пространства, где в центре Поднебесной находится средоточие цивилизации, а по окраинам обитают варвары. Невозможность игнорировать превосходство Китая, а также соотнесение себя с Востоком (с позитивными коннотациями, в отличие от Китая) воспрепятствовали употреблению термина «срединное государство» по отношению к Японии, однако фактически она позиционировала себя именно как такой центр. Поскольку последний предполагал наличие варварской периферии, необходимо было ее определить: варварами считались племена *хаято* (жители юга о-ва Кюсю), *эмиси* (или *эдзо*, населявшие север о-ва Хонсю) и – с «некоторыми оговорками» – обитатели корейских государств Силла и Бохай²¹.

Построение и соблюдение подобной пространственной модели опять-таки требовали изучения территории, в первую очередь своей (благоприятной и окультуренной), и в меньшей степени – сопредельной (как скверной и малопригодной для обитания). В связи с этим как в «Фудоки» (историко-географическом описании древней Японии), так и в хрониках «Нихон сёки» (в части, описывающей правления исторических императоров) и «Сёку нихонги» фиксируются сведения о провинциях и уездах страны, в частности, об обнаружении в них полезных ископаемых, благоприятных или неблагоприятных событиях и действиях, необходимых для обеспечения благополучной жизни (как магического, так и материалистического характера).

Так, указ государыни Гэммэй от 713 г. о составлении исторических и географических описаний земель «Фудоки» гласит: «6-й год Вадо, 5-я луна, 2-й день. Приказано записать, выбрав хорошие знаки, все уезды и села во всех провинциях в Кинай и семи округах. А также приказано сделать тщательные записи относительно имеющихся в этих уездах серебра, меди, красителей, трав, деревьев, птиц, зверей, рыб и насекомых, а также записать сведения о качестве земель, происхождении названий гор, рек, долин и полей, положить на бумагу рассказываемые стариками древние предания и чудесные истории. Эти сведения подать наверх»²². В частности, в «Идзумо-фудоки» (出雲風土記, «Историческое и географическое описание провинции Идзумо») записано: «в описа-

²⁰ Мещеряков А. Н. Осмысление среды обитания в процессе самоидентификации Японии и японцев.

²¹ Там же.

²² Сёку нихонги. Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Продолжение «Анналов Японии». Новая антология классической японской литературы]. Токио: Иванами сётэн, 1996. Дай-12 кан [Т. 12].

ние каждого уезда занесены сведения об административном делении, о происхождении названий уезда, сел и их географическом положении, о синтоистских храмах, о горах, реках, прудах, об островах, их флоре и фауне»²³. Примечателен и сам термин «фудоки», толкуемый как «географо-этнографическое обследование отдельных районов» или, более подробно, как «местные хроники, в которых наряду с географией описывается культура, обычаи, местные достопримечательности, характерные продукты производства»²⁴. Уже в этом краеведческом по своей сути тексте мы обнаруживаем неожиданную параллель с гуманитарно-экономической географией, включаемой сегодня в структуру региональных исследований Японии.

По мере расширения пространства, подконтрольного (хотя бы номинально) центральному правительству, собирались и сведения о новых областях. Они отражены в таких документах, как «Куни-но мяцуюко хонги» (国造本紀, «Описание управителей областей», IX в.) и «Энгисики» (延喜式, «Установления годов Энги», 967 г.). Первый из них Е. К. Симонова-Гудзенко характеризует как «список имен и кратких родословных управителей областей, являвшихся их фактическими владельцами и жрецами местных ками», демонстрирующий «последовательность освоения пространства» архипелага государством, как вербальную географическую карту²⁵. При этом определение внешних границ государства хотя и было важным, но, вероятно, отступало на второй план и в связи со спецификой географического положения Японии, и в связи с «закрытием от внешнего мира», характерным для периода составления «Куни-но мяцуюко хонги» [6]. В «Энгисики» включены правила внутреннего распорядка для чиновников всех ведомств, списки штатов ведомств, провинций и уездов, собираемых налогов, протоколы придворных церемоний, годовых праздников, а также сведения о божествах и святилищах всех известных на то время 68 провинций и 590 уездов [6].

Среди важных сочинений, косвенно содержащих географическое знание, Е. К. Симонова-Гудзенко называет и песенную антологию «Манъёсю» (万葉集)²⁶, предположительно составленную Отомо Якамоти, и буддийские предания «Нихон рёики» (日本靈異記, «Японские легенды о чудесах»)²⁷, составленные и дополненные в конце VIII – начале IX в. Первый труд содержит «упоминания элементов рельефа (горы, реки, бухты, пещеры) и “творений рук человеческих” (плотины, усадьбы, дороги,

²³ Идзумо-фудоки. М.: Наука, 1966. 225 с.

²⁴ Попов К. А. Фудоки // Китай, Япония. История и филология. М., 1961. С. 182–199.

²⁵ Симонова-Гудзенко Е. К. Представления о географическом пространстве архипелага в письменной культуре древней Японии VII–IX вв.

²⁶ Манъёсю («Собрание myriad листьев»). 1–3 тт. / пер. А. Е. Глушкиной. М.: Наука (Главная редакция Восточной литературы), 1971. 680 с.

²⁷ Нихон сёки. Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1. 495 с.

мости)... уточнения провинций, уездов в *дзёси* – преамбуле-комментарии к песне²⁸, что позволяет современным исследователям делать выводы о географии древней Японии²⁹. Во втором произведении для каждой из легенд «место действия определяется в начале повествования. «Адрес» состоит из названий провинции – уезда – села или столицы с указанием конкретного района или дворца, расположенного в определенном месте»³⁰. Подобные сведения содержатся и в других сборниках преданий, а также в дневниковой литературе [12].

К одному из интересных жанров того времени, напрямую связанных с анализом сведений о регионах, относится *икэн* (意見) – тайные доклады императору (личные или групповые), в которых составители представляли свою точку зрения на решение задач, поставленных высочайшим лицом³¹. Одним из блестящих образцов такого рода текстов считаются «Икэн дзю:ни кадзё:» (意見十二箇条, «Рекомендации в двенадцати пунктах»), составленные Миёси-но Киёюки в 914 г. На основе изучения жизни в регионах Японии он предлагает императору ряд мер по улучшению жизни в стране. Несмотря на то, что некоторые из рекомендаций построены на мистико-религиозных взглядах (например, раздел «Как избежать наводнений и засухи и добиться обильных урожаев»), значительное их число базируется на политических и социально-экономических идеях развития Японии и ее регионов: разделы «Нижайше прошу запретить роскошь», «Нижайше прошу издать государев указ по всем провинциям, чтобы наделяли подушными земельными участками согласно реальному количеству жителей», «Нижайше прошу для всех провинций установить фиксированное количество кандзякунин³²», «Нижайше прошу повсеместно прекратить назначение на должности лучников и стражей порядка за плату» и др.

В период Хэйан (794–1185 гг.) происходит осознание японской культуры как самодостаточной, в результате чего интерес к соседним странам ослабевает до степеней «замораживания» официальных связей. Постепенная утрата центральным правительством контроля над провинциями, снижение интереса аристократии к государственным делам и осуществлению такого контроля сказывается на объеме исследований географического характера, хотя составление хроник продолжается.

²⁸ Симонова-Гудзенко Е. К. Представления о географическом пространстве архипелага в письменной культуре древней Японии VII–IX вв.

²⁹ Имаи Фукудзиро:. Босо: манъё: тири-но кэнкю:. [Исследования географии Босо и Манъё]. Токио: Сюнсю:ся, 1964. 430 с.

³⁰ Симонова-Гудзенко Е. К. Представления о географическом пространстве архипелага в письменной культуре древней Японии VII–IX вв.

³¹ Грачёв М. В. Миёси-но Асоми Киёюки. «Икэн дзю:ни кадзё:» – «Рекомендации в двенадцати пунктах» (914 г.).

³² Кандзякунин – общее название лиц, получающих освобождение от налогов в процессе пересмотра подворных реестров.

Следующий период, в который японцы осмыслили свою территорию как «окраинную страну размером с просяное зернышко» (XII в. – конец XVI в.), отражает буддийские представления о Японии и связан с ослаблением централизованного государства и общего пессимизма по поводу роли и места региона в мире. Заимствованные из Китая представления о собственной стране закреплялись в сознании японцев, и благодаря использовавшимся китайским географическим картам «в китайской картографии, вероятно, до 1530 г. господствовало изображение японского архипелага в виде небольшого овального острова, что символизировало принадлежность страны к варварской периферии и ее незначительность»³³. Ситуация изменилась с введением в активное использование карт Гёги³⁴ (行基図, гё:гидзу), среди которых самые ранние упоминаются японскими летописями как изготовленные в IX в., однако известные сегодня из дошедших до наших дней датируются XIV в. Карты гораздо точнее изображали японский архипелаг и способствовали межрегиональному обмену знаниями, в частности, по модели карт Гёги начинают изготавливаться корейские и китайские карты.

Следующий период осмысления среды обитания через концепцию «Солнечной страны-крепости» (в терминологии А. Н. Мещерякова) может быть охарактеризован как сдержанно-интересующийся окружающим миром. Прибытие европейцев, сначала португальцев, а затем голландцев, обратило внимание японцев на окружающий мир, хотя ситуация создалась парадоксальная: с одной стороны, вскоре после установления власти Токугава сёгуната Токугава (1603–1868 гг.) въезд в страну и выезд из нее были запрещены как для иностранцев, так и для японцев, ограниченная торговля велась с Голландией и Китаем через порт Нагасаки; с другой – японцы узнали о существовании стран внешнего мира помимо Китая и Индии и начали получать сведения о них.

Е. К. Симонова-Гудзенко отмечает развитие географических жанров в это время, связанное с объединением страны, повлекшим установление мира, развитие сети дорог и сферы обслуживания путешественников. В частности, начинают составляться списки *мэйсё* (名所) – достопримечательностей провинций и путеводители для паломников, которые исследователь предлагает считать в определенной степени «развитием жанра *фудоки* и основой развивающегося по сей день краеведения»³⁵.

В XVI–XVII вв. обмен географическими и картографическими знаниями с Европой идет благодаря миссионерам. Среди тех, кто в наибольшей

³³ Симонова-Гудзенко Е. К. Карты Гёги – модель изображения японского архипелага на восточноазиатских и европейских географических картах XV–XVIII вв.

³⁴ Карты получили свое название в честь буддийского монаха Гёги босацу, которому приписывается модель и образец, по которому они создавались.

³⁵ Симонова-Гудзенко Е. К. Представления о географическом пространстве архипелага в письменной культуре древней Японии VII–IX вв. М., 2006. 384 с.

степени повлиял на японскую картографию, исследователи называют Игнасиу Морейра, Гаспара Вилела, Джеронимо де Анджелиси и др. [3].

Одним из пионеров применения западного знания стал Нисикава Дзёкэн (西川如見). Он жил в Нагасаки, являлся переводчиком с голландского языка и стал автором нескольких трактатов по географии и астрономии, в которых одним из первых среди японцев описал картину мира, основанную не только на восточных, но и на западных данных [4]. Источниками для Нисикава послужили труды Маттео Риччи, Джулио Аллени и других иезуитов, работавших в Китае, а также сведения, полученные в устной форме от голландцев [4]. Считается также, что на географические представления Нисикава могли повлиять труды Кумадзава Бандзан (熊沢蕃山) [13]. В сочинениях Нисикава даются не только фактологические описания народов и стран, последние также группируются в соответствии с климатическими зонами, к которым они относятся. Климат, по мнению Нисикава, являлся основным фактором, определяющим характер народа.

Важнейшими у Нисикава считаются такие работы, как «Нихон суйдо ко:» (日本水土考, «Рассуждения о водах и землях Японии»), «Суйдо кайбэн» (水土解弁, «Разъяснение по поводу свойств вод и земель»), «Каи цу:сё: ко:» (華夷通商考, «Рассуждения о торговле с Китаем и варварами»), «Дзо:хо каи цу:сё: ко:» (増補華夷通商考, «Дополненные рассуждения о торговле с Китаем и варварами»), «Кайи бэндан» (怪異辨断, «Повествование об удивительных явлениях»), «Сидзю:никуку дзимбуцу дзусэцу» (四十二国人物図説, «Иллюстрированное описание народов сорока двух стран»). Одной из наиболее значимых работ стала «Нихон суйдо ко:» [4], это подтверждается внесением данного труда в хронологическую таблицу важнейших научных трудов в ставшей классической «Истории науки в Японии», написанной в 1944 г. С. Ямамото³⁶. Трактат характеризовался привычным для китайских проторегионоведческих работ уклоном – использованием внешнего регионоведения для решения внутренних задач: при описании других земель отстаивалось превосходство Японии. В работе на материале европейских источников с определенной степенью условности и неточности описаны устройство мира, сферическая форма Земли, полюса, материи, используются понятия «градус» (度, *до*) и «географическая широта» (經度, *кэйдо*), вводится идея широтной зональности и зависимости климата от нее, приведены две карты – восточного полушария и Японских островов, особо выделяется местоположение Японии как уникальное и благоприятное. В целом подходы в описании географии в работе восходят «одновременно к дальневосточной и европейской географической науке, а также, в меньшей степени, к буддийским представлениям» [4].

³⁶ Ямамото Сэйносукэ. Нихон кагаку си [История японской науки]. Токио: Нихон сьюппан, 1944. 194 с.

Нисикава Дзёкэн стремился доказать, что уничижительное позиционирование Японии как страны «маленькой» и никчемной, обычное для интеллектуалов XII–XVI вв., в корне неверно³⁷. Ставя цель, прежде всего идеологическую, – избавление от «комплекса неполноценности», он пользовался для ее достижения географо-этнографическими средствами, сообщая сведения о многих странах, в том числе практически неизвестных европейских. Труды Нисикава пользовались известностью и оказывали влияние на других исследователей и после его смерти, а многие из его идей воспроизводились до конца периода Мэйдзи (1868–1912 гг.) [4]. На русский язык переведены два его трактата: «Поучение в радости» и «Мешок премудростей горожанину в помощь»³⁸.

Проблема взаимовлияния внутреннего и внешнего знания породила в тот период научный конфликт, вылившийся в дифференциацию трех направлений науки: китаеведения, голландоведения (или школы европейских наук) и школы национальных наук (обращение к собственно японским способам познания мира). Для того чтобы подробнее рассмотреть вопрос эволюции этих трех школ, следует снова ненадолго вернуться в древность.

Несмотря на то что проникновение технологий и элементов культуры из Китая начинается как минимум в эпоху Яэй³⁹, объектом специального рассмотрения «китайские знания» становятся позже, уже в период существования централизованного государства. Буддийская литература включала, помимо собственно религиозных текстов, комментарии к ним. Этот жанр был воспринят и в Японии, тем более что возникла необходимость в создании пояснений лингвистического характера относительно значений слов и иероглифов, которыми они записывались⁴⁰. До прибытия в страну европейцев основным каналом поступления сведений о загранице оставались китайские книги, в связи с чем изучение всего иностранного именовалось «китайской наукой» (漢学, кангаку). Однако с получением доступа к европейским источникам начало формироваться голландоведение (яп. 蘭学 рангаку, также 洋学 ё:гаку «европоведение»⁴¹ (последний термин в российских работах не встречается)), поэтому противопоставляемая ему местная наука сначала получила название «японско-китайской» (皇漢学, ко:кангаку). Слово ко:кан (皇漢) создано

³⁷ Мешеряков А. Н. Осмысление среды обитания в процессе самоидентификации Японии и японцев.

³⁸ Кайбара Э., Нисикава Д. Поучение в радости. Мешок премудростей горожанину в помощь. СПб.: Гиперион, 2016. 256 с.

³⁹ История древней Японии: учеб. пособие для вузов.

⁴⁰ Сыромятников Н. А. Классический японский язык / отв. ред. И. Ф. Вардуль. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2002. 152 с.

⁴¹ Нумата Дзиро. Ё:гаку дэнрай-но рэкиси [История пришествия западной науки]. Токио: Сибундо, 1960. 216 с.

в Японии, составляющие его иероглифы имеют значения «император» и «хань/китайский» соответственно, однако в данном случае первый из них означает «японский»; такое употребление связано с культом почитания императора [14]. Позже традиционная научная парадигма разделилась на две школы: «национальную» (国学, *кокугаку*), приверженцы которой критиковали китайское влияние, нанесшее вред японскому знанию, и «китайскую» в узком смысле.

«Китайская наука» на ранних этапах (V–VIII вв.) делала акцент на изучении китайских текстов: сначала литературных произведений, китайских сводов законов, которые стали образцом для аналогичных японских, трудов по воинскому искусству, позднее – буддийских текстов. Знание китайской, в частности конфуцианской, классики было обязательным для любого образованного человека вплоть до конца эпохи Эдо, однако именно в этот период в связи с противопоставлением научных направлений появляются «узкие специалисты», предшественники современных китаеведов. Основным содержанием их деятельности было изучение и комментирование трудов конфуцианцев, особенно учения Чжу Си (朱熹), китайского философа, чья доктрина превратилась в государственную идеологию Японии того периода [15]. Под влиянием Цинской «школы разысканий и доказательств» (考证学, *каочжэньсюэ*) такие ученые, как Ито Дзинсай (伊藤仁斎), анализировали классические тексты с целью выявления особенностей общественного устройства и культуры древнего Китая, составлявших исторический фон формирования конфуцианского мировоззрения. Кроме того, в Нагасаки, единственном портовом городе, через который проходила торговля с Китаем, шло изучение современного китайского языка (*байхуа*), в первую очередь, для подготовки переводчиков, что, однако, не имело признания со стороны специалистов по *кангаку*, которые занимались текстами, написанными на *вэньяне* [16]. Впоследствии после реставрации Мэйдзи, изучение «китайской науки» продолжилось на отделении японской и китайской литературы, позже – китаеведения (漢学科, *кангакука*), Токийского университета. В 1897 г. во втором университете страны – Киотском – были учреждены кафедры истории Востока, китайской философии и китайской литературы, позже такая же структура была принята и Токийским университетом. Таким образом, в изучении Китая произошел переход к западной системе.

Кангаку становится, как уже было указано выше, стимулом для развития «школы национальных наук» (国学, *кокугаку*). Она возникла как реакция на усиление в эпоху Эдо (1603–1868 гг.) учения Чжу Си и попытки формирования синто-конфуцианского синкретизма, объединяющего китайские и японские традиции. «Школа национальных наук» выступала против этих процессов, она критиковала китайскую фило-

софию, а ее представители, обращаясь к традиционному наследию Японии, по мнению Е. В. Верисоцкой, «поднимали вопросы национального характера японцев, изучали систему взаимоотношений власти и общества, рассматривали социально-экономические аспекты развития государства, роль моральных принципов в историческом процессе, а также философские проблемы добра и зла, бога или богов и человека, жизни и смерти и многое другое» [5]. Основателем этой школы называют Када Адзумамамаро (荷田春満), а наиболее известными деятелями – Камо Мабути (賀茂真淵), Мотоори Норинага (本居宣長), Хирата Ацутанэ (平田篤胤). В частности, Мотоори Норинага более трех десятков лет занимался толкованием «Кодзики», текста, датированного 712 г. и посвященного сказаниям о жизни древнеяпонских богов и простых людей. В результате этой кропотливой работы появился новый фундаментальный труд – «Кодзикидэн» (古事記伝, «Комментарии к Кодзики») [17]. Результаты пропагандистской деятельности «школы национальных наук» были неоднозначны: ее идеи «в 40–50-е гг. XIX в. получили широкое распространение в народе... а после революции 1867–1868 гг. легли в основу так называемого государственного *синто*, провозглашенного государственной религией Японии. Вместе с тем учение этой школы использовалось реакционными кругами страны для пропаганды теории “японизма” и агрессивных войн» [5].

Наконец, как уже было указано выше, контакты с европейцами – практически исключительно голландцами – привели к возникновению в Японии специфической науки – голландоведения. Это стало возможным благодаря некоторым послаблениям на ввоз иностранной литературы по естественным наукам в период правления восьмого сегуна из дома Токугава (1716–1751 гг.). В Японии стали появляться книги западных авторов по медицине, зоологии, ботанике, астрономии, географии [5]. Первое переводное издание, которое принято считать началом голландоведения, – анатомическое пособие «Новый учебник анатомии» (解体新書, *кайтай синсё*, в оригинале – атлас немецкого врача И.-А. Кульма «Anatomische Tabellen» на голландском языке) – увидело свет в 1774 г.⁴². Значение голландоведения в истории японской медицины, пожалуй, наиболее очевидно в связи с тем, что информацию об анатомии и способах лечения болезней было проще использовать в условиях закрытости страны для всего иностранного, однако *рангаку* была дисциплиной комплексной и являлась главным источником информации (для правящих кругов) относительно стран, не входящих в дальневосточный регион. Яркими представителями этой школы стали Ямагата Банто (山片蟠桃) из Осака

⁴² Огава Тэйдзо. Кайтай синсё – рангаку-о окосита хитобито [«Новый учебник анатомии» – люди, основавшие голландоведение]. Токио: Тю:о:ко:ронся, 1968. 195 с.

и Сибя Кокан (司馬江漢) из Эдо. В частности, Банто отстаивал важность объединения конфуцианской морали, восточных политических теорий и западных естественных наук для развития страны. Голландоведение к концу XVIII в. стало неотъемлемой частью социально-политической жизни Японии. Опыт европейских держав все более склоняет голландоведов к идеям экспансионизма и колонизации. Несмотря на внешнюю противоречивость «школы национальных наук» и голландоведения обе эти доктрины были проникнуты духом превосходства Японии над другими странами, хотя путь к достижению статуса великой державы и обосновывался различными путями [5].

XIX в. стал для Японии поворотной вехой в развитии: со второй его половины наступает следующий период осмысления среды обитания японцев – «от островной страны к материковой империи». Это время ознаменовано не только историческими переменами (к 90-м гг. XIX в. Япония добилась значительных успехов в экономике и образовании, а после присоединила новые земли за счет японско-китайской войны 1894 г.), но и новым осмыслением Японии как региона и территории. В частности, позитивное понимание получает термин «островная страна», ранее ассоциировавшийся с самоизоляцией. В 1894 г. в журнале «Друг народа» (国民之友, «Кокумин-но томо») была опубликована резонансная статья «Характер островитян» известного историка Кумэ Кунитакэ (久米邦武). Он считал, что есть два типа островных «характеров», свойственных территориально изолированным регионам: первый склонен к самоизоляции и ксенофобии, что и приводит страны с таким характером к отсталости, второй тип, свойственный Японии, – это открытые и готовые к взаимодействию с миром страны, а самоизоляция в период сёгуната Токугава – это аномалия, связанная с конкретным периодом и людьми, но не японским национальным характером в целом⁴³. С присоединением Кореи в 1910 г. «произошла полная смена пространственной парадигмы: место сетований по поводу замкнутого и крошечного островного пространства, отгороженного от мира водной преградой, занимает расширяющаяся территория империи»⁴⁴, что отразилось на массе проторегионоведческих работ того времени, старавшихся «легитимизировать» этот новый статус региона.

По итогам Второй мировой войны начинается переход «от островной страны к “стране-саду”». В это время Япония заново переосмысливает свой островной статус, придавая ему особое значение и описывая как фактор формирования уникальной культуры. На первое место выходят этнологические исследования, рассказывающие о формировании и особен-

⁴³ Японский феномен глазами российских японоведов.

⁴⁴ Там же.

ностях японского этноса. Последней на сегодня сменой региональной парадигмы стала концентрация внимания на создании наиболее благоприятной социальной и экологичной среды обитания. Такими мы заставляем актуальные региональные исследования сегодня. Это лишь краткая характеристика двух завершающих этапов, поскольку, как уже указывалось выше, они должны стать предметом отдельного исследования.

Обсуждение и заключение. Анализ процессов формирования региональных исследований в рамках японской традиционной науки позволяет выделить базовые характеристики проторегионоведческого знания в Японии.

Во-первых, исследования, в некоторой своей части имеющие сходные задачи с современными регионоведческими, велись в Японии на всем протяжении существования государства, хотя и разной интенсивности. Основным мотивирующим фактором было противопоставление «Мы – Другие», проявлявшееся на разных уровнях. В период формирования и расширения государства противопоставлялись центр (средоточие цивилизации, потомки верховных божеств) и периферия – внутренняя (окаинные, слабо окультуренные провинции, последователи местных культов) и внешняя (варвары, не принадлежащие упорядоченному миру). В период, когда границы подконтрольной территории стабилизировались, но страна оказалась раздробленной на фактически независимые княжества, к «Другим» относилось все за пределами своей провинции. После встречи с представителями западных стран последние стали наиболее «Другими». Построение самоидентификации с помощью «воображаемой географии» представляет собой определение противоположной стороны этой оси, т. е. формирование образа «Мы». Определение этого «Мы» производилось при помощи историографических и географических методов, а именно составления хроник и описаний областей страны. Однако необходимо отметить, что такое деление в большей или меньшей степени условно, поскольку отражает западную научную парадигму, японские же исследователи рассматривали интересовавшие их вопросы комплексно, что в определенной степени является и характеристикой современных региональных исследований.

Во-вторых, из концепции «Мы – Другие» проистекает и тот факт, что проторегионоведение в Японии обладает явно выраженным японоцентризмом, это касается как внутреннего регионоведения, так и внешнего. Само по себе внешнее регионоведение не было достаточно развито, но и имеющиеся тексты часто служили либо обоснованию превосходства японского географического положения и образа жизни, либо усилению Японии путем заимствования достижений других стран.

В-третьих, несмотря на то, что в традиционной науке не было привычного нам сегодня разделения на научные дисциплины, а исследования

тяготели к комплексности, в японской традиции выделилось три школы, которые представляли собственно регионоведческое знание – это *кокугаку* (школа национальных наук), *рангаку/ёгаку* (голландоведение/европоведение) и *кангаку* (школа китайских наук). Более того, именно триада «*кокугаку – рангаку/ёгаку – кангаку*», части которой сосуществовали и находились в противоборстве, способствовала развитию регионоведения как важного направления японской науки. Указанный выше японоцентризм способствовал усилению школы национальных наук в противовес китаеведению, а также интенсификации заимствований западного знания и развития голландоведения/европоведения.

Дальнейшее развитие японской науки с середины XIX в. ознаменовалось сменой вектора на западноориентированные подходы, однако факторы, определившие традиционное проторегionsведение, сохраняли свое влияние еще довольно долгое время, а их отголоски можно увидеть и в современных региональных исследованиях. В частности, перед японскими регионоведами по-прежнему ставятся задачи преодоления, с одной стороны, культурной замкнутости Японии через изучение других регионов и их культур, с другой – концепции «западный = универсальный». Таким образом, современные японские региональные исследования, как и в свой доинституциональный период, ищут способы сбалансированного развития как на собственных позициях, так и с использованием западного опыта, а также выстраивают пути межкультурной коммуникации через познание других и транслирования им знаний о себе.

В данной работе представлены итоги первого этапа научного проекта, в результате которого описаны и проанализированы периоды формирования в Японии региональных исследований как области научного знания, систематизированы их методы и подходы. Практическая значимость материалов состоит в возможности их использования при изучении и преподавании истории развития регионов мира, а также для углубленного понимания принципов эволюции японского общества и его представлений о собственном региональном развитии и развитии иных регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тиики кэнкю: бунья-но тэмбо: [Перспективы региональных исследований] // Нихон гакудзюцу кайги [Научный совет Японии]. – 2010. – Т. 4, вып. 5. – URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).

2. Сиба Ёсихиро. Тиики кэнкю: -то ситэ-но Нихон кэнкю: [Исследования Японии как региональные исследования] / Ёсихиро Сиба. – Текст : непосредственный // Тю:о: кэнкю. Дай-ни го: [Исследования Центральной Европы]. – 2016. – № 2.

3. Новакова, О. В. Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.) / О. В. Новакова, Е. К. Симонова-Гудзенко, М. Ю. Ульянов. – DOI 10.24866/1997-2857/2017-3/5-20 // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017. – № 3. – С. 5–20. – URL: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/magazine/ (дата обращения: 15.02.2020).

4. Новикова, А. А. Синтез восточных и западных географических представлений в трактате «Нихон суйдо ко:» Нисикава Дзэкэн (1648–1724) / А. А. Новикова // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2014. – № 3. – С. 30–43. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21991127> (дата обращения: 15.02.2020).

5. Верисоцкая, Е. В. Некоторые вопросы теории цивилизаций в исторической мысли России и Японии XVIII в. / Е. В. Верисоцкая // Известия Восточного института. – 1996. – № 3. – С. 70–89. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=8818869> (дата обращения: 15.02.2020).

6. Симонова-Гудзенко, Е. К. Топоним в политической культуре средневековой Японии / Е. К. Симонова-Гудзенко. – DOI 10.24411/2500-2872-2016-00013 // Японские исследования. – 2016. – № 2. – С. 26–42. – URL: http://japanjournal.ru/images/js/2016_2_26-42.pdf (дата обращения: 15.02.2020).

7. Bently, J. R. The Birth and Flowering of Japanese Historiography: From Chronicles to Tales to Historical Interpretation / J. R. Bently. – DOI 10.1093/oso/9780199236428.003.0004 // The Oxford History of Historical Writing / S. Foot, Ch. F. Robinson. – Oxford, 2012. – Vol. 2. – Pp. 58–79. – URL: <https://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/oso/9780199236428.001.0001/oso-9780199236428-chapter-4> (дата обращения: 15.02.2020).

8. Brownlee, J. S. Political Thought in Japanese Historical Writing: From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712) / J. S. Brownlee. – DOI 10/2307/2057985. – Waterloo, 1991. – 174 p. – URL: <https://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/oso/9780199236428.001.0001/oso-9780199236428-chapter-4> (дата обращения: 15.02.2020).

9. Cranston, E. A. A Waka Anthology: Volume One: The Gem-Glistening Cup / E. A. Cranston. – Stanford, 1998. – 1016 p. – URL: http://www.harvard.com/book/a_waka_anthology_-_volume_one_the_gem-glistening_cup/ (дата обращения: 15.02.2020).

10. Starrs, R. The Kojiki as Japan's National Narrative / R. Starrs // Asian Futures, Asian Traditions / Edited by E. Palmer. – Folkestone, 2005. – 442 p. – URL: <https://www.amazon.co.uk/Asian-Futures-Traditions-Edwina-Palmer/dp/1901903168> (дата обращения: 15.02.2020).

11. Харада, Нобуо. Комэ-о эранда Нихон-но рэкиси [История Японии, выбравшей рис] / Нобуо Харада. – Токио: Бунгэй сюндзю:, 2007. – 262 с. – Текст : непосредственный.

12. Андо:, Тэцуро:. Сэцува бунгаку-ни окэру бутай то найё:-но канрэнсэй – Хэйан дзидай-но мияко то соно сю:хэн-о тайсё:-ни [Связь между сценой и содержанием в литературе сэцува – На примере столицы и ее окрестностей эпохи

Хэйан] / Тэцуро: Андо: // Дзимбун тири [Гуманитарная география]. – 2008. – Т. 60, № 1. – С. 41–54. – Текст : непосредственный.

13. Фудзивара, Нобору. Кумадзава Бандзан то Нисикава Дзэкэн – суйдо (фу:до) кан-о тю:син-ни [Кумадзава Бандзан и Нисикава Дзэкэн: сравнительная характеристика географических представлений] / Нобору Фудзивара. – Текст : непосредственный // Кикан Нихон сисо: си [Ежеквартальный журнал по истории японской мысли]. – Токио, 1992. – Вып. 38. – С. 38–54.

14. Маянаги, Макото. Родзин-но эссэй «Ко:кан игаку»-ни цуйтэ [Об эссе Люй Сюня «Восточная медицина»] / Макото Маянаги. – Текст : непосредственный // Нихон исигаку дзасси [Журнал истории медицины Японии]. – 2003. – Т. 49, № 1. – С. 40–41.

15. Ямамото, Ёситака. Накамура Ранрин-но бунсё:гаку – дзю:хассэйки Нихон-ни окэру сюсигаку-но тэнкай [Текстология Накамура Ранрин – развитие джусянства в Японии 18 века] / Ёситака Ямамото. – Текст : непосредственный // Нихон сисо: сигаку [История мысли в Японии]. – Токио, 2015. – Вып. 47. – С. 126–143.

16. Мураяма, Ёсихиро. Кангакуся-ва ика-ни икита ка : киндай Нихон-но кангаку [Как жили ученые-кангакуся: китайская наука Японии Нового времени] / Ёсихиро Мураяма. – Токио: Тайсю:кан сётэн, 1999. – 240 с. – Текст : непосредственный.

17. Ко:носи Такамицу. Мотоори Норинага «Кодзикидэн»-о ёму 1 [Читая «Кодзикидэн» Мотоори Норинага 1] / Такамицу Ко:носи. – Токио: Ко:данся, 2010. – 226 с. – Текст : непосредственный.

Поступила 15.01.2020; принята к публикации 21.02.2020; опубликована онлайн 30.06.2020.

Об авторах:

Кремнев Евгений Владимирович, заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения АТР ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>, kremnyov2005@mail.ru

Ананьев Владимир Валерьевич, координатор международных отношений Фонда международных обменов префектуры Исикава (920-0853, Япония, префектура Исикава, г. Канадзава, Хонмачи, 1-5-3, Рефаре, 3-й этаж), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5033-1073>, v_ananiev@hotmail.com

Заявленный вклад авторов:

Кремнев Евгений Владимирович – основная идея исследования; определение теоретико-методологических основ исследования; сбор и обработка данных; критический анализ; формулирование выводов.

Ананьев Владимир Валерьевич – разработка теоретико-методологических основ исследования; поиск аналитических материалов; анализ фактического материала; формулирование выводов; написание статьи.

Для цитирования:

Кремнев, Е. В. Предпосылки формирования региональных исследований в Японии в рамках японской традиционной науки / Е. В. Кремнев, В. В. Ананьев. – DOI 10.15507/2413-1407.111.028.202002.279-302 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 279–302.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Prospects for Area Studies. *Science Council of Japan*. 2010; 4(5). Available at: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf> (accessed 15.02.2020). (In Japanese)
2. Shiba N. Japan Studies as Regional Studies. *Chūō Kenkyū* = Central European Studies. 2016; (2). (In Japanese)
3. Novakova O.V., Simonova-Gudzenko E.K., Ulyanov M.Yu. The Role of the First European Scholars and Christian Missionaries in Distributing Modern Knowledge in Eastern and Southeastern Asia in the XVI–XVII century (The Case of Indonesia, Japan and Vietnam). *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dalnem Vostoke* = Humanities Research in the Russian Far East. 2017; (3):5-20. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/5-20>
4. Novikova A.A. The Synthesis of Eastern and Western Geographical Knowledge in the Treatise “Nihon Suido Ko.” by Nishikawa Joken (1648–1724). *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies. 2014; (3):30-43. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21991127> (accessed 15.02.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Verisotskaya E.V. Some Aspects on the Theory of Civilization in Historical Works of Russia and Japan (18th century). *Izvestija Vostochnogo instituta* = Proceedings of the Oriental Institute. 1996; (3):70-89. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=8818869> (accessed 15.02.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Simonova-Gudzenko E.K. The Role of Place Names in Political Culture of Medieval Japan. *Japonskie issledovaniya* = Japanese Studies in Russia. 2016; (2):26-42. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2016-00013>
7. Bently J.R. The Birth and Flowering of Japanese Historiography: From Chronicles to Tales to Historical Interpretation. *The Oxford History of Historical Writing*. 2012; 2:58-79. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199236428.003.0004>
8. Brownlee J.S. Political Thought in Japanese Historical Writing: From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712). Waterloo; 1991. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10/2307/2057985>
9. Cranston E.A. *A Waka Anthology: Volume One: The Gem-Glistening Cup*. Stanford; 1998. Available at: http://www.harvard.com/book/a_waka_anthology_-_volume_one_the_gem-glistening_cup/ (accessed 15.02.2020). (In Eng.)
10. Starrs R. The Kojiki as Japan's National Narrative. In: *Asian Futures, Asian Traditions*. Edited by Edwina Palmer. Folkestone; 2005. Available at: <https://www.amazon.co.uk/Asian-Futures-Traditions-Edwina-Palmer/dp/1901903168> (accessed 15.02.2020). (In Eng.)

11. Harada N. History of Japan That Chose Rice. Tokyo; 2007. (In Japanese)
12. Ando T. Locational Nature of the Events Mentioned in the Setsuwa Literature: A Case Study of the Events in and around Heian-kyo. *Jinbun chiri* = Humanitarian Geography. 2008; 60(1):41-54. (In Japanese)
13. Fujiwara N. Kumazawa Banzan and Nishikawa Joken: With the Emphasis on Their Views on Suido (Fūdo) [Geography]. *Kikan Nihon shisō-shi* = Quarterly Journal on the History of Ideas in Japan. Tokyo, 1992; 38:38-54. (In Japanese)
14. Mayanagi M. On Lu Xun's essay "Kōkan igaku" [Oriental Medicine]. *Nihon ishigaku zasshi* = Journal of the Japanese Society for the History of Medicine. 2003; 49(1):40-41. (In Japanese)
15. Yamamoto Y. Nakamura Ranrin's Textology: the Evolution of Zhu Xi's Teaching in the 18th Century Japan. *Nihon shisō shigaku* = History of Ideas in Japan. Tokyo, 2015; 47:126-143. (In Japanese)
16. Murayama Y. How the Kangakusha Lived: Kangaku (Chinese Studies) in Modern Japan. Tokyo; 1999. (In Japanese)
17. Kounoshi T. Reading Motoori Norinaga's "Kojiki-den [A Commentary on Kojiki]". Tokyo; 2010. (In Japanese)

Submitted 15.01.2020; accepted for publication 21.02.2020; published online 30.06.2020.

About the authors:

Evgeny V. Kremnyov, Head of Department, Department of Oriental and Regional Studies, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia), Ph. D. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>, kremnyov2005@mail.ru

Vladimir V. Ananiev, Coordinator for International Relations, Ishikawa Foundation for International Exchange (3/F, Rifare Bldg., 1-5-3, Hon-machi, Kanazawa, Ishikawa 920-0853, Japan), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5033-1073>, v_ananiev@hotmail.com

Contribution of the authors:

Evgeny V. Kremnyov – putting forward the basic idea of the study; substantiation of the theoretical and methodological foundations of the study; data collection and processing; critical analysis; drawing conclusions.

Vladimir V. Ananiev – development of theoretical and methodological foundations of the study; search for analytical materials; analysis of factual material; drawing conclusions; writing the text of the article.

For citation:

Kremnyov E.V., Ananiev V.V. Prerequisites for the Development of Regional Studies in Japan within the Framework of Japanese Traditional Science. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(2):279-302. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.279-302>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе

М. Ю. Бареев*

Р. Р. Агишев

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* bareevmaksim@rambler.ru*

Введение. Актуальность поднимаемых вопросов обусловлена противоречивым характером эволюции религиозных и псевдорелигиозных обрядов мусульман, а также неоднозначным к ним отношением со стороны мусульманской уммы региона. Цель статьи – на основе выполненного исследования изучить региональные особенности проведения мусульманами Республики Мордовия некоторых религиозно-этнических культовых практик.

Материалы и методы. В качестве материалов использованы данные социологического опроса «Мусульманские традиции и обряды татар региона», проведенного методом полуструктурированного интервью (47 чел.), в рамках которого оценивались уровень религиозности, интенсивность религиозности; анализировались содержание и специфика отправляемых обрядов и религиозно-этнических ритуалов, каноничность ритуалов и т. д.

Результаты исследования. Проанализированы различные религиозные традиции и обряды, имеющие региональную специфику и соблюдаемые мусульманами на территории Республики Мордовия. К ним относятся: чтение дуа на воду, обряд иският, культ авлия, башкода (обряд, предшествующий бракосочетанию), поминальный обряд по умершим. Анализ религиозных обрядовых практик мусульман Республики Мордовия позволяет констатировать присутствие элементов культурной диффузии в совершении некоторых религиозных практик.

Обсуждение и заключение. Внутри региональной мусульманской уммы относительно отправления ряда религиозных обрядов сформировались некоторые разногласия, однако большинство из рассмотренных форм религиозного бытования

© Бареев М. Ю., Агишев Р. Р., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

в сознании людей неотделимы от мусульманской традиции и воспринимаются как часть самобытной мусульманской культуры. Материалы статьи будут полезны органам власти для совершенствования региональной этноконфессиональной политики.

Ключевые слова: ислам, умма, Коран, традиция, обряд, синкретизм, культурная диффузия, салафизм, дуа, исыят, культ авлия

Regional Features of Some Traditions and Customs in Modern Islam

M. Yu. Bareev*, R. R. Agishev

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),

* barevmaksim@rambler.ru

Introduction. The relevance of the issues raised is due to the contradictory nature of the evolution of religious and pseudo-religious rites of Muslims, as well as the ambiguous attitude towards them from the Muslim Ummah of the region. The objective of the study is to explore the regional features of some religious and ethnic cult practices of Muslims residing in the Republic of Mordovia.

Materials and Methods. The study considered such materials as the data of the sociological survey “Muslim Traditions and Rites of the Tatars in a Region” employing the method of semi-formalized interviews (47 people), which assessed the level and the intensity of religiosity. The content and specificity of the rites, religious and ethnic rituals were analyzed. The canonicity of the rituals was assessed.

Results. Various religious traditions and rites having regional specifics and observed by Muslims in the Republic of Mordovia have been analyzed. These include: a Dua prayer performed over water, the rite of ‘iskyat’, cult of Wali, the rite of ‘bashkoda’ preceding a marriage, and a memorial rite for deceased. An analysis of the religious ritual practices of Muslims in the Republic of Mordovia has made it possible to ascertain the presence of elements of cultural diffusion in some religious practices.

Discussion and Conclusion. Despite certain disagreement regarding the performance of a number of religious rites within the regional Muslim Ummah, most of the considered forms of religious life in the minds of people are inseparable from the Muslim tradition and are perceived as part of the original Muslim culture. The materials of the article will be useful for the authorities to improve the regional ethno-confessional policy.

Keywords: Islam, Ummah, Quran, tradition, rite, syncretism, cultural diffusion, Salafism, Dua prayer, the rite of ‘iskyat’, cult of Wali

Введение. В исламе, как и в других религиях, существует немало устоявшихся обычаев и традиций, являющихся важной составной частью мусульманского культа. В Сунне содержится указание на законность с точки зрения ислама обычаев и традиций¹. Некоторые обычаи имеют

¹ Сахих аль-Бухари. Хадис 5364 // [Свод хадисов имама аль-Бухари] (Мухтасар полный вариант) / пер. с араб. В. А. Нирша. М.: Умма, 2003. 960 с.

региональную специфику, проявляющуюся за счет так называемой культурной диффузии². Вместе с тем за последние двадцать лет в Мордовии сформировалась определенная прослойка региональной мусульманской уммы, отказывающаяся соблюдать некоторые религиозные обычаи, уже ставшие для мусульман республики традиционными. Такое поведение они объясняют тем, что в Коране и шариате отсутствуют прямые указания на отправление подобных культов и на то, что в арабском мире подобные религиозные практики также не приняты. Принятие или неприятие спорных обрядов и ритуалов стало одним из факторов раскола в среде мусульман региона, что в значительной мере актуализирует исследование по данному направлению.

Цель статьи – на основе полученных результатов исследования изучить региональные особенности проведения мусульманами Республики Мордовия некоторых противоречивых и неоднозначно трактуемых в местном сообществе религиозно-этнических культовых практик. Для этого авторами изучены традиционные для мусульманской уммы региона религиозные обычаи и новые, пришедшие к нам с Ближнего Востока сравнительно недавно; также в исторической ретроспективе рассмотрены некоторые полузабытые религиозные культы, некогда отправляемые местными мусульманами. Авторами с октября по декабрь 2019 г. были проведены интервью с верующими мусульманами татарской национальности в различных районах Республики Мордовия, в которых они рассказывали о мусульманских традициях и обычаях (особенностях бытования ислама), принятых в том или ином населенном пункте.

Обзор литературы. Научный интерес к духовной культуре татар-мишарей в отечественной историографии возникает во второй половине XIX в. Особый интерес в контексте рассматриваемых вопросов вызывают работы Н. И. Глебова «О татарах Пензенской губернии»³ и Г. А. Ахмарова «О языке и народности мишарей»⁴, в которых авторы достаточно подробно останавливаются на характеристике различных вопросов духовной культуры (в том числе и религиозного характера) татар-мишарей Пензенской и Нижегородской губерний.

В советский период одними из первых к теме выраженной регионализации форм бытования ислама на территории Поволжья обращались

---

² Культурная диффузия – это взаимное проникновение культурных форм, образцов материальной и духовной подсистем при их соприкосновении, где эти культурные элементы оказываются востребованными и где таковые заимствуются обществами, которые ранее подобными формами не владели.

³ Глебов Н. И. О татарах Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1860. № 18. С. 126–129.

⁴ Ахмаров Г. И. О языке и народности мишарей // Известия общества археологии, истории и этнографии. 1903. Т. 19, вып. 2. С. 91–160.

Р. Г. Мухамедова⁵, А. П. Смирнов⁶ и П. И. Воробьев⁷, которые выделили целые группы «синкретических элементов языческой религии татар-мишарей», выдвинули гипотезу влияния на их мусульманские обряды и традиции религиозных систем соседних народов. Антирелигиозная ангажированность исследований обусловила внеконтекстность проведенного анализа синкретичных элементов язычества в рамках мусульманских верований татар-мишарей, когда доисламские верования рассматриваются вне сохранившей его исламской культуры.

Интерес исследователей к процессам исламского возрождения на стыке XX и XXI вв. обусловил появление значительного числа региональных работ, анализирующих соотношение канонических мусульманских ритуалов, традиционных адатов и национальных традиций в исламе в Ставропольском крае, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Адыгее, Чечне, Дагестане и др. [1]. В исследованиях подчеркивается закрепление в традициях и обычаях российских мусульман некоторых древних представлений, элементов домусульманских традиций.

Осмыслению особенностей локальных форм ислама, как феномена синкретизма религиозных представлений, посвящены работы А. Г. Селезнева и И. А. Селезнева⁸. Анализируя специфику сибирского ислама, исследователи определяют его как синкретичный религиозный комплекс, вобравший в себя и доктринальные, догматические элементы официального ислама, и местные представления и религиозные практики.

Локальные формы бытования ислама татар-мишарей Поволжья освещаются в работах А. К. Идиатуллова⁹, Л. Д. Гаязова [2], В. М. Якупова¹⁰, Р. М. Мухаметшина [3] и др. В частности, Л. Д. Гаязов, характеризуя особенности ритуальных практик мусульман Татарстана, указывает на два основных момента татарского ислама: этнизация ислама (апелляция не к универсальному исламу, а привязка к региону); суфизм (суфизм выступает единственной формой бытования ислама среди народов Волго-Уральского региона) [2, с. 37]. Характеризуя синкретичность религиозных воззрений татар-мишарей, А. К. Идиатуллов говорит о смешении язычества, ислама, суфизма, православия, сектантских учений и представлений восточных религий [4, с. 36].

⁵ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 248 с.

⁶ Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951. 295 с.

⁷ Татары Среднего Поволжья и Приуралья / под ред. П. И. Воробьева, Г. М. Хисамудинова. М.: Наука, 1967. 537 с.

⁸ Селезнев А. Г. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма / А. Г. Селезнев, И. А. Селезнев. М., 2004. С. 50.

⁹ Идиатуллов А. К. Религиозный синкретизм татар-мишарей Ульяновской области: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07. Чебоксары, 2010. 23 с.

¹⁰ Якупов В. М. К пророческому исламу. Казань: Иман, 2006. 454 с.

Отдельные аспекты канонической исламской обрядности татар-мишарей Республики Мордовия рассматриваются в работах Р. Р. Агишева [5], М. Ю. Бареева [6], А. В. Мартыненко [7], Л. Н. Щанкиной¹¹ и др. Так, Р. Р. Агишев подчеркивает, что религиозные воззрения татар Республики Мордовия сформировались под сильным влиянием домусульманских и немусульманских поверий, обычаев, представлений, в том числе и этнического характера [5]. М. Ю. Бареев, в свою очередь, характеризует ислам в Мордовии не просто как религиозную систему, а как естественную, культурную среду, национальный образ жизни части населения [6].

За рубежом имеется достаточно большой пласт научных исследований, посвященных осмыслению феномена синкретизма, при этом многие из них не переведены на русский язык. Отдельно выделим монографию Э. Марони «Религиозный синкретизм», где автор на примере христианства, иудаизма и ислама рассматривает исторические типы синкретизации: культ святых в исламе, культ Богородицы, ритуалы практической Кабаллы и т. д. [8]. Размышляя в своих исследованиях над содержанием синкретизма, Ч. Стюарт также оперирует примерами из мировых религий, в которых пытается определить характер взаимовлияния религиозных представлений и местных традиций и обычаев [9]. В этой связи некоторые религиоведы особое внимание уделяют изучению состояния и эволюции ислама в национальных регионах России. Так, Г. Емельянова, исследуя социальные процессы в Кабардино-Балкарской Республике, подчеркивает значительное влияние на религиозную жизнь социума клановых и этнических особенностей практикования мусульманских обрядов [10]. П. Верт, исследуя историю крещеных татар в России, также подчеркивал специфичность исполнения ими многих религиозных обрядов, в которых просматривались и мусульманские, и христианские, и языческие черты [11]. В Кавказском регионе, по оценке Е. Кулиева, ислам отличается пассивностью, консервативностью и негибкостью, что делает его более уязвимым перед распространяющимися среди верующих возрожденческими исламскими идеями радикального толка [12].

Оценивая степень изученности проблемы, отметим, что исследование обычаев и традиций татар Республики Мордовия осуществляется, в первую очередь, в их этнической специфике. В исламском разрезе исследователей больше интересуют феномены мусульманского радикализма и экстремизма, чем эволюция региональных религиозно-этнических практик татар. В то же время изучение региональных форм бытования ислама в республике и их синкретические трансформации изучены достаточно слабо.

¹¹ Щанкина Л. Н. Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовия в системе их жизнеобеспечения: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07. Саранск, 2004. 21 с.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили данные социологического опроса «Мусульманские традиции и обряды татар региона», проведенного методом полужформализованного интервью в октябре – декабре 2019 г. В рамках опроса оценивались уровень религиозности, интенсивность религиозности; анализировалось содержание и специфика отправляемых обрядов и религиозно-этнических ритуалов, оценка каноничности ритуалов и т. д. Основными критериями выбора информантов были принадлежность к татарской национальности, соблюдение мусульманских традиций, норм и обрядов, а также постоянное проживание на территории Республики Мордовия. В качестве дополнительного критерия отбора выступили наличие религиозного образования и исполнением информантом обязанностей муллы или имама. Инструментарием проведения опроса было полужформализованное прямое и опосредованное (по телефону) интервью с жителями различных районов Республики Мордовия. Итоговое число опрошенных составило 47 чел. (18 женщин, 29 мужчин; 67 % – проживают в городской местности, 33 % – в сельской). Опрос проводился в городах Саранск, Рузаевка, а также в селах с плотным проживанием татар: Аксеново, Белозерье, Инят, Кривозерье, Латышовка, Лямбирь, Татарские Юнки, Хаджи, которые по географическому расположению делятся на две территориальные зоны: западную и восточную. Выборка для проведения опроса была стихийной, которая во многом обусловлена доступностью информантов.

В рамках поставленной цели были сформулированы следующие гипотезы:

- в региональном варианте бытования ислама отправляются ритуалы, вопрос о каноничности которых разделяет мусульман на несколько групп. Содержание и специфика отправления указанных ритуалов одной группой мусульман признаются соответствующими духу и букве ислама, а второй – нет. Это культ авлия, чтение дуа¹² (молитв) / заговора на воду, обряды исхят, башкода, поминальный обряд. Перечень обозначенных обрядовых практик был сформирован в рамках пилотажного исследования;
- среди татар, проживающих в восточной части республики, указанные обряды, как правило, вызывают неприятие. «Западные» татары практикуют рассматриваемые обряды или относятся к ним нейтрально;
- в изучаемых обрядах содержатся элементы доисламских культов, православия, иных религиозно-этических систем, которые оцениваются верующими в качестве неотъемлемой части мусульманского вероучения;
- специфика содержания и развития рассматриваемых обычаев и ритуалов обуславливается особенностями становления формы бы-

¹² Ду'а (араб. دعاء) в исламе – мольба, т. е. обращение к Аллаху; одна из разновидностей поклонения. Дуа читаются в различных житейских ситуациях.

тования ислама на территории Республики Мордовия. На протяжении длительного времени ислам в регионе развивался в рамках культурного пространства целого ряда цивилизационных традиций – христианских, финно-угорских, среднеазиатских, арабских и т. д., обусловивших синкретичность многих старых и появившихся новых мусульманских обрядов и ритуалов.

Результаты исследования. Существуют некоторые обрядовые действия, которые трактуются как разрешенные шариатом, одним из них является чтение на воду молитв (*дуа*). Чтение *дуа* на воду, которую затем используют в качестве целебного средства, практикуют мусульмане многих стран. В регионах нашей страны данный ритуал включает в себя не только чтение молитвы на воду, но и другие манипуляции ритуального характера: начертание водой определенных сур из Корана, опускание написанных на бумаге сур из Корана в воду и т. д.

Как показал опрос, в Республике Мордовия чтение *дуа* на воду признают каноническим ритуалом лишь часть мусульман, представления которых о его содержании и характере довольно разнообразны и противоречивы. Информанты выделяют широкий спектр видов и элементов ритуала (чтение *дуа* на воду): это коллективное чтение определенных сур из Корана возле приготовленной жидкости в стенах мечети, чтение сур из Корана над приготовленной жидкостью с пожеланиями здоровья и благополучия отдельным людям или благодати усопшим. Отдельные информанты, описывая процесс чтения молитвы над водой, употребляли такие термины, как «заряжается», «становится святой». Отмечается убежденность отдельных верующих в том, что обычная водопроводная вода приобретает особые целительные свойства в дни знаковых мусульманских праздников (таких как курбан-байрам, ураза-байрам, муавлид). Воду, собранную в эти дни, как отмечают некоторые верующие, принято запасать впрок и использовать как лекарственное (или общеукрепляющее) средство при болезни. Рекомендуется выпивать несколько глотков воды, над которой была прочитана молитва, перед дальней дорогой.

Религиозные деятели региона в вопросе о допустимости чтения *дуа* на воду (и других подобного рода манипуляций) занимают разные, подчас противоположные, позиции. Преобладает мнение о том, что чтение *дуа* над водой не является запретным деянием и искренняя молитва действительно наделяет ее особыми свойствами. В то же время критике подвергаются излишне смелые толкования данного обряда и его трансформация в некий аналог православного ритуала со святой водой. Меньшая часть религиозных деятелей однозначно осуждает любые манипуляции с водой, которые прямо или косвенно указывают на ритуалы христианского культа.

В масштабах региона нельзя говорить о массовом распространении такой практики среди верующих мусульман. В большей части татарских

сел в настоящее время чтение дуа на воду как особый единообразный и закреплённый в массовом сознании верующих ритуал не сложился. В прошлом, как отмечают исследователи татар-мишарей, были распространены магические представления о целительной силе воды, не связанные с молитвенными ритуалами. Так, Р. Г. Мухамедова отмечает, что во второй половине XIX – начале XX в. считалось, что особое целительное свойство у татар-мишарей приобретала вода из трех источников (ее использовали для купания больных)¹³. Об элементах предохранительной магии говорит Л. Н. Щанкина, характеризует ритуал умывания лица новорожденного ребенка водой и ношения родниковой воды в доме по кругу у татар-мишарей (конец XIX–XX в.)¹⁴.

Можно предположить, что появление и особенно распространение в настоящее время среди верующих Саранска и Лямбиря представлений о действенности мусульманских ритуальных практик, наделяющих воду особыми целительными свойствами, обусловлено целым рядом моментов: недостаточной религиозной образованностью региональной уммы (рядовой верующий нередко имеет самое общее представление об основах исламских ритуалов); появлением большого числа разнообразной религиозной литературы (в книжных магазинах региона встречается религиозная литература, описывающая ритуалы разных мазахабов); совместного проживания с представителями других конфессий (тесное соседство с православными обуславливает близкое знакомство с таинством святой воды); наличием в исламе своего аналога «святой» воды (в мусульманской канонической традиции вода из источника Зам-зам (Мекка) считается целительной). В этой связи нельзя не увидеть в такого рода ритуалах с водой влияние как христианских понятий об освященной воде, так и исламских представлений о целительной силе воды из источника Зам-зам.

Одним из самых противоречивых и неоднозначно трактуемых в местном религиозном сообществе обрядов, практикуемых мусульманами региона, выступает обряд *искят*, который определяется как принятие живыми на себя грехов умершего (например, пропущенные долги по намазам, постам, закятam, хаджам и т. д.) и выплата за них определенного «штрафа». Истоки споров о его каноничности, развернувшихся среди религиозных авторитетов, лидеров мнений и обычных верующих, лежат в плоскости признания или непризнания возможности выполнения религиозных обязанностей за других людей. Сторонники дозволенности деяний такого рода приводят примеры хадисов, в которых пророк Мухаммед, в частности, позволял держать пост за покой-

¹³ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. С. 188.

¹⁴ Щанкина Л. Н. Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовия в системе их жизнеобеспечения. С. 19.

ного, совершать не исполненные им хадж или обязательные молитвы. Противники обряда указывают на то, что, взяв на себя обязательство по очищению от грехов умершего, человек приравнивает себя к Богу, т. е. совершает один из самых больших грехов в исламе. Доказательством недозволенности взятия на себя грехов другого человека, по их мнению, выступает целый ряд канонических свидетельств, основным из которых является следующий аят из Корана: «Аллах воздаст каждой душе то, что она приобрела. Воистину, Аллах, скор в расчете»¹⁵.

В Республике Мордовия обряд исят в настоящее время массово практикуется лишь в некоторых поселениях Лямбирского и Ромодановского районов, хотя в конце 1980-х – начале 1990-х гг. территория его распространения была существенно шире. Согласно исследованиям И. Р. Миннулина, проведенным на территории региона в рамках международного проекта «From Kolkhoz to Jamaat: The Politicisation of Islam in the Rural Communities of the Former USSR: An Interregional Comparative Study, 1950s – 2000s» в 2011 г., в позднесоветский период сторонники обряда встречались в большинстве татарских сел и лишь с началом процессов исламского возрождения середины 1990-х гг. их количество серьезно упало [13, с. 127].

Проведенные интервью среди мусульман в селах Инят, Лямбиль, Кривозерье и Хаджи, практикующих обряд исят, позволили выявить единообразие основных элементов и этапов обряда. В обряде, как правило, участвуют двое – мулла и кто-то из пожилых родственников или знакомых умершего. С присутствующих собирают украшения (золотые (позолоченные) кольца, цепочки, браслеты, часы) и заворачивают их в небольшой кусок ткани. Ценности здесь выступают своеобразным выкупом за совершенные умершим грехи. Далее мулла и второй участник обряда начинают передавать указанный сверток из рук в руки со словами: *бирден-ме?* (даешь ли?) – *бирдем* (даю), *алден-ме?* (берешь ли?) – *алдем* (беру). Количество передач свертка с драгоценностями зависит от числа прожитых лет, в течение которых умерший не соблюдал те или иные обязательные религиозные ритуалы (например, не держал пост или не совершал намазы).

Различия обряда, практикуемого в селах, наблюдаются лишь в отдельных незначительных элементах: в числе участвующих в обряде (2, 3, 7 или 9 человек), в видах передаваемых ценностей (разрешены только золотые украшения и украшения с драгоценными камнями или разрешена бижутерия и изделия из серебра), в проговариваемых при передаче свертка словах (сокращенные или пространные словесные формулы – например, «передаю» или «передаю тебе эти деньги за совершенные покойным грехи»).

¹⁵ Сура 14: Авраам – Аят: 51 // Коран онлайн. URL: <https://quran.com.ua/14/51> (дата обращения: 12.02.2020).

Практически забытой в регионе религиозной практикой, но тем не менее некогда встречавшейся, является так называемый культ *авлия*¹⁶. По данному культу в мусульманском мире также сложилась весьма неоднозначная палитра мнений: от неприятия самого факта существования авлия¹⁷ и до придания данной религиозной практике канонического характера в рамках региональной специфики ислама [14].

Мусульмане регионов России за столетия сосуществования с народами разных культур и вероучений выработали особое отношение к культу авлия и своеобразным формам их почитания. В Астраханском крае насчитывается около 40 мусульманских святынь всех видов и масштабов, объединяющих как локальные святые могилы, так и целые ритуальные комплексы [14, с. 129]; в Западной Сибири – примерно два с половиной десятка объектов, смотрителями которых выступают преимущественно женщины [15, с. 167].

Практика почитания мест упокоения авлия среди татар-мусульман Республики Мордовия практически не распространена. Абсолютное большинство персонажей мусульманской агиологии забыты и не играют никакой роли в религиозной жизни сообщества. Сохранились достаточно скудные и противоречивые сведения об авлия среди татар Республики Мордовия (отдельные имена (прозвища), приблизительные места их могил).

В настоящее время применительно к реалиям региона можно говорить лишь о двух примерах, которые в памяти местных жителей достаточно устойчиво ассоциируются с авлия. Первый связан с жителем села Латышовка Кадошкинского района Сяйфулло-муллоу, а второй – с жителем села Хаджи Ромодановского района У. А. Халиковым.

Сведений о светской стороне жизни Сяйфуллы-муллы у современников не сохранилось. Устные предания потомков и пожилых жителей села раскрывают, в первую очередь, особенности его служения в качестве непререкаемого источника мусульманских религиозных знаний. В тяжелой жизненной ситуации к нему приходили за советом жители близлежащих и дальних деревень и сел, среди которых встречались как рядовые граждане, так и служащие советских органов власти региона. Погребение Сяйфуллы-муллы, располагающееся в границах кладбища в стороне от остальных могил его современников, представляет собой целый ритуальный комплекс, объединяющий тринадцать захоронений авлия.

В 50–70-е гг. XX в. комплекс могил отчетливо приобретает черты сложного, поликомпонентного социально-религиозного памятника (астана): отдельно выделенное место погребения, сформированные ритуалы поклонения и паломничества, наличие специальных смотрителей за захоронением авлия

¹⁶ Авлия (араб. *ءاي ل و*) – покровитель, святой.

¹⁷ Rahman F. Islam. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1979. 285 p.

и т. д. Местные жители сообщали о том, что односельчане разного возраста регулярно приходили на могилу Сяйфуллы-муллы за советом в трудную минуту. Одни молились об успешной сдаче экзаменов, другие просили за своих болящих родственников. Односельчане верили, что молитва у места последнего упокоения авлия будет точно услышана Богом. Активно развивался в этот период и институт смотрителей за захоронением, который является в мусульманской (в частности, суфийской) традиции одним из важнейших компонентов религиозной культуры поминания авлия.

В настоящее время о культуре авлия в селе практически ничего не напоминает. Захоронение Сяйфуллы-муллы и его родственников перестало быть местом поклонения, а сами фигуры авлия и их сакральный статус остались в памяти лишь некоторых пожилых жителей.

Большое значение в свете рассматриваемого вопроса приобретает фигура Усмана Айнетдиновича Халикова, на примере которой можно проследить неоднозначность и противоречивость процесса развития религиозной практики авлия в регионе.

Сохранившиеся письменные свидетельства и воспоминания жителей села показывают, что особое положение в глазах односельчан У. А. Халиков приобретает после совершения десятилетнего Хаджа и репрессий со стороны государства. Обогащенный знанием Корана, хадисов, он становится для местных жителей духовным лидером, к мнению которого прислушиваются при решении религиозных и даже светских вопросов. В период его активного преследования со стороны органов власти (запрет на религиозное служение, на отправление мусульманских обрядов, на совместное проживание вместе с родными) вокруг Халикова стал складываться определенный мистический ореол. Односельчане начинают приписывать ему духовную прозорливость, неординарные способности к врачеванию, обладание особым религиозным знанием, недоступным другим. Похороны Халикова и последующее почитание места его захоронения стали очередным свидетельством той особой роли, которую он играл в качестве религиозного и морального авторитета в местном сообществе. Однако в 90-е гг. XX в. фигура Халикова в памяти односельчан постепенно теряет свои сакральные черты и признанный статус авлия. По словам опрошенных информантов, Халиков уже больше ассоциируется с первым жителем села, совершившим Хадж, и основателем новой деревни. К настоящему времени место его захоронения утеряно.

Для региона было характерно быстрое угасание интереса к фигурам авлия, когда местные жители на протяжении исторически короткого времени переставали посещать их могилы, помнить историю их жизни. В то же время в ряде других регионов России с компактным проживанием мусульман с конца XX – начала XXI в. наблюдается противоположный процесс – резкое возрастание роли культа авлия

в религиозной, общественной и культурной жизни местного сообщества. Предположительно, исчезновение (забвение) практики поклонения авлия обусловлено целым рядом противоречивых и разнонаправленных процессов. Во-первых, это проведение на территории региона длительной активной антиисламской кампании в советские годы, в рамках которой была практически полностью прервана преемственность религиозного знания в республике, ликвидированы центры получения религиозного образования, репрессировано абсолютное большинство мулл. Во-вторых, отсутствие в республике мусульманских святых общерегионального значения, мнение о знаковости которых разделяла бы значительная часть татар. Зафиксированные в настоящий момент сведения о двух авлия позволяют характеризовать их в качестве локальных фигур мусульманской агиологии. В-третьих, с середины 1990-х гг. с развитием процессов исламского ренессанса в мусульманском сообществе региона начинают активно распространяться взгляды о неправильности (неканоничности) многих обрядов и ритуалов, которые практикуют татары республики. Начинает продвигаться арабский вариант бытования ислама, который отвергает любые «местные искажения». В этой связи заслуживающим внимания представляется мнение Ю. Н. Гусевой о причинах угасания интереса к авлия. Исследователь считает культ поклонения авлия сохранившейся частью суфийской традиции или ишанизма, который к концу XX в. в Поволжье фактически исчез как историческое явление¹⁸. Разрыв непосредственной связи культа святых мест и суфизма, его породившего, собственно, и предопределило такой результат.

В мусульманской традиции, также как и в христианской, существует ряд обрядов, предшествующих бракосочетанию. Досвадебный период включает один важный момент, который может существенно повлиять на жизнь супружеской пары. Речь идет о подготовительном этапе – комплексе обрядов, предшествующих бракосочетанию, в процессе которых происходит сближение семей брачующихся, определяются семейные отношения, а через них в определенной мере и межличностные (как между будущими супругами, так и в отношении каждого из них с членами семьи противоположной стороны). Одним из таких обычаев является *башкода* (с тюрк. «головной» или «главный сват» (который договаривается о предварительных условиях брака, после чего следует засылка свата или свахи в официальном порядке)). В наши дни под этим термином чаще всего подразумевают именно встречу родителей будущих жениха и невесты с целью договориться о предварительных условиях заключения

¹⁸ Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение: моногр. / под ред. О. Н. Сенюткиной; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М.: Медина, 2013. С. 153.

брака. Данный обычай в той или иной форме проводится практически во всех татарских селах региона, а в селах Аксеново или Белозерье ему уделяется особое внимание, к нему специальным образом готовятся, считают обязательным и одним из самых важных брачных обрядов.

Пожалуй, самым противоречивым с точки зрения мусульманского канона является поминальный обряд по умершим, поскольку к нему у разных исламских богословов сложилось крайне неоднозначное отношение. Устроение поминок давно стало традиционной религиозной практикой для подавляющего большинства мусульман, проживающих на территории Российской Федерации. Социологический опрос показал, что во всех татарских селах Республики Мордовия (по крайней мере там, где осуществлялся опрос) проведение поминок на 3-й, 7-й, 40-й (а в некоторых селах и 51-й¹⁹) день, полгода и год после смерти является фактически обязательным религиозным обрядом. Примечательно, что данный вид обрядовой практики никак не обозначен ни в Коране, ни в Шариате, о чем хорошо осведомлены большинство опрошенных нами мулл. Так, по мнению некоторых исламских богословов, проведение поминок является религиозным новшеством и необязательным с точки зрения традиционного ислама. Мусульманские правоведы Ближнего Востока единодушны в том, что приготовление еды для тех, кто приходит выразить соболезнование, по меньшей мере нежелательно²⁰. Как показало исследование, обряд поминок на сегодняшний день соблюдается не всеми татарами региона. Так, некоторые жители сел Белозерье, Инят и Кривозерье не проводят поминки в их традиционном виде (главным образом это те представители мусульманской уммы региона, которых условно можно отнести к салафитскому течению).

Опрос показал, что лишь 56 % респондентов полностью поддерживают проведение поминок в соответствии с устоявшимися региональными исламскими нормами, при этом 28 % не имеют однозначной точки зрения по этому поводу, а 16 % высказались против проведения данного обряда.

Трапезное поминовение умерших вероятнее всего также является примером культурной диффузии, вызванной длительным совместным проживанием мусульман и православных христиан. Проведение поминок является весьма древней традиционной религиозной практикой православного христианства, существующей уже несколько столетий и, видимо, берущей свое начало еще с дохристианских языческих времен.

¹⁹ В частности, в селе Латышовка Кадошкинского района принято делать поминки на 51-й день после смерти, однако поминальный обряд на полугодие как правило там не проводят.

²⁰ См., напр.: Ибн Абидин. Курра. Т. 1. С. 246.

Обсуждение и заключение. Становление региональной формы бытования ислама в Республике Мордовия в условиях межкультурного взаимодействия с представителями разной этнической и конфессиональной принадлежности обусловило появление во многих мусульманских обрядах и ритуалах разных, в том числе и не исламских, черт. Осознаваемая синкретичность исполняемых обрядов и ритуалов и их непохожесть на арабизированные религиозные модели большей частью информантов, не имеющих религиозного образования и имеющих таковое, признается частью мусульманских традиций. Указанная оценка в особенности свойственна пожилым информантам, которые, как правило, апеллируют к «старым» моделям исполнения религиозных ритуалов.

Анализ рассматриваемых обрядов и ритуалов (или их составляющих) показывает наличие в них татарских этнических черт, элементов суфизма, христианства и древних финно-угорских верований. В частности, в культе поклонения *авлия* просматривается влияние суфийского учения об *ишанах* (ишан – суфийский наставник, руководитель религиозного братства), получившее особое распространение среди мишарских татар в конце XVIII – начале XX в.²¹ Сущность обряда *искят* (искупление грехов умершего путем уплаты штрафа за пропущенные намазы, хадж, зякаты и т. д.) близка некоторым ритуалам выкупа прегрешений в среднеазиатских доисламских культах и христианской традиции отпущения грехов. В обряде *башкода* (сватовство) к настоящему времени причудливым образом смешались и мусульманские, и татарские, и мордовские черты, позволяющие говорить о существовании в доисламский период единого мишарско-мордовского свадебного обряда²².

Частью информантов рассматриваемые обычаи воспринимались как неоднозначные (упоминание об их исполнении отсутствует в исламских нормах) или прямо несоответствующие исламскому мировоззрению (их исполнение запрещается канонической традицией). Особое неприятие вызвали обряд *искят* и ритуал поклонения «святым», в содержании которых опрошенные увидели уподобление ритуалам других религий.

Оценивая религиозные обрядовые практики мусульман Республики Мордовия, заметим, что в синкретичном содержании рассматриваемых ритуалов отчетливо высвечивается свойство ислама, как и других мировых религий, – трансформация наиболее жизнеспособных чужих религиозных практик, переработка и изменение их в духе своей ре-

²¹ Хабутдинов А. Суфизм у татар как социальный институт // Суфизм как социальная система в Российской умме. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?589#1> (дата обращения: 12.02.2020).

²² Акашкин М. М. Свадебные обряды, песни татар-мишарей и мордвы: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Казань, 2000. 21 с.

лигиозной традиции²³. Учет указанного аспекта в научном изучении локальных черт обрядов и традиций мусульманской уммы Республики Мордовия позволяет по-новому взглянуть на многие реалии духовной жизни татар региона и выявить характерные черты местных форм бытования ислама.

Практическая значимость статьи состоит в возможности использования результатов исследования органами власти при совершенствовании региональной информационной и этноконфессиональной политики. Некоторые материалы исследования могут дополнить курсы по этносоциологии и этнографии. Перспективы исследования связаны с более масштабным изучением мусульманских религиозных форм бытования в других поволжских регионах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ярлыкапов, А. А. «Народный ислам» и мусульманская молодежь центрального и северо-западного Кавказа / А. А. Ярлыкапов // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 2. – С. 59–73. – URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/no2/2006_2_Yarlykapov.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

2. Гаязов, Л. Д. Особенности татарского традиционного ислама в постсоветский период / Л. Д. Гаязов // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 2. – С. 32–41. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/4358/2016_rmm_rus_2.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

3. Мухаметшин, Р. М. Ислам в постсоветском Татарстане: обновление и утраты / Р. М. Мухаметшин // Россия и мусульманский мир. – 2007. – № 12. – С. 20–35. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9569191> (дата обращения: 12.02.2020).

4. Идиатуллов, А. К. Эволюция религиозного синкретизма татар-мишарей Ульяновской области / А. К. Идиатуллов // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 35–42. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-religioznogo-sinkretizma-tatar-misharey-ulyanovskoy-oblasti> (дата обращения: 12.02.2020).

5. Агишев, Р. Р. «Народный» ислам в Республике Мордовия: отдельные аспекты религиозного и культурного синкретизма / Р. Р. Агишев. – DOI 10.21779/2077-8155-2019-10-4-101-108 // Исламоведение. – 2019. – № 4. – С. 101–108. – URL: <http://islam.dgu.ru/stat/Islamoved2019-4-8.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

6. Бареев, М. Ю. Ислам в контексте конфессиональной ситуации региона / М. Ю. Бареев // Регионоведение. – 2007. – № 1. – С. 231–239. – URL: http://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2007_1.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

7. Мартыненко, А. В. Исламское возрождение в Поволжье в конце XX – начале XXI в. (на материалах Татарстана, Мордовии, Чувашии, Марий Эл) /

---

²³ Гольдциер И. Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). М.: Огиз Государственное антирелигиозное издательство, 1938. С. 61.

А. В. Мартыненко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 62–70. – URL: [https://izvuz_gn.pnzgu.ru/files/izvuz_gn.pnzgu.ru/07\(2\).pdf](https://izvuz_gn.pnzgu.ru/files/izvuz_gn.pnzgu.ru/07(2).pdf) (дата обращения: 12.02.2020).

8. Maroney, E. *Religious Syncretism* / E. Maroney. – New York, 2006. – 222 p. – URL: <https://scmpress.hymnsam.co.uk/books/9780334040187/religious-syncretism-> (дата обращения: 12.02.2020).

9. Stewart, Ch. *From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder* / Ch. Stewart // *Routledge International Handbook of Diversity Studies* / ed. by S. Vertovec. – New York : Routledge, 2015. – Pp. 355–362. – URL: https://www.ucl.ac.uk/anthropology/sites/anthropology/files/From_Creolization_to_Syncretism.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

10. Yemelianova, G. M. Kinship, Ethnicity and Religion in Post-Communist Societies: Russia's Autonomous Republic of Kabardino-Balkariya / G. M. Yemelianova. – DOI 10.1177/1468796805049926 // *Ethnicities*. – 2005. – Vol. 5, issue 1. – Pp. 51–82. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1468796805049926> (дата обращения: 12.02.2020).

11. Werth, P. W. From “Pagan” Muslims to “Baptized” Communists: Religious Conversion and Ethnic Particularity in Russia's Eastern Provinces / P. W. Werth. – DOI 10.1017/S0010417500002917 // *Comparative Studies in Society and History*. – 2000. – Vol. 42, issue 3. – Pp. 497–523. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/comparative-studies-in-society-and-history/article/from-pagan-muslims-to-baptized-communists-religious-conversion-and-ethnic-particularity-in-russias-eastern-provinces/CCBD5ABC6B86600CA68EAAEE727E4219> (дата обращения: 12.02.2020).

12. Kuliev, E. *Islamic Tradition in the Caucasus: Amidst Traditionalism, Reformism, and Secularism* / E. Kuliev // *The Caucasus & Globalization*. – 2008. – No. 3. – Pp. 112–124. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamic-tradition-in-the-caucasus-amidst-traditionalism-reformism-and-secularism> (дата обращения: 12.02.2020).

13. Миннуллин, И. Р. Исламское возрождение в татарской деревне в советский и постсоветский периоды / И. Р. Миннуллин // *Историческая этнология*. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 116–145. – URL: <http://historicaethnology.org/wp-content/uploads/2017/11/ИЭ-2016-1-116-145.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

14. Сызранов, А. В. *Культ мусульманских святых в Астраханском крае* / А. В. Сызранов // *Этнографическое обозрение*. – 2006. – № 2 – С. 127–143. – URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/no2/2006_2_Syzranov.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

15. Селезнев, А. Г. *Ислам в Сибири: некоторые направления антропологического изучения* / А. Г. Селезнев. – DOI 10.31250/2618-8600-2018-2-160-187 // *Этнография*. – 2018. – № 2. – С. 160–187. – URL: http://etnografia.kunstkamera.ru/en/archive/2018_2/seleznev_a_g_islam_v_sibiri_nekotorye_napravleniya_antropologicheskogo_izucheniya/ (дата обращения: 12.02.2020).

Поступила 27.02.2020; принята к публикации 03.03.2020; опубликована онлайн 30.06.2020.

Об авторах:

Бареев Максим Юрьевич, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

Агишев Руслан Ряфатович, ведущий научный сотрудник ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0179-8336>, agishev2019@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Бареев Максим Юрьевич – постановка научной проблемы статьи и определение основных направлений ее решения; сбор материалов; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста.

Агишев Руслан Ряфатович – сбор материалов и инициация исследования; определение методологии исследования; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста.

Для цитирования:

Бареев, М. Ю. Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе / М. Ю. Бареев, Р. Р. Агишев. – DOI 10.15507/2413-1407.111.028.202002.303-321 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 303–321.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Yarlykapov A.A. [“Popular Islam” and Muslim Youth in the Central and Northwestern Caucasus]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2006; (2):59-73. Available at: http://journal.ica.ras.ru/archive/2000s/2006/no2/2006_2_Yarlykapov.pdf (accessed 12.02.2020). (In Russ.)

2. Gayazov L.D. [Features of Tatar Traditional Islam in the Post-Soviet Period]. *Rossiya i musulmanskij mir* = Russia and the Muslim World. 2016; (2):32-41. Available at: http://inion.ru/site/assets/files/4358/2016_rmm_rus_2.pdf (accessed 12.02.2020). (In Russ.)

3. Mukhametshin R.M. Islam in Post-Soviet Tatarstan: Renewal and Loss. *Rossiya i musulmanskij mir* = Russia and the Muslim World. 2007; (12):20-35. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9569191> (accessed 12.02.2020). (In Russ.)

4. Idiattullov A.K. Evolution of the Religious Syncretism of the Ulyanovsk Region’s Tatar-Mishar. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash University. 2010; (1):35-42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-religioznogo-sinkretizma-tatar-misharey-ulyanovskoy-oblasti> (accessed 12.02.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

5. Agishev R.R. Folk Islam in the Republic of Mordovia: Some Aspects of Religious and Cultural Syncretism. *Islamovedenie* = Islamic Studies. 2019; (4):101-108. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-4-101-108>
6. Bareev M.Yu. [Islam in the Context of the Confessional Situation in a Region]. *Regionologiya* = Regionology. 2007; (1):231-239. Available at: http://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2007_1.pdf (accessed 12.02.2020). (In Russ.)
7. Martynenko A.V. Islamic Revival in the Volga Region in the Late XX – early XXI Century (by the Example of Tatarstan, Mordovia, Chuvashia, Mari El). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Humanities. 2015; (3):62-70. Available at: [https://izvuz_gn.pnzgu.ru/files/izvuz_gn.pnzgu.ru/07\(2\).pdf](https://izvuz_gn.pnzgu.ru/files/izvuz_gn.pnzgu.ru/07(2).pdf) (accessed 12.02.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Maroney E. Religious Syncretism. New York; 2006. Available at: <https://scmpress.hymnsam.co.uk/books/9780334040187/religious-syncretism-> (accessed 12.02.2020). (In Eng.)
9. Stewart Ch. From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder. In: *Routledge International Handbook of Diversity Studies*. New York: Routledge; 2015. p. 355–362. Available at: https://www.ucl.ac.uk/anthropology/sites/anthropology/files/From_Creolization_to_Syncretism.pdf (accessed 12.02.2020). (In Eng.)
10. Yemellianova G.M. Kinship, Ethnicity and Religion in Post-Communist Societies: Russia's Autonomous Republic of Kabardino-Balkariya. *Ethnicities*. 2005; 5(1):51-82. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796805049926>
11. Werth P.W. From “Pagan” Muslims to “Baptized” Communists: Religious Conversion and Ethnic Particularity in Russia's Eastern Provinces. *Comparative Studies in Society and History*. New York; 2000; 42(3):497-523. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/S0010417500002917>
12. Kuliev E. Islamic Tradition in the Caucasus: Amidst Traditionalism, Reformism, and Secularism. *The Caucasus & Globalization*. 2008; (3):112-124. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamic-tradition-in-the-caucasus-amidst-traditionalism-reformism-and-secularism> (accessed 12.02.2020). (In Eng.)
13. Minnullin I.R. Soviet and Post-Soviet Islamic Revival in a Tatar Village in Mordovia. *Istoricheskaya ehtnologiya* = Historical Ethnology. 2016; 1(1):116-145. Available at: <http://historicaethnology.org/wp-content/uploads/2017/11/ИЭ-2016-1-116-145.pdf> (accessed 12.02.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
14. Syzranov A.V. Cult of Muslim Saints in the Astrakhan Region. *Ehtnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2006; (2):127-143. Available at: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/no2/2006_2_Syzranov.pdf (accessed 12.02.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Seleznev A.G. Islam in Siberia: Some Trends of Anthropological Study. *Ehtnografiya* = Ethnography. 2018; (2):160-187. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-2-160-187>

Submitted 27.02.2020; accepted for publication 03.03.2020; published online 30.06.2020.

About the authors:

Maxim Yu. Bareev, Associate Professor, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

Ruslan R. Agishev, Leading Researcher, Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a B. Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0179-8336>, agishev2019@gmail.com

Contribution of the authors:

Maxim Yu. Bareev – statement of the scientific problem and identification of the ways of solving it; collection of materials; structuring and analysis of the results obtained; writing the text of the article.

Ruslan R. Agishev – collection of materials and initiation of the study; choice of research methodology; structuring and analysis of the results obtained; writing the text of the article.

For citation:

Bareev M.Yu., Agishev R.R. Regional Features of Some Traditions and Customs in Modern Islam. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(2): 303-321. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.303-321>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Факторы трудовой деятельности современной российской технической интеллигенции

Е. И. Макаренко

*ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ)»*

(г. Москва, Россия),

makarenko_madi@mail.ru

Введение. Реальная ситуация в экономической, политической и образовательной сферах сдерживает развитие интеллектуальных, профессиональных ресурсов технической интеллигенции. Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить объективные условия и субъективные факторы, определяющие трудовую деятельность современной отечественной

технической интеллигенции как кадровую основу для социально-экономических изменений и инновационных преобразований в стране.

Материалы и методы. При анализе объективных условий использовались материалы официальной статистики, законодательные акты. Применялись методологические принципы историзма и социально-исторической преемственности, методы математической статистики. При интерпретации субъективных факторов были задействованы эмпирические данные, полученные методами массового опроса «Модернизация экономики и техническая интеллигенция» и экспертного опроса «Инновационная деятельность технической интеллигенции». Опросы позволили выявить оценку технической интеллигенцией происходящих событий в вопросах адаптации к рыночным отношениям и кризисам последних лет, удовлетворенности трудом, материального вознаграждения за свой труд, в ценностных ориентациях.

Результаты исследования. Определены объективные условия (экономическое положение страны, состояние институтов образования и др.) и субъективные факторы (степень и уровень трудовой адаптации технической интеллигенции к проводимым социально-экономическим преобразованиям последних десятилетий, удовлетворенность трудом и пр.), которые характеризуют современную отечественную техническую интеллигенцию. Анализ данных условий и факторов свидетельствует о сложностях для реализации масштабного инновационного прорыва как в экономике страны, так и в российском обществе в целом.

Обсуждение и заключение. Современные объективные условия, детерминирующие развитие технической интеллигенции, не способствуют реализации ее традиционного социального предназначения – быть опорой научно-технологических и инновационных преобразований. Статья имеет практическую значимость

© Макаренко Е. И., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

для государственных органов различного уровня, общественных организаций, работающих над совершенствованием политики в сфере инноваций в промышленности, науки и образования. Эмпирические данные могут быть использованы для дальнейших научных интерпретаций, а также в качестве диагностики и консультирования по адресной поддержке предприятий и организаций производственной сферы.

Ключевые слова: техническая интеллигенция, занятость по видам экономической деятельности, институты образования, цифровизация, трудовая адаптация, удовлетворенность трудом, ценностные ориентации, гражданская активность

Factors in Labor Activity of Modern Russian Technical Intelligentsia

E. I. Makarenko

*Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI) (Moscow, Russia),
makarenko_madi@mail.ru*

Introduction. The real situation in the economic, political and educational spheres hinders the development of intellectual and professional resources of technical intelligentsia. The purpose of the study is to identify objective conditions and subjective factors that determine the labor activity of modern Russian technical intelligentsia as a personnel basis for socio-economic changes and innovative transformations in the country.

Materials and Methods. Official statistics and legislative acts were used as the materials for an analysis of the objective conditions. The methodological principles of historicism and socio-historical continuity, the methods of mathematical statistics were applied. When interpreting subjective factors, the empirical data obtained using the methods of the mass survey “Modernization of the Economy and Technical Intelligentsia” and the expert survey “Innovative Activity of Technical Intelligentsia” were examined. The surveys made it possible to reveal technical intelligentsia’s opinion – an assessment of current events in terms of adaptation to market relations and crises of recent years, job satisfaction, material remuneration for one’s work, value orientations.

Results. The study made it possible to identify the objective conditions (the economic situation of the country, the state of institutions of education, etc.) and the subjective factors (the degree and level of labor adaptation of technical intelligentsia to the ongoing socio-economic transformations of recent decades, job satisfaction, etc.) that characterize modern Russian technical intelligentsia. The performed analysis of these conditions and factors indicates the difficulties for implementing a large-scale innovative breakthrough both in Russia’s economy and society as a whole.

Discussion and Conclusion. Modern objective conditions determining the development of technical intelligentsia do not contribute to the completion of its traditional social mission – to be the pillar of scientific, technological and innovative transformations. The article is of practical importance for government agencies at various levels, for public organizations working to improve policies in the field of innovation in industry, science and education. Empirical data can be used for further scientific interpretations, as well as for diagnostics and advice on targeted support to enterprises and organizations in the productive sector.

Keywords: technical intelligentsia, employment by type of economic activity, institutions of education, digitalization, labor adaptation, job satisfaction, value orientations, civic engagement

Введение. В начале третьего десятилетия XXI в. институциональная трансформация социальной структуры российского общества еще не завершена. Это связано с коренным изменением экономических, политических основ советского, а затем и российского общества. Данные изменения носят сложный, болезненный характер. В современной России формируются новые социальные общности, группы, страты, вырастает молодое поколение, которое, исходя из особого отношения к информационным и коммуникационным технологиям, называют поколением Z. Ученые все в большей степени обращаются к проблемам преемственности как в социальной структуре общества в целом, так и в плане исследования профессиональных, социокультурных изменений, происходящих непосредственно в различных классах, слоях, группах.

Отечественная интеллигенция, сформировавшись на рубеже XIX–XX вв. как узкая элитарная прослойка, прошла значительный путь в своем становлении и в настоящее время при определенных условиях может стать ведущей силой для движения страны вперед. «Быть носителем знаний, их распространителем – миссия интеллигенции», – так считает Г. Г. Силласте, многопланово изучающая современную интеллигенцию, прежде всего экономическую¹. Как слой интеллектуально развитых специалистов с высшим образованием интеллигенция в целом должна играть одну из ведущих ролей в поступательном развитии страны, но ее социальное предназначение в этом плане в настоящее время значительно размыто. Одной из страт современной интеллигенции является техническая интеллигенция, занятая в производстве, промышленности, непосредственно участвующая в его инновационном развитии, проявляющая гражданские позиции в жизни общества в целом. Представители технической интеллигенции заняты в таких отраслях экономики и промышленности, где интеллектуальный продукт, основанный на достижениях науки и новых технологиях, является главенствующим.

По данным Росстата, промышленное производство в России с 2017 г. охватывает следующие сферы деятельности: «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», «водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация доходов, деятельность

¹ Силласте Г. Г. Формирование новой экономической интеллигенции в условиях рыночной экономики: моногр. М.: ИНФРА-М, 2017. 246 с.

по ликвидации загрязнений» (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД–2)). Кроме того, согласно Федеральному закону Российской Федерации от 31.12.2014 № 488 – ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» особое место в промышленности отдается оборонно-промышленному комплексу страны (ОПК). ОПК – комплекс отраслей, предприятий и организаций, составляющий специфический сектор экономики, который предназначен для удовлетворения военных потребностей государства.

Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить специфику объективных условий трудовой деятельности технической интеллигенции и, что принципиально важно, субъективные факторы, определяющие современную отечественную техническую интеллигенцию как социальную силу, связанную с развитием производства на инновационной основе. Изучение объективных условий, а также субъективных факторов осуществления трудовой деятельности современной отечественной технической интеллигенции станет предметом анализа в данной статье.

Обзор литературы. Исследования интеллигенции в целом представляют собой довольно обширное поле для научного анализа. Одним из важных направлений дискуссии является обсуждение проблем разделения/соединения понятий «интеллектуалы» и «интеллигенция», обозначенных в работах зарубежных ученых: Р. Мертона², К. Манхейма³ и др. Данный дискурс обусловлен новыми подходами к социальной структуре российского общества, связанного с переходом к рыночной экономике в конце XX в. Здесь учеными поднимается важный вопрос: можно ли современную отечественную интеллигенцию приравнять к классу западных интеллектуалов? Как правило, отечественные ученые до сих пор считают, что современная отечественная интеллигенция – продолжатель социально-исторического наследия дореволюционной и советской интеллигенции и существенно отличается от класса западных интеллектуалов. Основным отличием в этом плане является наличие особых морально-нравственных качеств, характеризующих отечественную интеллигенцию на разных этапах ее развития, широкие мировоззренческие позиции. Данной точки зрения придерживаются Ж. Т. Тощенко [1], А. Н. Кураев [2], А. Данилов [3], А. Ф. Смык [4] и другие исследователи. Переход к рыночной экономике повлиял прежде всего на эту составляющую ее социального облика. В большинстве своем резко изменилось понимание социальной ответственности, мировоззренческие и ценностные ориентации, патриотический и гражданский настрой современной

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

³ Манхейм К. Избранное: диагноз нашего времени. М.: РАО Говорящая книга, 2010. 744 с.

интеллигенции. Это смещение связано скорее с западным пониманием интеллектуализации, утилитарного образа жизни профессионалов, ценностным индивидуализмом.

Американский социолог С. Фуллер, подходя к исследованию современного «общества знания», выделяет интеллектуалов в отдельный класс и противопоставляет им «академиков». По его мнению, для интеллектуалов «наилучший подход к истине – это не производство знания, но разрушение старых верований». Иными словами, современные интеллектуалы – люди более свободные от политических, нравственных конструкций, более творческие, чем так называемые «академики» – участники академического сообщества, работающие в рамках университетской среды. Деятельность «академиков» сдерживается устойчивыми внутренними нормами и правилами распространения знаний, а интеллектуалы руководствуются этическим посылом – «достижение истины в конечном итоге оправдывает использование любых средств, оказавшихся в твоём распоряжении». Дальнейшее развитие общества знаний С. Фуллер связывает как раз с интеллектуалами⁴. Интересно, что и для ученых с Востока (Китай) также характерно выделение интеллигенции в класс интеллектуалов⁵.

При исследовании интеллигенции в целом ученые предлагают сферный подход: понимание интеллигенции исходя из сфер ее профессиональной занятости. Социологи из Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) подразделяют современную интеллигенцию на гуманитарную и естественно-научную исходя из обладания специфическими чертами, обусловленными отношениями «субъект – субъект» – гуманитарная интеллигенция, «субъект – объект» – естественно-научная интеллигенция⁶. По нашему мнению, современную техническую интеллигенцию можно исследовать так же, как и естественно-научную.

Г. Б. Кошарная и Х. З. Ксенофонтова в зависимости от характера и содержания труда выделяют такой новый подотряд интеллигенции, как управленческая [5]. Авторы указывают на специфику управленческой интеллигенции – промышленную сферу реализации ее интересов. В этой сфере активно действует и техническая интеллигенция, к которой мы относим специалистов с высшим техническим образованием, занятых в производстве, а также в сфере разработки интеллектуального продукта для развития науки и техники.

⁴ Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 192, 195.

⁵ Хунся Ли. Судьбы китайской интеллигентности на фоне реформ и открытости // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: XX Междунар. теоретико-метод. конф. / сб. ст. под общ. ред. Ж. Т. Тошенко. М.: РГГУ, 2019. С. 37–46.

⁶ Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллектив. моногр. / отв. ред. Ж. Т. Тошенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с.

Современные социологические проекты также касаются проблем технической интеллигенции⁷. Социологи из г. Екатеринбурга рассматривают проблемы современного инженерного образования, профессионального этоса инженера, качества образовательной среды⁸. Здесь необходимо подчеркнуть, что российские ученые пристально изучают проблемы современного инженерного образования. Так, В. М. Приходько и А. Н. Соловьев указывают, что «инженерное образование приучает людей к системному мышлению, такие специалисты имеют высокий интеллектуальный потенциал и способны к самообразованию для работы в других областях деятельности» [6]. Н. И. Наумкин с соавторами ставят вопрос об эффективности многоуровневой подготовки инженера в современных условиях, полагая, что процесс формирования у студентов технических университетов компетентности в инновационной инженерной деятельности повысится, если он будет построен на основе многоуровневой интеграции и поэтапной подготовки студентов к этой деятельности [7].

Обозначенные проблемы являются в настоящее время и полем для изучения иностранных ученых. Так, Н. Цандфорт прямо указывает, что техническое образование должно строиться на таких принципах, как гуманитарная и этическая ответственность, поскольку они определяют «социальное лицо» инженера; а современные инженеры, которые хотят быть реализованными в своей профессии, должны в ходе своей деятельности быть готовы к построению «социального дизайна» и умению проводить свои идею, миссию в публичной политике [8]. Здесь речь идет и о гражданском позиционировании. Более того, эта тенденция на международном уровне усиливается. По мнению М. Кастро и Е. Санкрисобал, подготовка инженера в современных условиях должна в обязательном порядке сопровождаться социальным пониманием сущности инженерной деятельности: ученые считают, что это может быть выражено в понимании актуальных проблем изменения климата и влиянием этого факта на устойчивость общества [9]. Т. Циатос ставит вопрос о такой важной составляющей инженерного образования, как цифровые технологии, игры, которые позволяют в лучшей степени освоить сложные технические программы и способствуют дальнейшему освоению цифровых технологий [10].

В вопросах подготовки будущего инженера не только как узкоподготовленного специалиста, но и как понимающего социальную сущность принимаемых им технических (технологических) решений, отечественные и зарубежные коллеги в основном солидарны.

⁷ Инженерные династии России: моногр. / научн. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС, 2017. 331 с.

⁸ Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / под общ.ред. Л. Н. Банниковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 364.

Таким образом, мы понимаем, что исследование проблем интеллигенции строится на обширной научной дискуссии российских и зарубежных ученых с привлечением не только теоретических, но и эмпирических источников. Основным направлением для исследований является обозначение места интеллигенции в целом, а также отдельных его подотрядов в социальной структуре российского общества. Однако вопросы, касающиеся непосредственно отечественной технической интеллигенции, в научной литературе представлены фрагментарно. В них выделяются отдельные аспекты ее деятельности или один-два фактора, определяющих ее трудовую деятельность.

Материалы и методы. В рамках данной статьи автор предпринял попытку на основе значительного научного задела исследовать объективные условия осуществления трудовой деятельности, а также субъективные факторы, определяющие современную техническую интеллигенцию. Материалами для выявления объективных условий послужили данные Росстата, российских периодических изданий, интернет-порталов, политические документы и законодательные акты; изучение субъективных факторов базируется на массовом опросе «Модернизация экономики и техническая интеллигенция» (2011 г., n = 910, руководитель – профессор Г. Г. Силласте), проведенном при активном участии автора статьи, и экспертном авторском опросе «Инновационная деятельность технической интеллигенции» (2019 г., n = 51), а также на актуальных эмпирических данных других социологических коллективов. Исследование таких факторов, как степень адаптации технической интеллигенции к рыночным отношениям, удовлетворенность своим трудом, оценка своего материального положения, опирается на замеры массового опроса (2011 г.). Ценностные ориентации рассмотрены в рамках сопоставления результатов массового и экспертного опросов в динамике.

Респондентами массового опроса «Модернизация экономики и техническая интеллигенция» выступили работники предприятий и организаций различных форм собственности (государственной, частной, совместной), занятые в промышленном секторе, в ОПК, в научном обеспечении промышленности. По социально-территориальному признаку представлены предприятия, расположенные в г. Москве, Московской, Нижегородской областях (г. Павлово), в г. Тольятти. Эксперты в опросе «Инновационная деятельность технической интеллигенции» – представители промышленности, высшего технического образования, ОПК, общественных организаций, занимающие, как правило, должности руководителей предприятий и организаций (или их заместителей), а также являющиеся начальниками отделов.

Указанные опросы методом анкетирования позволили выявить субъективные мнения представителей технической интеллигенции о своей трудовой деятельности.

Результаты исследования. Руководствуясь принципами историзма и социальной преемственности, выделим 3 основных периода становления и формирования отечественной технической интеллигенции: дореволюционный (1861–1917 гг.), советский (1917–1991 гг.), постсоветский (1991 г. – по настоящее время) [11]. Критерием выделения стало изменение формы собственности, экономического и политического положения страны, а также состояние институтов образования. До 90-х гг. XX в. к технической интеллигенции относились инженерно-технические работники (ИТР). В документах статистических органов их все чаще именовали «специалистами», поскольку подразумевалось, что речь идет о квалифицированных специалистах, занятых преимущественно умственным трудом. Основными отличительными чертами советской технической интеллигенции стали: многочисленный социальный слой (в 1986 г. среднегодовая, по данным советских статистических источников, численность ИТР составляла 5 584 тыс. чел.⁹); высокая степень социальной однородности; высокая степень социального престижа, особенно характерная для поколения 1950–60-х гг.; хороший уровень материальной оплаты труда, который к концу 1970-х гг. начал снижаться в угоду «идеологических соображений» о том, что интеллигенция является только прослойкой в обществе и, соответственно, не может получать больше, чем представители двух основных классов – рабочие и колхозники [12]. О. А. Нор-Аревян считает, что инженерные профессии имели ключевое значение и выступали стратегическим ресурсом советской экономики, которая была ориентирована на крупное индустриальное производство и основывалась на идеях научной организации труда [13]. В этом ключе некоторые авторы ставят проблему сложностей профессиональной идентификации категории «инженерный работник» в составе социальных групп в связи с переходом к рыночным отношениям [14].

На всех периодах на отечественную техническую интеллигенцию влияли объективные условия, которые косвенно определяли векторы ее развития: экономическое положение страны, техническая и промышленная политика, состояние институтов образования, международная ситуация и глобализация, материальное положение населения в целом. В настоящее время, изучая объективные условия трудовой деятельности технической интеллигенции, мы можем выделить четвертую промышленную революцию и связанную с ней цифровизацию всей общественной жизни. Обращаясь к субъективным факторам, основное наше внимание будет сосредоточено на представлениях технической интеллигенции о ее адаптации к рыночным условиям и кризисам последних лет, удов-

⁹ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 136.

летворенности своим трудом, оценке своего материального положения, ценностных ориентациях, которыми руководствуется техническая интеллигенция в трудовой деятельности, а также ее участия в техническом творчестве и развитии гражданского активизма. При выделении субъективных факторов, непосредственно определяющих трудовую деятельность технической интеллигенции, мы руководствовались методологическим пониманием фактора (лат. *factor* – виновник, создатель) «как движущей силы, лежащей в основе или определяющей ход какого-либо процесса, явления, его характерные черты или особенности развития. (В социологии к факторам можно отнести предполагаемую, теоретически определяемую причину конкретного эмпирически изучаемого события.)»¹⁰.

Обратимся к объективным условиям трудовой деятельности технической интеллигенции. За годы рыночных отношений и после трансформации института собственности произошли значительные изменения в экономике страны. Резкое снижение производства в конце XX в. и переориентация экономики страны на добычу и продажу полезных ископаемых (прежде всего углеводородов) ознаменовали собой изменение экономической активности населения. Проведем анализ динамики занятости населения по видам экономической деятельности. Обратимся к таблице 1, составленной автором на основе мониторинга данных Росстата¹¹.

В таблице 1 приведены не все виды деятельности, указанные в справочнике Росстата. Выбор отраслей, не связанных с промышленным производством, обусловлен необходимостью сопоставления основных направлений по видам экономической деятельности в динамике занятости населения страны с 1998 по 2018 г.

Проведем анализ таблицы 1, а также других социально-экономических показателей, связанных с трудовой деятельностью технической интеллигенции. В 2018 г. общая численность работников промышленности составила 13 552 тыс. чел. Здесь необходимо сделать важное методическое пояснение. С 2017 г. в рамках классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД–2) появилось новое направление – деятельность профессиональная, научная и техническая (численность – 2 884 тыс. чел.). Представители технической интеллигенции также вошли в эту группу. В этом сегменте учитываются инженеры-проектировщики и другие высококвалифицированные кадры; также в эту группу входят представители широкого круга других профессий, поэтому отнести их полностью к занятым в промышленности было бы некорректно.

¹⁰ Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. С. 545.

¹¹ Российский статистический ежегодник [Электронный ресурс]. М., 2019. URL: www.gks.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2019.pdf (дата обращения: 19.04.2020).

Т а б л и ц а 1. Динамика среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности с 1998 по 2018 г., тыс. чел.

Table 1. Dynamics of the average annual number of employees by type of economic activity from 1998 to 2018, thousand people

Вид экономической деятельности / Economic activity	1998	2016	2017	2018
Добыча полезных ископаемых / Mining operations	1 167	1 119	1 127	1 142
Обрабатывающие производства / Manufacturing activities	11 946	10 247	10 173	10 067
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха ¹² /Provision of electric power, gas and steam; air conditioning	1 824	1 991	1 632	1 622
Водоснабжение, водоотведение, ор- ганизация сбора и утилизации от- ходов, деятельность по ликвидации загрязнений ¹³ /Water supply, sewerage, organization of waste collection and disposal, and pollution elimination activities	–	–	746	721
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоци- клов, бытовых изделий и предметов личного пользования ¹⁴ / Wholesale and retail trade; repair of motor ve- hicles, motorcycles, household goods and personal items	8 447	13 633	13 686	13 670
Гостиницы и рестораны ¹⁵ / Hotels and restaurants	957	1 652	1 662	1 722
Финансовая деятельность ¹⁶ /Financial activities	645	1 437	1 423	1 386
Строительство / Construction	4 439	6 231	6 319	6 391
Образование / Education	6 033	5 552	5 525	5 456

¹² Позиция «кондиционирование воздуха» добавлена с 2016 г. согласно ОКВЭД–2.

¹³ Данная позиция добавлена с 2016 г. согласно ОКВЭД–2.

¹⁴ Позиция «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» добавлена с 2016 г. согласно ОКВЭД–2.

¹⁵ Данная позиция изменена согласно ОКВЭД–2 – «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания».

¹⁶ Данная позиция изменена согласно ОКВЭД–2 – «финансовая и страховая деятельность».

Будем понимать, что число занятых в промышленном сегменте 2017 и 2018 гг. должно быть несколько увеличено.

Как видим, за последние 20 лет происходит снижение численности работников, занятых в промышленности и производстве, особенно это касается обрабатывающих производств – разница между 1998 и 2018 г. составляет 1 879 тыс. чел. В добыче полезных ископаемых снижение менее заметное – 25 тыс. чел., а в таком виде, как «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», снижение более существенное – 202 тыс. чел. Таким образом, общее снижение численности работников в промышленности за 20 лет составило 2 106 тыс. чел. Даже если предположить, что часть работников согласно новому классификатору можно отнести к «водоснабжению; водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений» (в 2018 г. там было занято 721 тыс. чел.), это не покрывает значительной разницы в уменьшении занятых в промышленности в целом (см. табл. 1). Мы видим, что динамика работников промышленности имеет устойчивый вектор на снижение. На этом фоне происходит рост занятости работников в таких отраслях, как оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования на 5 223 тыс. чел.; гостиницы и рестораны – на 765 тыс. чел.; строительство – на 1 952 тыс. чел.; финансовая и страховая деятельность – на 741 тыс. чел.

Итак, происходит заметное снижение занятых работников, в том числе технической интеллигенции в промышленной сфере. Возникает вопрос: а кто в дальнейшем сможет развивать инновационное производство; будет ли оно развиваться вообще в промышленности при постоянном снижении рабочей силы, в том числе высококвалифицированной? Как видим, наблюдается перераспределение занятых в экономике – уход из промышленности в сферу обслуживания, финансы. Эти отрасли имеют возможность «заполучить» высококвалифицированные кадры. Так что пока экономическая ситуация в стране неблагоприятна для прогноза об «инновационном скачке» в промышленности и производственном секторе, о котором так часто рассуждают на государственном уровне. Она не подкрепляется необходимыми высококвалифицированными кадрами. Кроме того, к сожалению, развиваются ресурсные отрасли промышленности, а не высокотехнологичные его сферы. Высокотехнологичное производство – это одна из важнейших и определяющих сфер занятости технической интеллигенции. Очевидно, что от развития высоких технологий в экономике страны, и в промышленной сфере в частности, напрямую зависит реализация ресурсного потенциала технической интеллигенции. Ученые посчитали, что самыми выгодными с точки зрения инвестирования и развития являются вложения в высо-

котехнологические производства, те самые проекты, которые в будущем полностью изменят нашу жизнь. Американские аналитики утверждают, что каждый доллар, затраченный на национальную космическую систему США, дает экономике страны 100 долларов дохода¹⁷. Поэтому вложения в высокотехнологичное производство необходимы для успешного развития экономики страны. Однако, по официальным данным, производство в высокотехнологичных обрабатывающих отраслях в России упало в 2018 г. после двух лет роста¹⁸.

Один из секторов промышленности в последнее время все-таки имеет значительный задел для развития – это ОПК. В эту отрасль государством направляются значительные финансовые ресурсы, однако здесь еще острее, чем в других отраслях промышленности, стоит вопрос кадров. Известно, что за 30 лет эта отрасль особенно пострадала в этом отношении: были потеряны многие традиции элитной подготовки кадров, разорвана профессиональная преемственность; многие «градообразующие» предприятия просто закрылись, а города опустели. А. М. Насонов, исследуя современную производственно-технологическую инфраструктуру, считает, что она находится не на высоком уровне [15].

Обращение к состоянию *институтов образования* является непременным условием анализа объективных условий процесса формирования и социального позиционирования технической интеллигенции. Ж. Т. Тощенко, придавая огромную роль системе образования, полагает, что «образование становится почти доминирующей структурой общества: оно определяет сферу труда и экономики, является стратегическим ресурсом в рамках функционирования государственных и политических структур; оно – группообразующий принцип, фундаментальная основа процесса социализации и ежедневного воспроизводства общества»¹⁹. Соглашаясь с таким фундаментальным подходом ученого, считаем, что образование для интеллигенции с полным правом можно назвать смыслообразующим признаком, поэтому очень важно понимать, соответствует ли состояние институтов образования, прежде всего высшего, потребностям и вызовам экономики. Направлена ли она на качественные изменения современного образования, прежде всего технического? Коммерциализация образования, переход на западные образцы преподавания (тесты, механическое «натягивание» на сдачу экзаменов и ЕГЭ, предание забвению традиционных особенностей подготовки дореволюционной и советской интеллигенции и т. д.) не способствуют качественной подго-

¹⁷ Корпоративный журнал группы ВТБ «Энергия успеха». 2015. № 4. С. 27–30.

¹⁸ Производство самолетов, космических кораблей и ракет рухнуло в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/04/2019/5ca72bfa9a7947fcb5c578f2> (дата обращения 19.04.2020).

¹⁹ Тощенко Ж. Т. Социология жизни: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 205.

товке высококвалифицированного специалиста, необходимого экономике страны. Понимаем, что это накладывает свой отпечаток на современную техническую интеллигенцию, и далеко не в лучшую сторону. В конечном счете, и производство, и образование – отрасли, обеспечивающие национальную безопасность. Г. А. Ключарев справедливо отмечает, что сфера инженерного образования играет большую роль в развитии национальной экономики [16]. Что касается научно-технической политики, то на государственном уровне принят ряд законов, задающих стратегические ориентиры для экономического развития: Стратегия научно-технологического развития России (2016 г.), Указ Президента России от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», где определены 12 основных национальных проектов. В конце 2019 г. подписан Указ Президента России от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»), который обозначает дальнейшее развитие экономики России на его базе. Однако проблема заключается в том, что эти законодательные акты не всегда выполняются и далеко не полностью реализуются в реальной практике представителей технической интеллигенции.

Для определения объективных условий конкретно технической интеллигенции в сфере образования обратимся к данным Росстата. Согласно таблице 1, занятость населения сокращается не только в промышленности, но и в образовании (в целом – на 577 тыс. чел. с 1998 по 2018 г.). Это очень тревожный социальный симптом. Исторический опыт проведения различных модернизаций, трансформаций и конкретно индустриализаций доказывает: когда увеличивается внимание государства к образовательной сфере, к развитию технического образования, тогда эффективность преобразований возрастает. С 2010 по 2016 г. выпуск бакалавров, специалистов, магистров государственными образовательными и научными учреждениями снизился с 1 177,8 до 972,4 тыс. чел. Однако по некоторым группам специальностей он возрос: информационная безопасность – с 3,6 до 3,9 тыс. чел., естественные науки (они напрямую сопряжены с технической интеллигенцией) – с 13,0 до 19,5 тыс. чел.; энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника – с 24,0 по 32,5 тыс. чел.²⁰. Несмотря на этот позитивный момент, следует понимать, что не все выпускники пойдут работать в промышленные сферы по специальности и направлению подготовки. Многие абитуриенты поступают в высшие технические заведения по минимальной шкале баллов, поэтому

²⁰ Ежегодник Росстата [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2019.pdf (дата обращения: 18.04.2020).

большинство из них не пойдут работать в отрасли промышленности: нет реализации профессиональных интересов, низкая заработная плата, далеко от места жительства и т. п. Это подтверждается и данными отечественных социологов: «за последние десятилетия доля выпускников вузов, работающих по специальности, постоянно уменьшалась. Сегодня каждый третий работает по специальности, не связанной с полученным профессиональным образованием» [17].

Материальное положение. В настоящее время мы объективно можем заявлять о значительных сложностях в материальном положении населения, и технической интеллигенции в частности. Это выражается в снижении реальных доходов населения, изменении потребительского поведения, растущей бедности, усилении имущественной стратификации не только всего населения, но и технической интеллигенции. В начале марта 2020 г. Президент России В. В. Путин заявил, что негативная ситуация с реальными доходами в России прежде всего связана с падением цен на энергоносители²¹. В 2018 г., по данным Росстата, среднемесячная номинальная заработная плата всего по экономике составила 43 724 руб. В промышленности существует определенная зарплатная дифференциация. В частности, в добыче полезных ископаемых она составляет 83 178 руб. (почти в 2 раза больше, чем в экономике в целом), в обрабатывающих производствах – 40 722 руб. (ниже средней по экономике), в сегменте обеспечения электрической энергией – 47 482 руб., а во вновь введенной сфере промышленности «водоснабжение; водоотведение; организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации затруднений» – 31 586 руб., что значительно меньше, чем средняя по экономике. Однако в советский период – в 1980-е гг. – соотношение средней заработной платы в народном хозяйстве среди инженерно-технических работников было 122 % (195,6 руб. – средняя зарплата в народном хозяйстве, 239,0 – ИТР)²². В настоящее время в некоторых отраслях промышленности, где заняты представители современной технической промышленности, она не дотягивает и до 100 % (93, 108 и 72 % соответственно по указанным выше сегментам промышленности). Справедливости ради отметим, что в современной статистике представлена средняя заработная плата всех работников промышленности, а не только высокообразованных специалистов. Однако отмечаем, что в советское время заработная плата инженерно-технических работников была «на высоте», соответствовала роли и предназначению этой высококвалифицированной когорты работников.

²¹ Путин рассказал о связи реальных доходов россиян с нефтяной отраслью [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2020/03/04/n_14113885.shtml (дата обращения: 18.04.2020).

²² Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 431.

Современная международная ситуация характеризуется высокой степенью напряженности, нестабильности, поляризации мира. Санкции Запада по отношению к России, неурегулированность многих международных конфликтов только усугубляют международные противоречия. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, обвал в середине марта 2020 г. мировых цен на нефть являются доказательством сложнейших противоречий в мире. Уверены, что последствия этого только предстоит понять и проанализировать всему мировому сообществу.

Все, что связано с цифровизацией экономики, выходит сегодня на передний план технологических изменений, в том числе четвертая промышленная революция, которая развивается не линейными, как это было прежде, а экспоненциальными темпами. Грядущая четвертая промышленная революция объективно влияет на все общество и на техническую интеллигенцию в частности. О. Н. Яницкий справедливо замечает, считая четвертую промышленную революцию «научно-технической 4»: «НТР-4 – это не просто создание информационных сетей, охватывающих мир и нашу страну. НТР-4 – это создание нового способа производства, новой институциональной структуры общества и мира в целом, ключевым продуктом производства и потребления которых является информация. Речь идет не только и не столько об информировании общества, сколько о создании новых технологий и социальных структур на основе производства нового междисциплинарного знания, касающегося любых отраслей современного производства и общественной жизни» [18]. Здесь крайне важным представляется вывод ученого о создании новых технологий и социальных структур, выходом на рынок труда молодого «сетевое поколение». Сетевые формы все более активно влияют на организацию производства, качественно изменяя взаимодействие технической интеллигенции как на уровне различных социальных структур, так и между собой. Стоит отметить, что Росстат, учитывая потребности экономики в цифровой информации, в 2019 г. стал издавать новый сборник «Информационное общество: основные характеристики субъектов РФ», где указывается, что среди пользователей интернета (в том числе в предпринимательских целях) преобладает молодое поколение, которое призвано и дальше развивать экономику страны²³.

Обращаясь к *субъективным представлениям технической интеллигенции* о реальной объективной ситуации в экономике, политике, отметим, что степень ее адаптации к рыночным отношениям и финансово-экономическим кризисам последних лет лежит в плоскости индивидуальной приспособляемости к социально-экономической ситуации и рыночным реформам в целом. Именно так складывалась ситуация в отношении

²³ Информационное общество: основные характеристики субъектов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/info-ob_reg2019.pdf (дата обращения: 24.03.2020).

адаптации населения в начале XXI в. По результатам массового опроса (2011 г.) можно заключить, что техническая интеллигенция в ходе рыночных реформ лучше адаптировалась на микроуровне (свое личное положение, семья) и хуже на макроуровне (уровне отрасли и страны).

Начало XXI в. ознаменовалось рядом глобальных финансово-экономических кризисов, оказавших влияние на все стороны экономической жизни населения многих стран. Так, П. М. Козырева, А. Э. Низамова, А. И. Смирнов на основе анализа данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) считают, что в условиях «вялотекущего» кризиса снижаются адаптационные возможности различных групп в сфере труда и занятости. Ученые в этом плане выделили и интеллигенцию. Однако, по их мнению, существует отраслевая специфика. Рассматривая такой аспект трудовой адаптации к кризисам, как обеспокоенность угрозой потери работы, ученые отмечают, что повышение этого показателя в 2006–2010 гг. характерно для работников «гражданского машиностроения», «военно-промышленного комплекса», «другой отрасли тяжелой промышленности», т. е. сфер занятости технической интеллигенции. Ученые приходят к выводу: «обеспокоенность угрозой потери работы и неуверенность в возможности нового трудоустройства в случае незапланированного увольнения является фактором, формирующим и усиливающим негативные эмоциональные состояния»²⁴, т. е. снижающим адаптационные возможности. У населения и различных его групп и слоев развилась «адаптационная опытность», которая может превратиться в стабилизационный ресурс. Такая адаптация не способствует росту экономики, развитию профессионализма технической интеллигенции и инновационному продвижению страны вперед.

Интересные данные по субъективной оценке общей экономической ситуации на предприятиях по видам экономической деятельности представлены руководителями добывающих, обрабатывающих производств, а также осуществляющих обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционированием воздуха в рамках мониторинга Росстата. Так, руководители оценивали современную экономическую ситуацию в декабре 2018 г. в наибольшей степени как «удовлетворительную» (77 % от общего числа опрошенных, 75 и 78 % соответственно по видам экономической деятельности в промышленности). Что касается динамики оценки по сравнению с декабрем 2017 г., то наибольшую положительную тенденцию в плане благоприятствования показала отрасль «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха». Среди основных факторов, ограничивающих рост

²⁴ Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. С. 62–64.

производства на предприятиях по видам экономической деятельности, руководителями предприятий промышленности в целом на первые места были поставлены «недостаточный спрос на продукцию предприятия на внутреннем рынке», «неопределенность экономической ситуации», «высокий уровень налогообложения», «недостаток финансовых средств». Менее всего ограничивают рост производства, по мнению руководителей предприятий промышленности, «отсутствие или несовершенство нормативно правовой базы», «конкурирующий импорт»²⁵. Как видим, руководители промышленных предприятий указывают прежде всего на материальные сложности в своей деятельности. Позиция «неопределенность экономической ситуации», которая также присутствует в приоритетах ответов респондентов, свидетельствует о нестабильности современной экономической ситуации.

Одним из важных субъективных факторов, влияющих на эффективность трудовой деятельности технической интеллигенции, может выступать *удовлетворенность своим трудом*. С одной стороны, этот показатель стоит рассматривать как результат приспособления индивидов к требованиям меняющейся среды, а с другой – как фактор, способствующий самореализации, побудительный мотив к продолжению своей занятости в профессиональной сфере. Некоторые современные социологи, изучающие этот субъективный показатель, связывают его с оценкой справедливости в оплате труда. В исследовании «Жизненный мир интеллигенции – 2016» только 21,8 % опрошенных ответили на этот вопрос положительно при 30,1 % отрицающих справедливость там, где они трудятся. Выходит, что каждый третий, получая заработную плату, испытывает чувство несправедливости – чувство, унижающее его человеческое достоинство. У современной технической интеллигенции есть запрос на справедливое вознаграждение за свой труд²⁶.

Интересный социально-психологический подход к работе и к труду позиционируется социологами из г. Ростова-на-Дону. Исследуя такой показатель, как удовлетворенность трудом на уровне ментальных программ, ученые пришли к выводу, что в представлениях россиян существует различное отношение к труду и к работе. Если труд воспринимается ими как интересная содержательная деятельность, требующая творческих усилий, то работа – это вынужденная форма человеческого существования, ориентированная исключительно на заработок. Соответственно, для мотивации россиян в отношении труда и работы характерно различное

---

²⁵ Промышленное производство в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 286 с. URL: www.gks.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo2019.pdf (дата обращения: 18.04.2020).

²⁶ Жизненный мир россиян: 25 лет спустя: Научное издание / под ред. Ж. Т. Тошенко. М., 2016. 367 с.

этическое начало: трудится человек на себя, а работает на другого. «Подневольность ассоциируется у россиян со словом «работа», а не «труд». Фактическое отношение к труду определяется установкой работать быстро и сообща, чрезмерно напрягаясь, в противовес последовательности и кропотливости. Поэтому удовлетворенность трудом зависит от степени сотрудничества и взаимопомощи. Для трудовой мотивации россиян характерен приоритет не столько материального вознаграждения, сколько условий и последствий выполняемой работы, причем речь идет не только об индивидуальной поддержке, но и групповом благополучии» [19]. Данный факт подтвердился результатами массового опроса представителей технической интеллигенции (2011 г.) при исследовании проблем удовлетворенности трудом: самое высокое место при оценке удовлетворенности трудом заняла позиция «отношения в коллективе» – более 57 %, а ощущение неудовлетворенности вызывают оплата труда, возможности дополнительного заработка, предоставление социальных льгот. Только 6, 8 и 11 % опрошенных соответственно отметили, что очень довольны такими показателями. Это коррелирует с еще одним субъективным фактором, определяющим современную российскую интеллигенцию – *оценкой своего материального положения*. Как представители технической интеллигенции оценивают уровень обеспеченности своей семьи? Массовый опрос показал: в основном респонденты оценили уровень своего дохода как средний (66 %), 23 % – ниже среднего, 4 – как высокий, 25 – как очень низкий и только 1 % – как очень высокий (4 % респондентов не ответили на данный вопрос). Сопоставляя данные, полученные в ходе опроса технической интеллигенции и объективную ситуацию в получении заработной платы по промышленности (ниже средней по экономике), можно предположить, что современные отечественные инженеры трудятся, как правило, не за зарплату, а за возможности реализовать в профессии и поддерживать хорошие отношения в коллективе, но при этом они испытывают потребность справедливого вознаграждения за свой высококвалифицированный труд.

Чем представители технической интеллигенции в рамках своей трудовой деятельности руководствуются в *ценностных ориентациях* и предпочтениях? Будем понимать, что ценностные ориентации отражают субъективную интерпретацию личностью, группой, слоем ценностей как общепризнанного ориентира общественного сознания и поведения и зависят от пола, возраста, профессии, места жительства и т. п. В этом плане обратимся к данным массового опроса технической интеллигенции (2011 г.) (табл. 2), а затем сопоставим их с мнением экспертов (2019 г.)

Таблица 2. Мнения опрошенных о ценностных ориентациях, свойственных современной технической интеллигенции, %²⁷

Table 2. Opinions of respondents on the value orientations inherent in modern technical intelligentsia, %

Вариант ответа / Answer option	Процент ответивших / Response rate
Постоянное совершенствование в своей профессии / Continuous improvement in one's profession	34,8
Преданность профессии / Devotion to the profession	31,3
Готовность передать свои знания молодым / Willingness to pass on one's knowledge to young people	28,5
Уверенность в себе и в своих профессиональных знаниях / Self-confidence and professional knowledge	24,1
Предприимчивость, деловитость / Resourcefulness, efficiency	20,1
Интеллигентность как совокупность моральных и этических качеств / Possession of a set of certain moral and ethical qualities, such as intelligence and refinement, characteristic to intelligentsia	19,9
Патриотизм / Patriotism	14,8
Широкая культурная эрудиция / Broad cultural erudition	13,2
Инициативность, творчество / Initiative, creativity	12,1
Прагматизм, рационализм / Pragmatism, rationalism	9,5
Высокая политическая информированность / High political awareness	6,4
Мировоззренческий плюрализм / Worldview pluralism	4,8
Космополитизм / Cosmopolitanism	1,1

В результате одномерного распределения респонденты в структуре ответов на первое место поставили качества, которые связаны с профессиональной деятельностью. Анализ ответов в зависимости от поколенческой генерации свидетельствует о преобладании творчества и этико-мировоззренческой направленности у людей старшего и пожилого возраста, а утилитарность, предприимчивость – у молодежи. Вектор ценностных предпочтений направлен в сторону прагматизма и рационализма. Об этом свидетельствуют данные экспертного опроса «Инновационная

²⁷ В анкете можно было отметить не более 3 позиций.

деятельность технической интеллигенции», проведенного уже в 2019 г. В вопросе были сформулированы те же позиции, которые предлагались для ответа респондентам, участвующим в массовом опросе (здесь можно проследить социальную динамику). Вариант ответа «прагматизм, рационализм» в оценках экспертов переместился с десятого места в иерархии ценностных предпочтений технической интеллигенции в рамках массового опроса (2011 г.) на второе в экспертном (2019 г.): прагматический подход технической интеллигенции и профессионализация без духовно-нравственного «отягощения» в ценностных ориентациях и трудовой деятельности все более уверенно занимают ведущую нишу. На это обращают внимание И. П. Рязанцев и В. В. Гридина, анализируя традиции и ценности отечественного технического образования (оно, как известно, закладывает фундамент в трудовую деятельность технической интеллигенции), отмечая такую особенность подготовки современных специалистов: «вопросы этики, морально-нравственных норм и ценностей, без которых, на наш взгляд, невозможно целостное и гармоничное развитие личности, отодвигаются на второй план» [20].

Участие интеллигенции в техническом творчестве. Мы понимаем, что современная трудовая деятельность технической интеллигенции связана с высокотехнологичным производством, где сфокусированы наука, творчество, интеллектуальный контент. В данном случае остановимся на показателе «изобретательская деятельность». Специально такие показатели и вопросы не освещались в авторских опросах, поэтому обратимся к данным Роспатента. В 2018 г. общее количество заявок на выдачу патентов Российской Федерации на изобретения, поступивших в Роспатент, увеличилось по отношению к 2017 г. на 104,1 % и составило 37 957 заявок. Виды заявок от российских заявителей в 2018 г.: наибольшее количество – на товарные знаки и знаки обслуживания (24 926), наименьшее – на полезные модели (9 747) и промышленные образцы (6 487)²⁸. Эти статистические данные позволяют нам сделать вывод, что изобретательская деятельность за последний отчетный год (2018 г.) сосредоточена на открытии новых торговых «лейблов», а не на изобретении промышленных образцов и полезных моделей. Полагаем, что данная проблема носит более широкий характер: сложности с внедрением новых образцов в промышленности, инновационной деятельностью технической интеллигенции в целом. Данный вопрос требует более детального научного обсуждения в дальнейшем.

Размышляя о таком интересном факторе, характеризующем не только трудовую деятельность, но и нравственные и патриотические по-

²⁸ Анализ изобретательской активности в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс] / Роспатент. 2018. URL: <https://new.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/a-iz-akt-2018.pdf> (дата обращения: 18.04.2020).

зиции технической интеллигенции, как *гражданский активизм*, стоит обратиться к мнению некоторых ученых, указавших на противоречие, характеризующееся разграничением государственных действий и решений, с одной стороны, и осознанием своих интересов, защитой своих прав определенными группами населения, – с другой. В частности, М. В. Добрынина и Т. В. Растимешина рассуждают о системе образования. Мы понимаем, что система образования – это важнейшее поле для проявления гражданского активизма технической интеллигенцией. По мнению ученых, образовательная политика «является пространством борьбы и согласования интересов, в которой гражданское общество во всей совокупности его институтов и структур обладает определенной субъектностью (объем которой не является константой ни для одной из политических систем). Активность гражданского общества сегодня имеет тенденцию к нарастанию в демократических политических системах: общественные структуры, экономические субъекты являются инициаторами принятия законов, организаторами образовательных учреждений, субъектами финансирования образовательного процесса и т. д. Однако в различных политических системах гражданское общество может оказаться как партнером, так и оппонентом государства... Общественные структуры (академическое сообщество) и экономические субъекты (а также органы местного самоуправления, церковь, другие общественные организации) образуют в образовательной политике субъектность гражданского общества, противопоставленную государству» [21]. Развитие гражданской активности в образовательной политике является одним из факторов, влияющих на ее трудовую деятельность.

Социологи из РГГУ, сравнивая разные профессиональные группы интеллигенции по степени соучастия в принятии государственных и производственных решений, выяснили, что инженеры (специалисты) промышленности, строительства и других отраслей производства в меньшей степени, чем их коллеги-гуманитарии, участвуют в принятии государственных решений в стране (1,8 и 2,0 % соответственно), в республиканской, краевой, областной власти (1,8 и 2,0 %), в городской (районной) власти (3,5 и 5,3 %), в производственной организации (12,3 и 12,7 %), по месту жительства (7,0 и 16,7 %) ²⁹. В данном случае мы наблюдаем снижение гражданского активизма современными инженерами по сравнению с гуманитариями. Гражданский активизм, который не сильно проявляется у современных инженеров, можно и нужно развивать. Об этом рассуждают А. В. Верещагина и В. В. Ковалев, исследуя практики сплоченности и развития гражданского активизма в стране и регионах. В частности, на примере южного региона ученые свидетельствуют о «большой лояльности насе-

²⁹ Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки. С. 353.

ления современной России к проводимому президентом страны курсу, направленному на усиление ответственности государства, укрепление власти, распространение консервативных ценностей и идей патриотизма...» [22]. Более того, они видят в этом «возможность формирования в России гражданского патриотизма как шанса для создания базового фундамента единой платформы для общества и власти» [22]. Однако это только перспективы развития гражданского активизма и патриотизма, а в настоящее время техническая интеллигенция находится в ожидании новых инструментов для его выражения.

Обсуждение и заключение. Оценивая объективные условия осуществления трудовой деятельности современной технической интеллигенции, можно заключить, что они не совсем благоприятны для реализации ее профессиональных и гражданских интересов, сужают коридор ее инновационной инициативы. В экономике страны происходит снижение занятых в промышленной сфере, т. е. численность технической интеллигенции снижается. Значительно возрастает численность работников сферы обслуживания. Кроме того, переориентация экономики на добычу и продажу природных ресурсов, а не на производство, приводит к «размыванию» высококвалифицированных технических кадров в другие отрасли, не связанные с применением высоких технологий. Безусловно, это накладывает свой отпечаток и на систему подготовки инженеров и технических работников. Снижается качество подготовки, многие выпускники технических вузов просто не идут в дальнейшем работать по специальности. На это указывают многие социологи, занимающиеся вопросами образования и профессиональной карьеры выпускников. Во многом это обусловлено низким материальным вознаграждением за труд в промышленной сфере.

Цифровая революция требует более высокой подготовки новых кадров, готовых к изменению организации производства и взаимодействия между социальными структурами. В этом плане система современного технического образования отстает от требований высокотехнологичной экономики. Таким образом, перспективы в ближайшее время быстро развернуть отечественную промышленность на инновационную траекторию весьма призрачны.

Субъективные факторы осуществления трудовой деятельности технической интеллигенцией не способствуют повышению ее эффективности. Социально-экономическая адаптация технической интеллигенции к рыночным отношениям и кризисам последних лет лежит в плоскости индивидуального приспособления и далеко не всегда связана с развитием профессиональных качеств и навыков. Неустойчивость занятости приводит к прекаризации части технической интеллигенции, а низкая зарплата – к тому, что многие ищут удовлетворение в труде через хо-

рошие отношения в коллективах, которые также не всегда устойчивы в настоящее время. Утилитаризм и деловитость набирают обороты в ценностных ориентациях представителей технической интеллигенции. Происходит отход от исконных качеств, характеризующих отечественную интеллигенцию – широкого мировоззренческого кругозора, понимания сущности социальных процессов и принятия в какой-то степени ответственности за них. Снижается уровень гражданского активизма и патриотизма.

Краткое исследование объективных условий и факторов, определяющих современную техническую интеллигенцию, свидетельствует о сложностях для реализации масштабного инновационного прорыва как в экономике страны, так и в российском обществе в целом. Материалы проведенного исследования представляют интерес для государственных органов различного уровня, общественных организаций, работающих над совершенствованием политики в сфере инноваций в промышленности, науки и образования. Эмпирические данные могут быть использованы для дальнейших научных интерпретаций, а также в качестве диагностики и консультирования по адресной поддержке организаций и предприятий промышленности и высокотехнологичного производства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тощенко, Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 6–17. – URL: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_1/6_17_Toshchenko.pdf (дата обращения: 18.04.2020).
2. Кураев, А. Н. Место и роль интеллигентоведения в системе социальных и гуманитарных наук / А. Н. Кураев. – DOI 10.31171/vlast.v26i4.5763 // Власть. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 55–58. – URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/5763> (дата обращения: 18.04.2020).
3. Danilov, A. Finishing Touches to the Portrait of Kuban Intelligentsia at the Turn of the XIX–XX centuries / A. Danilov // Bylye Gody. – 2016. – Vol. 40, issue. 2. – Pp. 479–485. – URL: http://ejournal52.com/journals_n/1465042129.pdf (дата обращения: 15.04.2020).
4. Смык, А. Ф. От Императорского инженерного училища к отраслевым транспортным институтам (1810–1930) / А. Ф. Смык // Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). – 2014. – № 2 (37). – С. 3–14. – URL: <http://www.madi.ru/1834-vestnik-moskovskogo-avtomobilno-dorozhnogo-gosudarstvennogo.html> (дата обращения: 15.04.2020).
5. Кошарная, Г. Б. Новая управленческая интеллигенция как социально-профессиональная группа на промышленных предприятиях Пензенской области / Г. Б. Кошарная, Х. З. Ксенофонтова. – DOI 10.15507/24131407.104.026.201803.460-473 // Регионология. – 2018. – Т. 26, № 3. – С. 460–473. – URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1697> (дата обращения: 15.04.2020).

6. Приходько, В. М. Каким быть современному инженерному образованию? (Размышления участников форума) / В. М. Приходько, А. Н. Соловьев // Высшее образование в России. – 2015. – № 3. – С. 45–56. – URL: <http://vovr.su/upload/3-15.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

7. Разработка педагогической модели многоуровневой и поэтапной подготовки студентов к инновационной инженерной деятельности / Н. И. Наумкин, Н. Н. Шекшаева, С. И. Квитко [и др.]. – DOI 10.15507/1991-9468.097.023.201904.568-586 // Интеграция образования. – 2019. – Т. 23, № 4. – С. 568–586. – URL: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/19-4/05.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

8. Zandvoort, H. Engineering Education for a Sustainable, Just and Peaceful Society / H. Zandvoort. – DOI 10.13140/2.1.2754.3042 // TEK Sustainable Development Seminar (19 November, 2009). – Helsinki, 2009. – URL: https://www.researchgate.net/publication/266896056_Engineering_Education_for_a_Sustainable_Just_and_Peaceful_Society (дата обращения: 15.04.2020).

9. Castro, M. From Technology Enhanced Learning to Ethics and Critical Thinking as Part of the Engineering Education: Skill Driven with Humanities Comprehension Editorial / M. Castro, E. Sancristobal. – DOI 10.3991/ijep.v10i1.12927 // International Journal of Engineering Pedagogy. – 2020. – Vol. 10, issue 1. – URL: <https://online-journals.org/index.php/i-jep/article/view/12927> (дата обращения: 15.04.2020).

10. Tsiatsos, Th. Virtual University and Gamification to Support Engineering Education / Th. Tsiatsos. – DOI 10.3991/ijep.v10i2.13771 // International Journal of Engineering Pedagogy. – 2020. – Vol. 10, issue 2. – URL: <https://online-journals.org/index.php/i-jep/article/view/13771> (дата обращения: 15.04.2020).

11. Макаренко, Е. И. Социально-исторические особенности воспроизводства технической интеллигенции / Е. И. Макаренко. – DOI 10.31171/vlast.v26i7.5977 // Власть. – 2018. – № 7 (26). – С. 197–205. – URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/5977> (дата обращения: 15.04.2020).

12. Макаренко, Е. И. Социальная база технической интеллигенции в условиях кризиса / Е. И. Макаренко // Социологические исследования. – 2010. – № 10. – С. 26–29. – URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-10/Makarenko.pdf> (дата обращения: 18.04.2020).

13. Нор-Аревян, О. А. Упадок социального самочувствия инженеров и работников в 90-е гг. XX в. как фактор кризиса идентичности / О. А. Нор-Аревян. – DOI 10.23683/2227-8656.2017.3.22 // Гуманитарий юга России. – 2017. – № 3. – С. 250–261. – URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/hsr/article/view/5221> (дата обращения: 18.04.2020).

14. Исаев Д. П. Профессиональный облик советского инженера: от традиционных ценностей к альтернативным элементам идентичности / Д. П. Исаев, Н. А. Трапш // Власть. – 2017. – Т. 25, № 2. – С. 148–156. – URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4948> (дата обращения: 18.04.2020).

15. Носонов, А. М. Производственно-технологическая инновационная инфраструктура регионов России / А. М. Носонов. – DOI 10.15507/2413-1407.107.027.201903.436-460 // Регионология. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 436–460. – URL: <http://regionsar.ru/en/node/1801> (дата обращения: 18.04.2020).

16. Ключарев, Г. А. О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателей) / Г. А. Ключарев. – DOI 10.31857/S013216250008820-5 // Социологические исследования. – 2020. – № 3. – С. 51–59. – URL: <http://socis.isras.ru/article/8060> (дата обращения: 18.04.2020).
17. Зубок, Ю. А. Молодые специалисты: проблема подготовки и положение на рынке труда / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 114–122. – URL: <http://socis.isras.ru/article/5225> (дата обращения: 18.04.2020).
18. Яницкий, О. Н. Переход на «цифру» и задачи науки и образования / О. Н. Яницкий. – DOI 10.31171/vlast.v27i1.6229 // Власть. – 2019. – № 1. – С. 69–75. – URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/6229> (дата обращения: 18.04.2020).
19. Lubsky, A. V. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society / A. V. Lubsky, E. Y. Kolesnikova, R. A. Lubsky // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Vol. 11, issue 16. – URL: http://www.ijese.net/makale_indir/IJESE_1188_article_5813a3d954097.pdf (дата обращения: 18.04.2020).
20. Рязанцев, И. П. Традиции и ценности современного технического вуза / И. П. Рязанцев, В. В. Гридина // Социология. – 2020. – № 1. – С. 186–195. – URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/61b/№1%202020.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).
21. Добрынина, М. В. Национальная политика России в области инженерного образования: понятие, сущность, содержание / М. В. Добрынина, Т. В. Рас- тимешина. – DOI 10.31171/vlast.v27i6.6861 // Власть. – 2019. – Т. 27, № 6. – С. 257–265. – URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/6861> (дата обращения: 15.04.2020).
22. Верещагина, А. В. По следам XI школы молодого социолога «Изменяющаяся реальность и жизненные практики россиян в посткризисном обществе» (Республика Крым) / А. В. Верещагина. – DOI 10.19181/2227-8656.2019.4 // Гуманитарий юга России. – 2018. – Т. 7, № 4. – С. 232–250. – URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/6861> (дата обращения: 15.04.2020).

Поступила 22.01.2020; принята к публикации 05.03.2020; опубликована онлайн 30.06.2020.

Об авторе:

Макаренко Екатерина Игоревна, доцент кафедры социологии и управления ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)» (125319, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 64), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6909-3522>, makarenko_madi@mail.ru

Благодарности: Автор статьи выражает благодарности заслуженному деятелю науки Российской Федерации профессору Г. Г. Силласте за методологическую и организационную поддержку при проведении исследования «Модернизация экономики и техническая интеллигенция», профессорам А. В. Лубскому

и А. В. Верещагиной за методические советы в рамках экспертного опроса «Инновационная деятельность технической интеллигенции», а также профессору В. В. Ушакову за помощь в организации полевого этапа экспертного опроса.

Для цитирования:

Макаренко, Е. И. Факторы трудовой деятельности современной российской технической интеллигенции / Е. И. Макаренко. – DOI 10.15507/2413-1407.111.028.202002.322-349 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 322–349.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Toshchenko J.T. Life World and its Meanings. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2016; (1):6-17. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_1/6_17_Toshchenko.pdf (accessed 18.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Kuraev A.N. Place and the Role of the Intelligentsia Studies in the System of Social and Humane Sciences. *Vlast* = The Authority. 2018; 26(4):55-58. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i4.5763>
3. Danilov A. Finishing Touches to the Portrait of Kuban Intelligentsia at the Turn of the XIX–XX Centuries. *Bylie Gody* = Years Gone By. 2016; 40(2):479-488. Available at: http://ejournal52.com/journals_n/1465042129.pdf (accessed 15.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Smyk A.F. From the Imperial Engineering School to the Transport Industry Institutions (1810–1930). *Vestnik Moskovskogo avtomobilno-dorozhnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (MADI)* = Bulletin of Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI). 2014; 2(37):3-14. Available at: <http://www.madi.ru/1834-vestnik-moskovskogo-avtomobilno-dorozhnogo-gosudarstvennogo.html> (accessed 15.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Kosharnaya G.B., Ksenofontova Kh.Z. New Management Intelligentsia as a Socio-Professional Group at the Industrial Enterprises in the Penza Region. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):460-473. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.460-473>
6. Prikhodko V.M., Solovyev A.N. What Should Be the Modern Engineering Education (Thinking of Global Forum Participants). *Vysshhee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. 2015; (3):45-56. Available at: <http://vovr.su/upload/3-15.pdf> (accessed 15.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Naumkin N.I., Shekshaeva N.N., Kvitko S.I., Lomatkina M.V., Kupryashkin V.F., Korovina I.V. Designing the Teaching Model of Multilevel Gradual Training of Students in Innovative Engineering. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2019; 23(4):568-586. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.097.023.201904.568-586>

8. Zandvoort H. Engineering Education for a Sustainable, Just and Peaceful Society. In: TEK Sustainable Development Seminar (19 November, 2009). Helsinki, 2009. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.13140/2.1.2754.3042>
9. Castro M., Sancristobal E. From Technology Enhanced Learning to Ethics and Critical Thinking as part of the Engineering Education: Skill Driven with Humanities Comprehension Editorial. *International Journal of Engineering Pedagogy*. 2020; 10(1). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3991/ijep.v10i1.12927>
10. Tsiatsos Th. Virtual University and Gamification to Support Engineering Education. *International Journal of Engineering Pedagogy*. 2020; 10(2). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3991/ijep.v10i2.13771>
11. Makarenko E.I. Socio-Historical Features of Reproduction of the Technical Intelligentsia. *Vlast = The Authority*. 2018; (7):197-205. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i7.5977>
12. Makarenko E.I. [Social Base of Technical Intelligentsia in the Conditions of a Crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2010; (10):26-29. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-10/Makarenko.pdf> (accessed 18.04.2020). (In Russ.)
13. Nor-Arevyan O.A. Decline of Social Well-Being of Engineers and Workers in the 1990s as a Factor of Professional Identity Crisis. *Gumanitarniy yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2017; (3):250-261. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.3.22>
14. Isaev D.P., Trapsh N.A. Professional Image of the Soviet Engineer: From Traditional Values to Alternative Elements of the Identity. *Vlast = The Authority*. 2017; 25(2):148-156. Available at: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4948> (accessed 18.04.2020) (In Russ., abstract in Eng.)
15. Nosonov A.M. Productive and Technological Innovation Infrastructure of the Regions of Russia. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*. 2019; 27(3):436-460. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.436-460>
16. Klyucharev G.A. On the Training of Engineers for High-Tech Industries (Employers' View). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2020; (3):51-59. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008820-5>
17. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Young Specialists, Training and Demand in the Labor Market. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2015; (5):114-122. Available at: <http://socis.isras.ru/article/5225> (accessed 18.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
18. Yanitsky O.N. Towards the Information Society and Urgent Tasks of Social Sciences and Education. *Vlast = The Authority*. 2019; (1):69-75. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6229>
19. Lubsky A.V., Kolesnikova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016; 11(16). Available at: http://www.ijese.net/makale_indir/IJESE_1188_article_5813a3d954097.pdf (accessed 18.04.2020). (In Eng.)
20. Ryazantsev I.P., Gridina V.V. Traditions and Values of a Modern Technical University. *Sotsiologiya = Sociology*. 2020; (1):186-195. Available at: <http://>

soziologi.ru/upload/iblock/61b/№1%202020.pdf (accessed 15.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Dobrynina M.V., Rastimeshina T.V. National Policy of Russia in the Field of Engineering Education: Concept, Essence, Content. *Vlast = The Authority*. 2019; 27(6):257-265. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6861>

22. Vereshchagina A.V. On the Footprints of the 11th School of Young Sociologist “The Changing Reality and Life Practices of Russians in the Post-Crisis Society” (Republic of Crimea). *Gumanitarij yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2018; 7(4):232-250. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.19181/2227-8656.2019.4>

Submitted 22.01.2020; accepted for publication 05.03.2020; published online 30.06.2020.

About the author:

Ekaterina I. Makarenko, Associate Professor, Department of Sociology and Management, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI) (64 Leningradsky Prospect, Moscow 125319, Russia), Ph. D. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6909-3522>, makarenko_madi@mail.ru

Acknowledgments. The author is grateful to Prof. G. G. Sillaste, Honored Scientist of the Russian Federation, for methodological and organizational support during the study “Modernization of the Economy and Technical Intelligentsia”, to Prof. A. V. Lubsky and Prof. A. V. Vereshchagina for methodological recommendations during the expert survey “Innovative Activities of Technical Intelligentsia”, as well as to Prof. V. V. Ushakov for assistance in organizing the field stage of the expert survey.

For citation:

Makarenko E.I. Factors in Labor Activity of Modern Russian Technical Intelligentsia. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*. 2020; 28(2):322-349. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.322-349>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Особенности восприятия населением коррупционной преступности в Нижегородской области: криминологический социологический анализ

А. А. Глухова¹А. А. Иудин²Д. А. Шпилев^{1, 2 *}

¹ ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Нижний Новгород, Россия)

² ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород, Россия),

* shpilev72@mail.ru

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения и понимания природы коррупции с социологической точки зрения, чему часто препятствует отсутствие эффективного инструментария для исследования коррупционных проявлений в отдельных странах, регионах, городах. Цель статьи – на основе актуальных эмпирических данных, полученных с использованием авторских инструментов, выявить реальные характеристики и особенности восприятия коррупции населением Нижегородской области.

Материалы и методы. Исследование базируется на материалах анкетного опроса «Особенности коррупционной преступности в Нижегородской области: криминологический анализ», проведенного с использованием авторского инструментария – разработанных шкал, позволяющих при помощи системы косвенных вопросов (проекционный метод) выявить отношение респондентов к различным коррупционным ситуациям и причинам, их порождающим. Шкалы (с минимальной вариативной частью) использовались также при последующем анкетировании представителей мелкого и среднего бизнеса, сотрудников полиции, что обеспечило возможность сравнительного анализа отношения к коррупционным проявлениям у различных групп респондентов.

© Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты исследования. Проанализировано восприятие коррупционной преступности населением Нижегородской области, выявлены закономерности общего уровня терпимости к коррупционным проявлениям, корреляции пола, возраста, образования, местожительства респондентов с их отношением к коррупции. Систематизированы оценки жителей Нижегородской области в отношении коррупционных проявлений в повседневной жизни. Авторами определены значимые факторы, влияющие на уровень коррупции, сформулирован ряд рекомендаций для сотрудников органов внутренних дел, занятых в реализации профилактических мероприятий по вопросам коррупционной преступности.

Обсуждение и заключение. В обыденном сознании жителей региона понятия «коррупционная преступность» и «коррупция» не совпадают. Причисление отдельных деяний к проявлениям коррупционной преступности в ряде случаев обусловлено не только общей юридической грамотностью населения, но и особенностями национального менталитета, культуры, а порой и профессиональной принадлежностью. Результаты проведенного исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость и могут быть использованы для совершенствования работы региональных подразделений органов внутренних дел, занятых в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупционная преступность, общественное мнение, предупреждение преступлений, профилактика коррупционных правонарушений, взятка, должностное лицо

Features of Public Perception of Corruption-Related Crimes in the Nizhny Novgorod Region: A Criminological and Sociological Analysis

A. A. Gluhova^a, A. A. Iudin^b, D. A. Shpilev^{a, b *}

^a *Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)*

^b *National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)*

* *shpilev72@mail.ru*

Introduction. The study is of relevance due to the need to explore and understand the nature of corruption in terms of Sociology, which is often hampered by the lack of effective tools for studying corruption in individual countries, regions, and cities. The purpose of the study is to identify real characteristics and features of perceptions of corruption by the population of the Nizhny Novgorod Region on the basis of relevant empirical data obtained using specific tools devised by the authors.

Materials and Methods. The study is based on the materials of the questionnaire “Features of Corruption-Related Crimes in the Nizhny Novgorod Region: A Criminological Analysis” carried out using specific tools devised by the authors – the developed scales making it possible to identify respondents’ attitudes to various corruption situations and the reasons that cause them by using a system of indirect questions (the projection method). Scales (with a minimum variable part) were also used in the subsequent questionnaire of representatives of small and medium-sized businesses, and police officers, making it possible to perform a comparative analysis of attitudes towards corruption in different groups of respondents.

Results. Perception of corruption-related crimes by the population of the Nizhny Novgorod Region has been analyzed; patterns of the general level of tolerance for corruption, the correlation of sex, age, education, and place of residence of respondents with their attitude to corruption have been revealed. Attitudes of residents of the Nizhny Novgorod Region to corruption in everyday life have been systematized. The authors have identified significant factors affecting the level of corruption. A number of recommendations for employees of the internal affairs bodies involved in the implementation of preventive measures on corruption-related crimes have been formulated.

Discussion and Conclusion. In the ordinary perception of the region's inhabitants, the concepts of 'corruption-related crimes' and 'corruption' do not coincide. Attribution of certain acts to manifestations of corruption-related crimes in some cases is caused not only by the general legal literacy of the population, but also by the peculiarities of the national mentality, culture, and sometimes professional affiliation. The results of the study are of both theoretical and practical significance and can be used to improve the work of regional divisions of the internal affairs bodies engaged in countering corruption.

Keywords: corruption-related crimes, public opinion, crime prevention, prevention of corruption-related offences, bribe, official

Введение. Коррупционная преступность – известный и распространенный вид преступности в большинстве стран мира. Чаще всего проявления коррупции встречаются в прибрежных и приграничных, а также крупных городах, портах и иных транспортных узлах. Примером для оценки коррупционной преступности может выступить и Нижегородская область, являющаяся типичным российским крупным индустриальным центром. Данный вид преступности рассматривается в разрезе оценок и восприятия этого явления населением региона.

Понятие коррупционной преступности не совпадает с понятием коррупции, поскольку коррупционная преступность – это лишь часть такого явления, как коррупция, которая проявляется в нарушении государственными служащими этических и правовых норм. Именно поэтому анализ коррупционной преступности невозможен без изучения существенных признаков коррупции. Состояние коррупционной преступности исследуется сегодня целым рядом наук, в том числе социологией, криминологией, психологией, административным правом и процессом, уголовным правом, уголовным процессом.

В России коррупция традиционно понимается как социальное явление и как правовая категория. Если с точки зрения формально-юридического подхода все правонарушения коррупционного характера нашли свое отражения в соответствующих документах и кодексах, то для полноценного понимания природы коррупции с социологической точки зрения явно не хватает актуальных эмпирических данных. Часто это оправдывается трудностями, возникающими при подборе адекватного и эффективного инструментария для исследования коррупционных проявлений. Данная

статья позволит частично устранить этот недостаток, предложив авторские инструменты для выявления реальных характеристик и особенностей восприятия коррупции населением Нижегородской области.

Интерес для специалистов-практиков и ученых представляет изучение восприятия и оценки населением коррупционных проявлений в повседневной жизни, поэтому объектом исследования было выбрано мнение общественности относительно состояния коррупционной преступности в Нижегородской области.

Предмет исследования – особенности и процессы формирования общественного мнения о состоянии коррупционной преступности в Нижегородской области.

Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать и описать базовые характеристики общественного мнения нижегородцев о состоянии коррупционной преступности на территории региона.

Обзор литературы. Отечественные и зарубежные социологи активно исследуют проблему коррупции, коррупционных деяний и коррупционного поведения. В отечественной социологии коррупция традиционно изучается с разных точек зрения. Например, в научных публикациях последних лет авторы уделяют внимание рассмотрению причин и последствий коррупции [1–3], анализу эффективности мер по противодействию коррупции [4–6], изучению международного опыта борьбы с коррупционными проявлениями [7–9]. Целый ряд исследований посвящен описанию коррупции в различных социальных институтах и жизненных сферах (в образовании [10], политике [11], сфере ЖКХ¹ и т. д.). Некоторые авторы изучают коррупцию как привычный повседневный поведенческий паттерн, как некий образ жизни² [12; 13]. Несколько публикаций посвящено анализу степени распространения коррупции в обществе [14], особенностям восприятия коррупции представителями различных социальных групп [15], новым подходам к эмпирическому изучению коррупции [16; 17]. Лишь небольшое количество исследователей приводят анализ актуальных первичных эмпирических данных о восприятии населением различных коррупционных проявлений³ [18; 19]. Так, Н. Б. Капитонова и Н. В. Тумаланов используют в своих исследованиях в качестве инструментария невключенное наблюдение и метод экспертных оценок, сосредотачиваясь на международном аспекте борьбы с коррупцией, в частности, на проблеме применимости универсального

¹ Кузнецова С. С. Коррупция в сфере ЖКХ, пути повышения эффективности политики противодействия коррупции // Наука и современное общество: взаимодействие и развитие. 2017. Т. 2, № 1 (4). С. 146–149.

² Мысловский Е. Н. Коррупция в России: преступление или образ жизни? М., 2007. 239 с.

³ Капитонова Н. Б. Оценка показателя уровня коррупции по индексу восприятия коррупции // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов / А. Н. Захарова (отв. редактор). Чебоксары, 2014. С. 95–99.

Индекса восприятия коррупции населением [18]. Г. А. Сатаров исследует поведение людей в коррупционных ситуациях, обращая особое внимание на взаимосвязь между конкретными поведенческими актами и предшествующими установками, т. е. на возможность формирования антикоррупционных поведенческих установок [19]. А. В. Белянин, Н. В. Бобкова, Х. Эгберт и Л. Я. Косалс обращают свое внимание на междисциплинарные экспериментальные методы исследования коррупции, рассматривая институт коррупции как сложное социальное явление, несущее общественное благо для его участников [16]. При этом авторы измеряют отношение к этому институту у разных когорт респондентов (степень поддержки), в том числе и в ситуациях, когда для отдельных участников существование этого института теряет смысл.

По мнению зарубежных исследователей, коррупция может стать причиной материального и нематериального ущерба, дестабилизировать обстановку в странах и регионах, например, вследствие разорения крупных предприятий) [20]⁴. В различных странах проявления коррупции носят разнообразный характер и оценку: как девиация или как особенность местной культуры. К. Зеллер и Т. Вюнш делают акцент на том, что коррупция может поразить абсолютно все политические системы: от диктатуры до парламентской демократии [21].

М. Дайтерс выделяет особенность коррупционной преступности в Германии. Она заключается в том, что не все участники коррупционных схем понимают противоправность своих поступков [22]. Уголовное законодательство Германии различает коррупцию на политическом и государственном уровнях. За коррупционные преступления депутаты от различных политических партий традиционно наказываются не строго; чиновников, в свою очередь, ждет самое строгое уголовное преследование. Как и во многих странах Европейского союза, в Германии не решен вопрос о том, какое направление уголовной политики сделать приоритетным: раскрытие максимального количества преступлений коррупционной направленности или примерное наказание отдельных крупных фигурантов. В любом случае, необходимо сделать так, чтобы коррупционные схемы стали приносить минимальную прибыль при минимальном риске [23].

Таким образом, исследование особенностей и процессов формирования общественного мнения о состоянии коррупционной преступности в конкретных регионах имеет важное значение для изучения мнения населения об уровне коррупции в стране в целом, ведь на основании

---

⁴ Подробнее об этом см.: Глухова А. А., Красикова О. Г., Шпилев Д. А. Об опыте предупреждения коррупции за рубежом на современном этапе // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 195–201.

полученных данных могут быть выработаны рекомендации сотрудникам органов внутренних дел, работающим в сфере экономической безопасности и противодействия коррупции.

Материалы и методы. В 2018–2019 гг. кафедрой криминологии Нижегородской академии МВД России в сотрудничестве с кафедрой отраслевой и прикладной социологии ННГУ им. Н. И. Лобачевского было проведено исследование «Особенности коррупционной преступности в Нижегородском регионе: криминологический анализ». В ходе исследования применялся частнонаучный опросный метод – анкетирование ($n = 1\ 005$). В анкетном опросе использовалась двухступенчатая квотная выборка. На первом этапе было осуществлено пропорциональное распределение числа респондентов по районам области и города. Во втором этапе районы города были объединены в группы, а районы области – в кусты, что позволило проследить все необходимые характеристики без увеличения объема выборки.

В исследовании приняли участие 1 005 респондентов, из них 42 % – мужчины, 55 – женщины, еще 3 % респондентов не указали свой пол. В Нижнем Новгороде проживают 47 % респондентов, в Нижегородской области – 50 %; 3 % респондентов не указали место своего проживания. В районах проживают 29 % респондентов, в поселках – 11, в селах и деревнях – 10 %. В целом представленные социальные группы отражают социальную структуру крупного индустриального центра.

В тезисах оценки, предлагаемых респондентам в анкете в виде табличных (матричных) вопросов, применялись два вида шкал: 1) 5-балльная («категорически не согласны – скорее не согласны – затрудняюсь ответить – скорее согласны – совершенно согласны») и 2) 3-балльная («никогда – иногда – чаще всего»). На основании полученных ответов по каждому тезису был рассчитан коэффициент согласия, показывающий уровень согласия (или отторжения) каждой ситуации и используемый в дальнейшем для составления рейтинга ответов.

Результаты исследования. *Понимание респондентами сути коррупции.* Респондентам были предложены 17 различных ситуаций с просьбой оценить степень их коррупционной емкости. Наибольшей коррупционной емкостью, по мнению респондентов, обладают ситуации, связанные с использованием чиновниками бюджетных средств в личных целях, а также с получением ими незаконного вознаграждения (табл. 1). Коэффициент согласия с тем, что эти случаи являются коррупционными, составил 0,49 и 0,41 соответственно. Таким образом, условно 49 и 41 % респондентов считают эти случаи коррупцией, а остальные затруднились ответить на вопрос. 12 % категорически не согласились с тем, что случай, когда чиновник использует государственные средства в личных целях, является случаем коррупции, 4 – скорее не согласи-

лись с этим, 13 – затруднились дать однозначный ответ, 16 – сочли это скорее коррупционным случаем и 55 % отнесли данный случай к коррупционному проявлению.

Т а б л и ц а 1. Рейтинг ситуаций, предложенных для оценки степени коррупционности⁵

Table 1. Ranking of situations proposed for assessment according to the degree of corruption

Ситуация / Situation	Место в рейтинге / Place in the ranking
1	2
Чиновник использует государственные средства в личных целях / An official uses public funds for personal purposes	1
Чтобы ускорить принятие решения по регистрации фирмы, предприниматель приносит чиновнику подарок / To speed up the decision to register a company, an entrepreneur brings a gift to an official	2
Врач за вознаграждение выдает больничный лист / The doctor issues a sick leave certificate for a fee	3
Депутат законодательного органа голосует в поддержку законопроекта, получив за это вознаграждение / A member of a legislative body votes in support of a bill, receiving remuneration for it	4
В сельской местности администрация грозит жителям не завезти корма, дрова и т. п., если жители не проголосуют как нужно / In rural areas, the administration threatens residents not to deliver feed, firewood, etc., if residents do not vote as they are asked to	5
Фирма получает заказ от органа власти на строительство по цене в два раза большей, чем принято на рынке строительства / A company receives an order for construction from an authority at a price two times higher than accepted on the construction market	6
Сотрудник полиции за плату обеспечивает безопасность коммерческой фирме / A police officer provides security for a commercial company for a fee	7
Крупный руководитель звонит судье и дает указание, как нужно решить рассматриваемое дело / A senior official calls the judge and gives instructions on how to resolve the case	8

⁵ Здесь и далее таблицы составлены авторами статьи.

1	2
Хулиган освобождается от заслуженного наказания (15 суток) / A hooligan escapes the deserved punishment (15 days in detention)	9
Судья решает хозяйственный спор между двумя фирмами в пользу той, которая дала взятку / A judge resolves an economic dispute between two firms in favor of the one that bribed	10
Чиновник принимает приглашение бизнесмена поужинать в ресторане после решения этим чиновником проблемы бизнесмена / An official accepts an invitation from a businessman to have dinner at a restaurant after this official resolves the businessman's problem	11
Материальная благодарность <i>после</i> положительного решения вопроса / A gift as an expression of gratitude <i>after</i> a positive solution of a problem	12
Чиновник устраивает жену на работу в фирму, работу которой он контролирует в рамках своих обязанностей / An official arranges for his wife to work in a company whose work he controls as part of his duties	13
Чиновник устраивает на работу к себе в ведомство своего родственника / An official arranges for a relative to work for his office	14
Инспектор ДПС останавливает машину с сильно пьяным водителем, но за вознаграждение отпускает его / A traffic police inspector stops a car with a heavily drunk driver, but lets him go for a fee	15
Студент вручает экзаменатору подарок для получения хорошей оценки / A student gives the examiner a gift to get a good grade	16
Дорогостоящий репетитор гарантирует поступление в вуз / An expensive tutor guarantees admission to the university	17

Уровень коррупции в судебной системе и полиции оценивается респондентами как средний. Наименьшей коррупционной емкостью обладают ситуации, связанные с так называемым кумовством, а также с получением различных видов вознаграждений преподавателями высших учебных заведений (коэффициент согласия 0,26). Необходимо обратить внимание на важное обстоятельство: респонденты не считают подкуп инспектора ДПС пьяным водителем серьезным коррупционным деянием (коэффициент согласия 0,34).

Респондентам было предложено оценить, в каких сферах общественной жизни наиболее распространена коррупция, а также представители каких профессий наиболее коррумпированы. На первых местах по уровню коррупции оказались органы государственной власти и здравоохра-

нения, которые получили одинаковые оценки респондентов (табл. 2). Одинаковые оценки получили также высшее образование и все общество в целом. Взаимозависимость этих оценок проявляется в том, что на первых местах оказываются представители профессий, занятых в тех же отраслях. Так, органы государственной власти представлены госслужащими и работниками местного самоуправления, а здравоохранение – врачами и медсестрами.

Т а б л и ц а 2. **Рейтинг коррумпированности сфер жизни и профессий**
T a b l e 2. **Ranking of corruption in various spheres of life and professions**

Сферы жизни / Spheres of life	Место в рейтинге / Place in the ranking
Органы государственной власти / Public authorities	1
Здравоохранение / Health service	1
Органы муниципальной власти / Municipal authorities	2
Высшее образование / Higher education	3
Все общество в целом / Society as a whole	3
Правоохранительные органы (прокуратура, следствие) / Law enforcement bodies (prosecutor's office, investigation)	4
Органы внутренних дел (полиция) / Internal affairs authorities (police)	5
Судебная система / Judicial system	6
Среднее образование / Secondary education	7
Представители профессий / Members of professions	Место в рейтинге / Place in the ranking
Государственные служащие / Civil servants	1
Работники органов местного самоуправления / Local government employees	2
Врачи, медсестры / Doctors, nurses	2
Работники высших учебных заведений / Employees of institutions of higher education	3
Сотрудники ГИБДД / Traffic police officers	4
Сотрудники прокуратуры, органов следствия / Employees of prosecutor's offices and investigative bodies	5
Работники судов / Court officials	6
Сотрудники полиции / Police officers	6
Сотрудники военкоматов / Employees of military recruitment offices	7
Сотрудники ЖКХ / Housing and communal services employees	7
Журналисты / Journalists	8
Учителя, директора школ / School teachers, principals	9

Необходимо обратить внимание на тот факт, что понимание респондентами такого явления, как коррупция, обладает некоторой противоречивостью. Так, сфера высшего образования, по мнению респондентов, достаточно сильно коррумпирована, однако оценка респондентами коррупционной емкости конкретных ситуаций в сфере высшего образования является одной из самых низких. Правоохранительные органы и органы внутренних дел также занимают среднее положение. При анализе этих явлений важно учитывать, насколько часто люди соприкасаются в конкретных ситуациях с теми или иными учреждениями и насколько компетентны их суждения об особенностях функционирования этих учреждений, в том числе и в связи с коррупцией. В любом случае данные оценки представляют интерес и фактически отражают репутацию различных учреждений с точки зрения коррупционных проявлений.

Для определения коррупционной емкости конкретных ситуаций респондентам было предложено оценить различные знаки внимания и благодарности на предмет их отношения к коррупции. С этой целью была разработана специальная шкала, в которой различные знаки благодарности предлагалось отсортировать следующим образом: всегда являются фактами коррупции, никогда не являются фактами коррупции, могут являться фактами коррупции в зависимости от их стоимости. Общий коррупционный рейтинг знаков благодарности в порядке убывания выглядит достаточно убедительно. Так, по мнению респондентов, факт незаконной передачи денежных средств всегда является коррупционным деянием (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Рейтинг знаков благодарности с точки зрения их коррумпированности

Table 3. Ranking of tokens of appreciation in terms of corruption

Знак благодарности / Token of appreciation	Место в рейтинге / Place in the ranking	Знак благодарности / Token of appreciation	Место в рейтинге / Place in the ranking
Деньги / Money	1	Ответная услуга / A favor in return	8
Оплата отдыха за границей / Paying for holidays abroad	2	Спиртные напитки / Alcoholic drinks	9
Оплата лечения / Paying for medical treatment	3	Продукты / Food items	10
Абонемент в фитнес-центр / Paying for a fitness center membership fee	4	Кофе, чай / Coffee, tea	11
Бытовые приборы / Household appliances	5	Фрукты / Fruits	12
Сувениры / Souvenirs	6	Конфеты / Candies	13
Ужин в ресторане / Dinner at a restaurant	7	Цветы / Flowers	14

Из рейтинга знаков благодарности видно, что респонденты прекрасно понимают, что услуги чиновника могут быть вознаграждены и косвенным способом, например, путем оплаты лечения или отдыха. Различные сувениры, спиртные напитки и бытовые приборы занимают среднее место в рейтинге, так как их отнесение к фактам коррупции напрямую зависит от их стоимости. Такая же ситуация и с продуктами, ужином в ресторане и ответной услугой – при своей высокой стоимости они воспринимаются респондентами как факты проявления коррупции. Кроме того, респонденты считают, что оплата отдыха за границей, лечения и абонеента в фитнес-центр независимо от их стоимости всегда является коррупционным проявлением. Такие знаки благодарности, как цветы, конфеты, фрукты, кофе, чай, практически никогда не расцениваются в качестве коррупционных проявлений.

Несомненный интерес представляют информационные источники, из которых люди получают сведения о случаях коррупции. Рейтинг информационных источников показывает, что большую долю информации респонденты получают из СМИ и интернета (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. **Рейтинг источников сведений о коррупции**

T a b l e 4. **Ranking of sources of information about corruption**

Источник / Source	Место в рейтинге / Place in the ranking
СМИ / Media	1
Интернет / Internet	2
Окружающие люди, друзья, знакомые / People around, friends, acquaintances	3
Документальные и художественные фильмы / Documentaries and feature films	4
Выступления руководителей государства и правительства / Speeches of state and government leaders	5
Знакомые работники властных структур / Acquaintances among employees of authority structures	6
Сталкивался с такими случаями сам / I have encountered such cases myself	7

Респонденты крайне неохотно признаются в том, что попадали в коррупционную ситуацию сами, хотя оцениваемый уровень коррупции означает, что в том или ином виде очень многие люди вынуждены были давать взятки. Данное мнение находит свое подтверждение и в оценке респондентами тезиса о том, что у них были случаи, когда они лично были вынуждены давать взятку. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что от официальных лиц – руководителей государства и правительства,

работников властных структур – информации о ситуации с коррупцией в стране явно недостаточно. Отсутствие официальной информации всегда оставляет место для различных спекуляций в СМИ. Тема коррупции в России является актуальной и болезненной (учитывая оценку респондентами своего уровня жизни), поэтому количество и качество официальной информации о раскрытии коррупционных преступлений и борьбе с коррупционными проявлениями необходимо значительно увеличить.

Оценка респондентами уровня коррупции в России. Респондентам было предложено оценить ряд тезисов об уровне коррупции в современной России на различных территориях и в сравнении с другими историческими периодами. Опрашиваемые уверены: наиболее коррумпированным городом России является ее столица – Москва (табл. 5). В известной степени это может быть связано с тем, что население не видит эффективной борьбы с коррупцией со стороны государства: распространенным является сюжет, что наиболее крупные коррупционные хищения осуществляют лица, обладающие высокими полномочиями. Это очень негативный момент.

Т а б л и ц а 5. Оценка коррупции в России в исторической перспективе

Table 5. Assessment of corruption in Russia in a historical perspective

Степень согласия/несогласия / Degree of agreement/disagreement	Тезис / Thesis	Оценка / Assessment
1	2	3
Максимальная степень согласия / Maximum degree of agreement	Наиболее высокий уровень коррупции в столице (в Москве) / The highest level of corruption is in the capital (in Moscow)	1
	Если станут свидетелем коррупционного действия, обратятся в правоохранительные органы / If they witness a corrupt action, they will contact law enforcement bodies	2
Средняя степень согласия / Medium degree of agreement	Борьба с коррупцией в стране неэффективна / The fight against corruption in the country is ineffective	3
	Расцвет взяточничества в стране произошел в начале 2000-х / Bribery flourished in the country in the early 2000s	1
	Расцвет взяточничества в стране произошел в период правления Б. Н. Ельцина / Bribery flourished in the country during the administration of Boris Yeltsin	2
	В сельской местности взятки меньше размером, но столь же часты, как и в городе / In rural areas, bribes are smaller, but as common as in the city	3

1	2	3
	В советское время взяточничества было значительно меньше / There was much less bribery in Soviet times	4
	Расцвет взяточничества в стране произошел в последние годы / Bribery has flourished in the country in recent years	5
	Расцвет взяточничества в стране произошел в период правления М. С. Горбачева / Bribery flourished in the country during the administration of Mikhail Gorbachev	6
	В советское время размер взяток был меньше, но их число было больше / In Soviet times, the size of bribes was smaller, but their number was larger	7
Максимальная степень несогласия / Maximum degree of disagreement	Уровень коррупции в стране в последние годы сокращается / The level of corruption in the country has been decreasing in recent years	1
	Уровень преступности в стране в последние годы снижается / The crime rate in the country has been declining in recent years	2
	У респондентов были случаи, когда вынуждены были давать взятку / Respondents have experienced cases when they had to give a bribe	3

Позитивным моментом является то, что большинство респондентов изъявляют готовность обращаться в правоохранительные органы при личном столкновении со случаями коррупционных проявлений. Однако между готовностью и практическими действиями, как правило, существует большая дистанция. Выше отмечалось, что респонденты крайне неохотно признаются в том, что сами попадали в коррупционную ситуацию, что сами вынуждены были давать взятку. Респонденты убеждены в том, что расцвет взяточничества в стране произошел в период правления Б. Н. Ельцина или в начале 2000-х гг. При этом в советское время, в том числе и во времена правления М. С. Горбачева, взяток было меньше. Таким образом, в сознании населения расцвет коррупции тесно связан с появлением новой российской государственности, что еще раз говорит о том, что увеличение количества официальной информации о борьбе с коррупционными проявлениями имеет для руководителей государства первостепенное имиджевое значение. Действительно, респонденты выразили крайнюю степень несогласия с тезисами о том, что уровень коррупции и преступности в стране в последние годы снижается.

Причины участия людей в коррупционных действиях. Респондентам было предложено составить рейтинг причин, вынуждающих человека

благодарить должностное лицо, давать ему взятку или отказаться от нее. Основной причиной дачи взятки является желание более быстро и качественно решить свой вопрос, не испытывая проволочек, т. е. во многом это экономия времени и возможность быстро и эффективно решить вопрос (табл. 6). Важной, по мнению респондентов, причиной является понимание того, что вопрос, который необходимо решить, находится на грани закона и без взятки вряд ли можно обойтись, так как в этих случаях давать ее принято. Эта точка зрения означает, что коррупция является системным явлением.

Т а б л и ц а 6. Рейтинг причин, вынуждающих дать взятку должностному лицу, и причин, вынуждающих отказаться от дачи взятки

Table 6. Ranking of reasons that make a person give a bribe to an official and reasons that make a person refuse to give a bribe

Причины дачи взятки / Reasons to give a bribe	Место в рейтинге / Place in the ranking
Ускоряется решение вопроса / Faster resolution of the issue	1
Чтобы избежать лишних трудностей / To avoid unnecessary difficulties	2
Нет возможности решить проблему законным путем / There is no way to solve the problem legally	3
Более качественное решение вопроса / Better resolution of the issue	4
Усталость от проволочек со стороны должностного лица / Fatigue from procrastination by an official	5
Заранее известно, где без взятки не обойтись / You know in advance where you can't do without a bribe	5
Чиновник сам требует взятку / The official extorts a bribe	6
Желание добиться качественной работы должностного лица / Desire to get high-quality work of an official	7
Потому что все дают взятку, так принято / Because everyone gives a bribe, that is the common way	7
В результате удастся добиться того, что и так должны были сделать по долгу службы / It makes possible to achieve what was supposed to be done as part of the duty	7
Желание добиться благосклонности со стороны должностного лица / Aspiration to gain favor from an official	8
Нет времени для стандартного решения вопроса / No time for a standard resolution of the issue	9
Не считают данное деяние чем-то отрицательным / Do not consider this act something negative	10

Причины отказа от дачи взятки / Reasons to refuse to give a bribe	Место в рейтинге / Place in the ranking
Страх уголовного наказания / Fear of criminal punishment	1
Недостаток средств / Lack of funds	2
Незнание, кому и как можно дать взятку для решения вопроса / Not knowing who and how to give a bribe to resolve the issue	3
Опасение отказа от взятки и ухудшения проблемы в таком случае / Fear of refusing a bribe and worsening the problem in this case	4
Моральные принципы человека / The person's moral principles	5
Опасение, что взятка все равно не поможет / Fear that a bribe will not help anyway	6
Нежелание совершать асоциальное действие или аморальный поступок / Unwillingness to commit an antisocial or immoral act	7
Опасение общественного осуждения / Fear of public condemnation	8
Негативный опыт предыдущих попыток / Negative experience of previous attempts	9

Системность дополняется представлением о характере поведения должностных лиц: вымогательство взятки со стороны чиновника – обычное, по мнению почти половины респондентов, явление. Треть респондентов не считают взяточничество чем-то отрицательным. В их сознании дача взятки – обыденное явление (взятка помогает избежать лишних трудностей, добиться благосклонности чиновника, побудить его работать более качественно). Однако другая часть респондентов все же понимает, что взятка – это отрицательное явление.

Причины, удерживающие человека от дачи взятки, связаны, по мнению респондентов, прежде всего со страхом уголовного наказания (табл. 6). Однако если абстрагироваться от страха уголовного наказания, то основными причинами отказа от дачи взятки является нехватка денег и незнание, кому и как дать взятку. Это говорит о высокой степени внутренней готовности большинства респондентов решать свои вопросы нелегальными способами. При этом моральные принципы человека не являются надежной защитой. Следует принять во внимание и тот факт, что опасение общественного осуждения относится к одной из последних причин отказа от дачи взятки, что еще раз подтверждает привычку населения к нелегальному решению вопросов. Негативный опыт предыдущих попыток дачи взятки (например, отказ одного из чиновников принять

знак благодарности) также не служит препятствием на пути взяточдателя. Для эффективной борьбы с коррупцией следует постепенно менять устоявшуюся систему ценностей в обществе. Моральные принципы человека, нежелание совершать аморальный и асоциальный поступок, а также боязнь общественного осуждения должны стать таким же важным заслоном на пути взятки, как и страх уголовного преследования.

Респонденты о чувствах человека, давшего взятку. Респондентам было предложено описать чувства, которые испытывает обычный человек, давший взятку должностному лицу. Чаще всего опрошенные указывали на недовольство государственной системой, ставящей людей в такие обстоятельства (табл. 7).

Т а б л и ц а 7. **Рейтинг причин отказа от дачи взятки должностному лицу**
 Table 7. **Ranking of reasons to refuse to give a bribe to an official**

Причина отказа от дачи взятки / Reason to refuse to give a bribe	Место в рейтинге / Place in the ranking
Недовольство нашей государственной системой, ставящей людей в такие обстоятельства / Dissatisfaction with our state system that puts people in such circumstances	1
Отчаяние, что этому нет конца и края / Despair that there is no end to it	2
Ненависть к должностному лицу / Hatred towards the official	3
Гнев, что его вынудили так поступить / The anger that the person was forced to act so	4
Отвращение, что по-другому нельзя / Disgust that there is no other way	5
Облегчение, что ситуация разрешилась / Relief that the situation was resolved	6
Страх, что могут схватить за руку / Fear of being caught red-handed	7
Растерянность – не знал, как себя вести / Confusion – did not know how to behave	8
Унижение, опустошенность / Humiliation, emptiness	9
Презрение к себе, стыд, смущение / Self-contempt, shame, embarrassment	10
Раскаяние, угрызения совести, жаль, что так поступил(а) / Repentance, remorse, regret for what was done	11
Опасение, что об этом узнают знакомые и осудят его / Fear that acquaintances will find out and condemn	12
Ничего не чувствует: уже привык / Feels nothing: already got used to it	13
Удовлетворение собой, своим умением решать свои проблемы / Satisfaction with oneself, with one's ability to solve problems	14

Люди понимают, что коррупция разъедает государство. В своем большинстве они испытывают недовольство государством, заставившим их совершить коррупционное деяние, поскольку стоящую перед ними проблему не решить. Респонденты склонны возлагать ответственность на государство и чиновников и позиционируют себя как сторону страдательную, вынужденную совершать данное правонарушение, которое в их глазах таковым не является. Безусловно, респонденты испытывают и неприязнь к должностному лицу, которое также представляет государство. Лишь во вторую очередь люди, давшие взятку, чувствуют облегчение, что напряженная и неприятная ситуация закончилась, а также чувство страха, что факт дачи взятки станет достоянием обществественности. Унижение, смущение и стыд также не являются позитивными ощущениями. Респонденты понимают, что поступили нехорошо и испытывают по этому поводу целый спектр отрицательных эмоций. Положительным моментом является то обстоятельство, что для большинства респондентов взятка еще не стала нормой жизни и ощущение недовольства государством, собой и чувство стыда не переросли в удовлетворение от умения решать вопросы нелегитимным способом.

Способы борьбы с коррупцией. Респондентам было предложено оценить тезисы, содержащие меры по борьбе с коррупцией и их обоснование. Большинство опрошенных поддерживают тезис о том, что коррупция подрывает экономику государства, разрушает веру людей в справедливость и демократию, поэтому необходимо не только предавать огласке все факты коррупции, но и ужесточить меры наказания за коррупционные преступления, например, конфисковать имущество провинившихся чиновников (табл. 8). Все эти тезисы более половины респондентов активно поддерживают. Так как коррупция провоцирует рост преступности, то необходимо неукоснительно соблюдать требования законодательства о контроле за соответствием расходов официальным доходам должностных лиц, а также устраивать публичные суды над коррупционерами.

Респонденты понимают, что без воли государства одному обществу с проблемами коррупции не справиться, поэтому одна часть из них считает, что обычным людям бороться с коррупцией бесполезно, а другая – что граждане должны проявлять нетерпимость к случаям взяточничества. Кроме того, еще одной мерой по профилактике коррупционных деяний может стать повышение заработной платы работникам бюджетной сферы. При этом респонденты категорически против повышения заработной платы чиновникам, так как эта мера уже показала свою неэффективность. Опрошенные также отвергают выбор пути «неофициального» решения вопросов. Нет их единодушия и в оценке тезиса о необходимости запрета членам семей чиновников заниматься предпринимательской деятельностью, так как это будет являться нарушением прав человека. Кроме того, респонденты считают, что традицию давать взятки для решения вопросов нужно исправлять.

Т а б л и ц а 8. Рейтинг тезисов о вреде коррупции и методах борьбы с ней
 T a b l e 8. Ranking of theses on the dangers of corruption and how to fight it

Степень согласия/несогласия / Degree of agreement/disagreement	Тезис / Thesis	Место в рейтинге / Place in the ranking
1	2	3
Максимальная степень согласия / Maximum degree of agreement	Все факты коррупции должны немедленно предаваться огласке / All cases of corruption should be made public immediately	1
	Необходимо конфисковать имущество проворовавшихся чиновников / It is necessary to confiscate the property of the corrupt officials	2
	Необходимо ужесточить меры наказания за коррупционные преступления / It is necessary to increase penalties for corruption-related crimes	3
	Коррупция подрывает экономику государства / Corruption undermines the state's economy	4
	Коррупция разрушает веру людей в справедливость и демократию / Corruption destroys people's faith in justice and democracy	5
Средняя степень согласия / Medium degree of agreement	Коррупция провоцирует рост преступности / Corruption provokes an increase in crime	6
	Необходимо тщательно отслеживать соответствие расходов официальным доходам должностных лиц / It is necessary to carefully monitor the correspondence between the officials' expenditures and their incomes	1
	Необходимо устраивать публичные суды над коррупционерами / It is necessary to arrange public trials of corrupt officials	2
	Необходимо повысить зарплату работникам бюджетной сферы / It is necessary to increase the salary of public sector employees	3
	Рядовые граждане должны проявлять нетерпимость к случаям взяточничества / Ordinary people should not tolerate cases of bribery	4
	Бороться простому человеку с коррупцией бесполезно / It is useless for an ordinary person to fight corruption	5
	Люди дают взятки в силу сложившихся традиций, иначе ничего не добьешься / People give bribes due to the established traditions, otherwise you can't achieve anything	6

1	2	3
Максимальная степень несогласия / Maximum degree of disagreement	Для искоренения коррупции следует повысить зарплату чиновникам / To eliminate corruption, salaries of officials should be increased	1
	Иногда проще и эффективнее решать вопросы «неофициально» / Sometimes it's easier and more efficient to resolve issues 'informally'	2
	Запретить членам семей чиновников заниматься предпринимательской деятельностью / Family members of officials should be prohibited from engaging in business activities	3

Реакция респондентов на совокупность тезисов показывает, что собственной вины в этих процессах они часто не видят или относятся к ней более снисходительно. Интересным является сравнение реакции респондентов на два тезиса: 1) «Необходимо повысить заработную плату работникам бюджетной сферы» и 2) «Для искоренения коррупции следует повысить заработную плату чиновникам». С первым тезисом согласились более половины респондентов, и также более половины опрошенных согласились со вторым мнением. Это означает, что население четко отличает рядовых работников бюджетной сферы от чиновников, которых относят к нерядовым. Более того, понятие чиновник явно нагружено отрицательной коннотацией. Отношение населения к вопросам борьбы с коррупцией и оценки ее социальных последствий явно нагружены эмоциональной составляющей, и люди склонны назначать главными виновниками этого явления государство и чиновничество.

В исследовании также были выявлены гендерные, поселенческие (жители города и области) и возрастные особенности восприятия коррупции. Кратко опишем их.

Гендерные отличия. С точки зрения нетерпимости к коррупционным проявлениям установки женщин смещены в сторону быта и межличностных отношений, а у мужчин – в сторону бизнеса и отношений производственных. Женщин больше беспокоят коррупционные проявления, влияющие на безопасность и качество образования детей, а мужчин – ситуации, связанные с работой и бизнесом. Например, женщины более нетерпимы к инспекторам ДПС, отпускающим водителей за вознаграждение, а также к проявлениям коррупции в сфере высшего образования. Мужчины, в свою очередь, более нетерпимы к фактам коррупции в деловой сфере («фирма получает заказ от органа власти на строительство по цене в два раза большей, чем принято на рынке строительства»; «чиновник принимает приглашение бизнесмена поужинать в ресторане после решения этим чиновником проблемы бизнесмена»). Мужчины

чаще дают взятки из-за отсутствия времени решить вопрос обычным путем, женщины – из-за отсутствия возможности решить (деликатную) проблему законным путем.

Поселенческие отличия. Жители области заметно жестче горожан, они гораздо чаще согласны с применением самых радикальных мер по борьбе с коррупцией. Чаще они готовы обратиться в правоохранительные органы, если бы стали свидетелем коррупционного действия и втрое чаще горожан отрицают, что у них были случаи, когда они были вынуждены давать взятку. Претензии к здравоохранению сельские жители выдвигают вдвое чаще городских жителей. При этом жители области более терпимы к случаям проявления так называемого кумовства: по сравнению с горожанами они более спокойно воспринимают ситуацию, когда глава администрации отдаёт все подряды своим знакомым и родственникам, не проводя при этом никаких тендеров и конкурсов.

Возрастные особенности. Важно отметить, что молодое поколение выказало большую готовность дать взятку в том случае, если чиновник сам вымогает ее. Кроме того, в отличие от других поколений респондентов молодежь в меньшей степени считает это деяние чем-то отрицательным. Молодежь больше нацелена на то, чтобы сэкономить время, именно желание добиться быстрого решения вопроса заставляет молодого человека нарушить закон. Стоит обратить внимание на правильное воспитание подрастающего поколения, которое, с одной стороны, поддерживает самые радикальные меры по борьбе с коррупцией, а с другой – относится к процессу дачи взятки крайне прагматично и готово пойти на подобный поступок, если это поможет быстро и эффективно решить возникшую проблему.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования показывают, что подавляющее число респондентов в первую очередь волнуют экзистенциальные проблемы, связанные с повседневной жизнью – работа, лечение, покупка товаров первой необходимости. Проблема коррупции по своему значению занимает место строго посередине рейтинга, причем проблему преступности респонденты поставили на последнее место. Данный факт может свидетельствовать о том, что большинство людей стали реже соприкасаться с преступностью и ее последствиями в обыденной жизни, но коррупция по-прежнему беспокоит их заметно больше. При этом важно понимать, что тема коррупции в России является актуальной и болезненной (учитывая оценку респондентами своего уровня жизни – большинство респондентов имеют доходы низшего среднего уровня (денег достаточно для приобретения продуктов питания и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать)).

Обращает на себя внимание высокая степень внутренней готовности большинства респондентов решать свои вопросы нелегальными спосо-

бами. Взятка в своем традиционном виде уходит в прошлое. Коррупция находит новые формы: оффшорные транзакции, операции с криптовалютами, а также трудоустройство родственников в подконтрольные коммерческие структуры. В этой связи необходимо усилить подготовку сотрудников органов внутренних дел в области международного финансового мониторинга, проводить курсы повышения квалификации, обмениваться опытом с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья.

Если для жителей города наиболее коррупционными сферами общественной жизни являются правоохранительные органы (прокуратура, следствие), система среднего образования (поборы в школах), то для жителей области – это органы государственной и муниципальной власти, система здравоохранения и высшего образования (проблемы с поступлением на бюджетные места в вузах). Именно поэтому и в городе, и в области необходимо регулярно проводить «горячие линии», в рамках которых граждане могут задать любой вопрос по теме коррупционных проявлений в органах государственной власти, в сфере образования и медицины, а также получить разъяснения о том, что делать и куда обращаться в случае вымогательства незаконного денежного вознаграждения. Кроме того, сотрудники полиции должны доводить до граждан информацию о предпринимаемых действиях по организации мероприятий, направленных на борьбу с коррупцией.

Важно отметить, что представленные данные являются первой частью проекта, предусматривающей опрос жителей (обывателей) Нижегородской области. Продолжением проекта является опрос представителей мелкого и среднего бизнеса, а также сотрудников полиции с использованием схожего авторского инструментария, что позволит в дальнейшем сделать сравнительный анализ полученных данных. Полученные результаты могут быть использованы в законодательных, научных, учебных целях, а также для профилактики и борьбы с преступлениями коррупционной направленности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бухвалова, К. А. Детерминанты коррупции: причины и условия коррупции, последствия коррупции / К. А. Бухвалова // Экономика и социум. – 2015. – № 6-2 (19). – С. 359–361. – URL: <https://readera.org/determinanty-korruptcii-prichiny-i-uslovija-korruptcii-posledstvija-korruptcii-140115031> (дата обращения: 22.10.2019).

2. Панченко, П. Н. Как нам преодолеть коррупцию (особенности, причины коррупции и меры ее преодоления) / П. Н. Панченко // Вопросы правоведения. – 2012. – № 3 (15). – С. 91–117. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18027272> (дата обращения: 22.10.2019).

3. Мухамадиева, Д. Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение е-коррупции / Д. Н. Мухамадиева // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2019. – № 1 (171). – С. 9–13. – URL: http://vestnik.sseu.ru/lk_file.php?pdf=7246 (дата обращения: 22.10.2019).

4. Балаев, А. Ш. Коррупция в свете принятого федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» / А. Ш. Балаев // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 7. – С. 116–120. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15507487_78668343.pdf (дата обращения: 22.10.2019).

5. Лахман, А. Г. Коррупция и противодействие коррупции: проблемы правопонимания / А. Г. Лахман // Власть и управление на Востоке России. – 2013. – № 1 (62). – С. 129–134. – URL: [http://vlastdviu.ru/index.php?page=gio4-2013\(1-62\)&rc=gio](http://vlastdviu.ru/index.php?page=gio4-2013(1-62)&rc=gio) (дата обращения: 22.10.2019).

6. Бляхер, Л. Е. Коррупция как политическая проблема: кто, как и зачем сражается с коррупцией в России / Л. Е. Бляхер, Н. А. Пегин. – DOI 10.30570/2078-5089-2012-67-4-89-103 // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2012. – № 4 (67). – С. 89–103. – URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Blyakher_Pegin-2012-4.pdf (дата обращения: 22.10.2019).

7. Абидин, С. З. Работа комиссии по искоренению коррупции и роль официальных властей в борьбе с коррупцией в Индонезии / С. З. Абидин // Журнал российского права. – 2012. – № 7 (187). – С. 40–42. – URL: <http://jrnprnorma.ru/issue/2012/7> (дата обращения: 22.10.2019).

8. Капкова, С. Ю. Уголовная ответственность за акты коррупции иностранных должностных лиц и коррупцию в частном секторе по швейцарскому законодательству / С. Ю. Капкова // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 3 (58). – С. 99–101. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18923070> (дата обращения: 22.10.2019).

9. Смирнова, Л. Н. Борьба с коррупцией в Китае: конвенция ООН против коррупции и «особая китайская модель» / Л. Н. Смирнова // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2015. – № 2. – С. 71–90. – URL: <http://vestnikpolit.ru/show?year=2015&num=2&p=71-90> (дата обращения: 22.10.2019).

10. Карчагин, Е. В. Справедливость и коррупция: феномен коррупции в сфере высшего образования / Е. В. Карчагин, А. В. Одинцов, М. В. Галенко // Социология города. – 2015. – № 4. – С. 83–94. – URL: http://vgasu.ru/attachments/sg_04-2015.pdf (дата обращения: 22.10.2019).

11. Исмаилов, М. М. Редистрибутивная коррупция как тип коррупции в политической сфере / М. М. Исмаилов // World Science: Problems And Innovations. – 2017. – Вып. 3. – С. 278–280. – URL: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2018/01/%D0%9C%D0%9A-258-%D0%A7%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C-3.pdf> (дата обращения: 22.10.2019).

12. Канзычакова, Н. Г. Понятие феномена коррупции в рамках психологии: диагностика коррупции / Н. Г. Канзычакова // Мир образования – образование в мире. – 2018. – № 4 (72). – С. 184–188. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38081115> (дата обращения: 22.10.2019).

13. Кожушко, А. С. Коррупция общества, коррупция индивида / А. С. Кожушко // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 6. – С. 109–115. – URL: http://hses-online.ru/2012/06/09_00_11/12.pdf (дата обращения: 22.10.2019).
14. Шедий, М. В. Коррупция и население: проблема понимания и оценки степени распространенности в российском обществе / М. В. Шедий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 10–20. – URL: <https://orel.ranepa.ru/nauka/srednerusskiy-vestnik-obshchestvennykh-nauk/srednerusskiy-vestnik-obshchestvennykh-nauk-tom-11-2.php?s=1438> (дата обращения: 22.10.2019).
15. Савченко, И. А. Коррупционная направленность личности в эмпирическом измерении / И. А. Савченко, Л. А. Снегирева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 77–83. – URL: https://на.мвд.пф/Nauka/Vestnik_Nizhegorodskoj_akademii_MVD_Ross/Vipusk_zhurnala/2017-%D0%B3%D0%BE%D0%B4 (дата обращения: 22.10.2019).
16. Экспериментальные методы исследования коррупции в экономических и социологических науках / А. В. Белянин, Н. В. Бобкова, Х. Эгберт, Л. Я. Косалс // Экономическая социология. – 2014. – Т. 15, № 1. – С. 61–88. – URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2014/02/01/1328851429/ecsoc_t15_n1.pdf#page=61 (дата обращения: 22.10.2019).
17. Савченко, И. А. Коррупционная личность в восприятии профессиональных и возрастных социальных групп / И. А. Савченко, Л. А. Снегирева, С. В. Устинкин. – DOI 10.31171/vlast.v27i3.6426 // Власть. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 135–144. – URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/6426> (дата обращения: 22.10.2019).
18. Капитонова, Н. Б. Индекс восприятия коррупции – показатель уровня коррупции / Н. Б. Капитонова, Н. В. Тумаланов // Актуальные проблемы экономической теории и региональной экономики. – 2014. – № 3 (15). – С. 51–54. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23478023> (дата обращения: 22.10.2019).
19. Сатаров, Г. А. Установка респондентов и коррупция / Г. А. Сатаров // Общественные науки и современность. – 2008. – № 5. – С. 48–58. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/09/20/1215005680/Satarov.pdf> (дата обращения: 22.10.2019).
20. Mahadevan, J. Wirtschaftskriminalität: organisatorische Vorkehrungen der Korruptionsbekämpfung / J. Mahadevan. Saarbrücken : VDM Verl. Dr. Müller, 2008. – 71 s. – URL: <https://www.amazon.com/Wirtschaftskriminalit%C3%A4t-Organisatorische-Vorkehrungen-Korruptionsbek%C3%A4mpfung-German/dp/3639438442> (дата обращения: 22.10.2019).
21. Söller, C. Korruption in Ost und West: eine Debatte / C. Söller, T. Wunsch. – Passau : Stutz, 2008. – 106 s. – URL: <https://www.amazon.de/Korruption-Ost-West-Eine-Debatte/dp/3888493412> (дата обращения: 22.10.2019).
22. Deiters, M. Die UN-Konvention gegen Korruption – Wegweiser für eine Revision der deutschen Strafvorschriften? / M. Deiters // Politische Korruption, Sonderheft der Politischen Vierteljahresschrift / U. von Alemann, Hrsg. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – S. 424–443. URL: <https://www.springer.com/de/book/9783531141411#reviews> (дата обращения: 22.10.2019).

23. Bannenberg, B. *Korruption in Deutschland: Portrait einer Wachstumsbranche* / B. Bannenberg, W. J. Schaupensteiner. München : Beck, 2004. – 227 s. – URL: <https://www.amazon.de/Korruption-Deutschland-Portrait-einer-Wachstumsbranche/dp/3406510663> (дата обращения: 22.10.2019).

Поступила 02.12.2019; принята к публикации 10.03.2020; опубликована онлайн 30.06.2020.

Об авторах:

Глухова Анна Анатольевна, начальник кафедры криминологии ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7462-8947>, Researcher ID: A-5228-2016, namvd_crime@mail.ru

Иудин Александр Анатольевич, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (603105, Россия, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7), доктор экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1925-007X>, Researcher ID: A-5266-2016, iudin@fsn.unn.ru

Шпилев Дмитрий Анатольевич, профессор кафедры криминологии ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3), профессор кафедры социологии и социальной работы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (603105, Россия, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7), доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9499-0580>, Researcher ID: A-5200-2016, shpilev72@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Глухова Анна Анатольевна – администратор проекта; обеспечение ресурсами; сбор и курирование данных.

Иудин Александр Анатольевич – научное руководство; развитие методологии; критический анализ и доработка текста.

Шпилев Дмитрий Анатольевич – формализованный анализ данных; компьютерные работы; подготовка начального варианта текста; представление данных в тексте.

Для цитирования:

Глухова, А. А. Особенности восприятия населением коррупционной преступности в Нижегородской области: криминологический анализ / А. А. Глухова, А. А. Иудин, Д. А. Шпилев. – DOI 10.15507/2413-1407.111.028.202002.350-376 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 350–376.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bukhvalova K.A. [Determinants of Corruption: Causes and Conditions of Corruption, the Consequences of Corruption]. *Ehkonomika i sotsium* = Economics and Society. 2015; (6-2):359-361. Available at: <https://readera.org/determinanty-korruptcii-prichiny-i-usloviya-korruptcii-posledstviya-korruptcii-140115031> (accessed 22.10.2019). (In Russ.)
2. Panchenko P.N. [How We Can Overcome Corruption (Especially, the Causes of Corruption and Measures to Overcome It)]. *Voprosy pravovedeniya* = Jurisprudence Issues. 2012; (3):91-117. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18027272> (accessed 22.10.2019). (In Russ.)
3. Mukhamadieva D.N. Digitalization against Corruption. Emergence of E-Corruption. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta* = Vestnik of Samara State University of Economics. 2019; (1):9-13. Available at: http://vestnik.sseu.ru/lk_file.php?pdf=7246 (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Balaev A.Sh. Corruption in the World, Adopted the Federal Law № 273-FZ "On Combating Corruption." *Vestnik Akademii ehkonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii* = Vestnik of Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010; (7):116-120. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15507487_78668343.pdf (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Lakhman A.G. Corruption and Corruption Counteraction: Right Understanding of the Problems. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* = Power and Administration in the East of Russia. 2013; (1):129-134. Available at: [http://vlastdviu.ru/index.php?page=rio4-2013\(1-62\)&rc=rio](http://vlastdviu.ru/index.php?page=rio4-2013(1-62)&rc=rio) (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Blyakher L.E., Pegin N.A. Corruption as Political Problem: Who, How and Why Fights Corruption in Russia. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)* = Politeia: Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics. 2012; (4):89-103. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-89-103>
7. Abidin S.Z. Activity of the Corruption Eradication Commission and Role of Official Powers in Fight against Corruption. *Zhurnal rossijskogo prava* = Journal of Russian Law. 2012; (7):40-42. Available at: <http://jrnprnorma.ru/issue/2012/7> (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Kapkova S.Yu. Criminal Liability for Acts of Corruption of Foreign Public Officials and Corruption in the Private Sector under Swiss Law. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* = Eurasian Law Journal. 2013; (3):99-101. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18923070> (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Smirnova L.N. Fighting Corruption in China: The United Nations Convention against Corruption and the "Special Chinese Anti-Corruption Model." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* = Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science. 2015; (2):71-90. Available at: <http://vestnikpolit.ru/show?year=2015&num=2&p=71-90> (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Karchagin E.V., Odintsov A.V., Galenko M.V. Justice and Corruption: Phenomenon of Corruption in the Sphere of Higher Education. *Sotsiologiya goroda* = Sociology of City. 2015; (4):83-94. Available at: http://vgasu.ru/attachments/sg_04-2015.pdf (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Ismailov M.M. Redistributive Corruption Type of Corruption in the Political Sphere. *World Science: Problems and Innovations*. 2017; (3):278-280. Available at: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2018/01/%D0%9C%D0%9A-258-%D0%A7%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C-3.pdf> (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Kanzychakova N.G. [The Concept of the Phenomenon of Corruption in the Framework of Psychology: Diagnostics of Corruption]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* = World of Education – Education in the World. 2018; (4):184-188. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38081115> (accessed 22.10.2019). (In Russ.)

13. Kozhushko A.S. [Corruption of Society, Corruption of an Individual]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki* = Humanities and Social Sciences. 2012; (6):109-115. Available at: http://hses-online.ru/2012/06/09_00_11/12.pdf (accessed 22.10.2019). (In Russ.)

14. Shediya M.V. [Corruption and Population: The Problem of Understanding and Assessing the Degree of Prevalence in Russian Society]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* = Central Russian Journal of Social Sciences. 2016; 11(2):10-20. Available at: <https://orel.ranepa.ru/nauka/srednerusskiy-vestnik-obshchestvennykh-nauk/srednerusskiy-vestnik-obshchestvennykh-nauk-tom-11-2.php?s=1438> (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Savchenko I.A., Snegireva L.A. Corruption Orientation of Personality in Empirical Measurement. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017; (1):77-83. Available at: https://na.mvd.ru/Nauka/Vestnik_Nizhegorodskoj_akademii_MVD_Rossii/Vipuski_zhurnal/2017-%D0%B3%D0%BE%D0%B4 (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Belyanin A.V., Bobkova N.V., Egbert Kh., Kosals L.Ya. Experimental Methods of Corruption Research in Economic Theory and Sociology. *Ehkonomicheskaya sotsiologiya* = Economic Sociology. 2014; 15(1):61-88. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2014/02/01/1328851429/ecsoc_t15_n1.pdf#page=61 (accessed 22.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Savchenko I.A., Snegireva L.A., Ustinkin S.V. Corruption Personality in Perception of Professional and Age Social Groups. *Vlast* = The Authority. 2019; 27(3):135-144. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6426>

18. Kapitonova N.B., Tumalanov N.V. [Corruption Perception Index – An Indicator of the Level of Corruption]. *Aktualnye problemy ehkonomicheskoy teorii i regionalnoy ehkonomiki* = Topical Issues of Economic Theory and Regional Economy. 2014; (3):51-54. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23478023> (accessed 22.10.2019). (In Russ.)

19. Satarov G.A. Perceptions of Respondents and Corruption. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Contemporary World. 2008; (5):48-58. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/09/20/1215005680/Satarov.pdf> (accessed 22.10.2019). (In Russ.)

20. Mahadevan J. White-Collar Crime: Organizational Measures to Combat Corruption. Saarbrücken: VDM Verl. Dr. Müller; 2008. Available at: <https://www.amazon.com/Wirtschaftskriminalit%C3%A4t-Organisatorische-Vorkehrungen-Korruptionsbek%C3%A4mpfung-German/dp/3639438442> (accessed 22.10.2019). (In German)

21. Söller C., Wunsch T. Corruption in East and West: A Debate. Passau: Stutz; 2008. Available at: <https://www.amazon.de/Korruption-Ost-West-Eine-Debatte/dp/3888493412> (accessed 22.10.2019). (In German)

22. Deiters M. Convention against Corruption – A Guide for a Revision of German Criminal Law? In: Political Corruption, Special Issue of the Political Quarterly. 2005; 424-443. Available at: <https://www.springer.com/de/book/9783531141411#reviews> (accessed 22.10.2019). (In German)

23. Bannenberg B., Schauensteiner W.J. Corruption in Germany: Portrait of a Growth Industry. Munich: Beck; 2004. Available at: <https://www.amazon.de/Korruption-Deutschland-Portrait-einer-Wachstumsbranche/dp/3406510663> (accessed 22.10.2019). (In German)

Submitted 02.12.2019; accepted for publication 10.03.2020; published online 30.06.2020.

About the authors:

Anna A. Gluhova, Head of the Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (3 Ankudinovskoye Shosse, Nizhny Novgorod 603950, Russia), Ph. D. (Law), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7462-8947>, Researcher ID: A-5228-2016, namvd_crime@mail.ru

Alexander A. Iudin, Professor, Department of Sectoral and Applied Sociology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (7 Universitetskij Lane, Nizhny Novgorod 603105, Russia), Dr. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1925-007X>, Researcher ID: A-5266-2016, iudin@fsn.unn.ru

Dmitry A. Shpilev, Professor, Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (3 Ankudinovskoye Shosse, Nizhny Novgorod 603950, Russia); Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (7 Universitetskij Lane, Nizhny Novgorod 603105, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9499-0580>, Researcher ID: A-5200-2016, shpilev72@mail.ru

Contribution of the authors:

Anna A. Gluhova – project administration; provision of resources; data collection and supervision.

Alexander A. Iudin – scientific supervision; methodology development; critical analysis and revision of the text.

Dmitry A. Shpilev – formalized data analysis; computer work; preparation of the initial version of the text; presentation of data in the text.

For citation:

Gluhova A.A., Iudin A.A., Shpilev D.A. Features of Public Perception of Corruption-Related Crimes in the Nizhny Novgorod Region: A Criminological and Sociological Analysis. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(2):350-376. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.350-376>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Конкурентоспособность университета как гибридной структуры регионального образовательного пространства

И. В. Захарова

*ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова» (г. Ульяновск, Россия),
inna73reg@yandex.ru*

Введение. Управление конкурентоспособностью организаций высшей школы рассматривается как средство совершенствования качества образования и развития инновационной составляющей отечественной экономики. Цель статьи – на основе материалов проведенного исследования выявить факторы, обуславливающие конкурентные позиции регионального университета, и возможности повышения его конкурентоспособности.

Материалы и методы. В работе использованы методы логического, системного и экономико-статистического анализа, метод социологического опроса, метод экспертных оценок, метод структурного анализа и проектирования. Методология исследования включает сравнение с использованием имеющихся данных и графическую визуализацию данных, которая отображает наиболее распространенные тенденции и показывает закономерности конкурентоспособности региональных вузов.

Результаты исследования. Региональный вуз рассматривается как гибридная структура, включающая горизонтальные и вертикальные связи самостоятельных элементов и взаимозависимых элементов. Анализируются явления взаимодействия, партнерства и преемственности деятельности организации региональной системы образования. Обосновывается эффективность партнерства университетов и школ в рамках сформированных вузами гибридных образовательных систем. На основе эмпирического исследования разработаны две функциональные модели регионального университета, включающие его существенные взаимосвязи в региональном образовательном пространстве.

Обсуждение и заключение. Исследование подтверждает гипотезу о значимости интеграции университета в региональное образовательное пространство. Развитие вуза как гибридной образовательной структуры, партнерство с другими образовательными организациями усиливают его конкурентные позиции. Предложенные автором функциональные модели регионального вуза как гибридной структуры и методика оценки его конкурентоспособности могут быть полезны для руководителей образовательных организаций и органов власти регионов.

Ключевые слова: региональное образовательное пространство, конкурентоспособность университета, гибридная структура, партнерство школы и вуза, университетский комплекс, образовательный кластер

© Захарова И. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Ульяновской области, проект № 18-410-730003 «Анализ конъюнктуры рынка высшего образования Ульяновской области».

Competitiveness of the University as a Hybrid Structure in the Regional Educational Space

I. V. Zakharova

*Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia),
inna73reg@yandex.ru*

Introduction. Managing the competitiveness of higher education organizations has been considered as a means of improving the quality of education and a tool for developing the innovative component of the domestic economy. The purpose of this paper, based on the materials of the conducted study, is to identify the factors determining the competitive position of the regional university and the opportunities to increase its competitiveness.

Materials and Methods. The study employed the methods of logical, systemic, economic and statistical analysis, as well as the methods of sociological survey, expert assessments, structural analysis and design. The research methodology included comparison using the available data as well as graphical data visualization displaying the most common trends and showing the patterns of competitiveness of regional universities.

Results. The regional university has been considered as a hybrid structure including horizontal and vertical connections of independent elements and interdependent ones. The phenomena of interaction, partnership and continuity of the organization of the regional education system have been analyzed. The effectiveness of the partnership between universities and secondary schools within the framework of hybrid educational systems formed by universities has been substantiated. Based on the empirical study, two functional models of the regional university have been developed which include its significant relationships in the regional educational space.

Discussion and Conclusion. The study has confirmed the hypothesis of the importance of integrating the university into the regional educational space. The development of the university as a hybrid educational structure, its partnership with other educational organizations strengthens its competitive position. The functional models of the regional university as a hybrid structure and the methods for assessing its competitiveness, proposed by the author, may be useful for heads of educational organizations and regional authorities.

Keywords: regional educational space, competitiveness of the university, hybrid structure, partnership between the secondary school and the university, university complex, educational cluster

Funding. The study was carried out with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Ulyanovsk Region, project No. 18-410-730003 “Analysis of the Higher Education Market in the Ulyanovsk Region.”

Введение. Отечественное высшее образование отличают две тенденции: встроенность вузов в региональную экономику и формирование гибридных образовательных структур. До 1917 г. Россия была поделена

на учебные округа, которые курировались ведущими университетами. Так, с самого начала формирования региональных образовательных систем их каркасом выступали вузы. В ходе социально-экономических изменений, происходивших в нашей стране с 1990-х гг., организации различных уровней системы образования формировали гибридные структуры с большей или меньшей степенью интеграции элементов. Понимание закономерностей работы вуза как гибридной структуры важно и для управления вузом, и для руководства системой образования региона.

Одной из значимых задач отечественного образования является повышение конкурентоспособности образовательных организаций на международном и внутреннем рынках. Усиление конкурентных позиций вуза на региональном рынке позволяет отбирать лучших абитуриентов, сохранять и развивать его научный потенциал. Конкурентоспособность вуза в рамках национального рынка образования обеспечивает миграционный приток молодежи в регион, повышение инвестиционной привлекательности территории. Выход регионального вуза на международные рынки и экспорт его образовательных продуктов возможен только при соответствии мировым стандартам, что означает достижение целевых показателей конкурентоспособности. Управление конкурентоспособностью вуза не сводится к обеспечению набора абитуриентов, а позволяет расширять научно-производственные связи и привлекать финансовые ресурсы. Усиление конкурентоспособности организаций высшей школы и связанный с ним рост качества образования способствуют инновационному развитию экономики и, в конечном счете, глобальной конкурентоспособности страны в мире.

В этой связи актуальна цель статьи – на основе материалов проведенного исследования проанализировать факторы, обуславливающие конкурентные позиции университетов на региональном и национальном рынках образования, пути повышения конкурентоспособности региональных вузов, возможности экспорта их образовательных продуктов.

В ходе изучения рынка высшего образования Ульяновской области в 2018–2019 гг. определены факторы потребительского спроса на образовательные продукты университетов региона, проанализированы перспективы и риски развития вузов в контексте регионального образовательного пространства. Исследование позволило выявить ряд закономерностей конкурентоспособности региональных университетов. Подтверждено, что конкурентные позиции вуза зависят как от его внутренних процессов, так и от его взаимодействия с другими организациями, в первую очередь, с организациями регионального образовательного пространства (РОП). Это пространство составляют взаимосвязанные рынки образовательных услуг, объекты образовательной инфраструктуры и органы управления территориальной системы образования, взаимодействие которых необходимо для удовлетворения образовательных, культурных, социальных

потребностей населения региона. На основе полученных эмпирических данных построены две функциональные модели университета как гибридной структуры, интегрированной со всеми уровнями РОП, и сформулированы рекомендации по совершенствованию конкурентных позиций регионального вуза на национальном и международном рынках.

Обзор литературы. Взаимодействие вузов с другими организациями РОП, традиционное для нашей страны, получило импульс с принятием Постановления Правительства Российской Федерации от 17.09.2001 № 676 «Об университетских комплексах». В тот период стратегические принципы развития таких комплексов разрабатывались А. В. Ворониным, М. В. Груздевым, В. П. Ковалевским, Н. П. Макаркиным. Присоединение России к Болонской декларации в 2003 г. и последующее вхождение в Европейское пространство высшего образования показало эффективность взаимопроникновения образовательных систем и создания гибридных структур образовательных организаций.

Базовым процессом, который предопределяет деятельность вузов в ближайшие десятилетия, исследователи называют конкурентную борьбу за ресурсы, абитуриентов, за достойное место в системе современных социальных институтов [1, с. 61]. Значимыми факторами в этой борьбе выступают образовательное пространство вуза и преемственность деятельности организаций РОП. Специалисты считают, что основным источником перемен в образовании становится не сама система образования, а изменения в среде, в которой она развивается [2, с. 14]. Такие изменения, в частности, последовали с принятием Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (2008 г.), которая предусматривала развитие региональных кластеров. Значимыми элементами кластеров стали университеты. Это отвечает принципам Европейского кластерного меморандума [3], определившего методологические подходы к формированию и исследованию региональных кластеров, а также мировым тенденциям развития высшего образования [4].

Т. И. Шамова определяет кластерный подход в образовании как взаимное саморазвитие подразделений в процессе работы над проблемой, осуществляемое снизу на основе устойчивого партнерства, усиливающего конкретные преимущества как отдельных участников, так и кластера в целом [5, с. 103], что подтверждается опытом организаций высшего образования.

Понятие «кластер» введено родоначальником географической школы в экономике И. Г. фон Тюненом, который в 1826 г. опубликовал первое исследование закономерностей размещения производств. Основатель маржиналистской экономической школы А. Маршалл в 1870-е гг. рассчитывал дополнительные выгоды от концентрации предприятий. В 70-е гг. XX в. А. П. Горкин, Л. В. Смирнягин, К. Фредрикссон,

Л. Линдмарк рассматривали скопление предприятий в пространстве как кластер, рассчитывая выгоды от географической близости производств при разделении производственных функций. В труде М. Ю. Портера «Конкурентное преимущество стран» (1990 г.) при сравнении конкурентоспособности национальных экономик используется термин «промышленно-инновационный кластер». Понятие «региональный кластер» введено последователями М. Портера М. Энрайтом и Б. Робертсом для обозначения промышленных комплексов, долгосрочных альянсов предприятий или географических агломераций фирм, работающих в одной или нескольких родственных отраслях экономики [6]. Позже Х. Кетелс в качестве элементов кластера стал рассматривать широкий круг организаций, правительственных и регулирующих органов, а также университетов, обосновав их значительное влияние на конкурентоспособность кластерных структур и процессов [7].

На основании изложенного можно утверждать, что использование термина «кластер» применительно к системе образования имеет содержательную специфику. Экономисты рассматривают кластеризацию предприятий как средство сокращения транзакционных издержек, в контексте управления конкурентоспособностью. При этом организации кластера объединены только производственными процессами, на временной основе, и остаются независимыми хозяйственными субъектами, между которыми одновременно существуют и сотрудничество, и конкуренция.

Многие вузы являются сегодня структурными элементами территориальных производственных кластеров. Это не исключает и формирование кластерных структур, включающих только образовательные организации. При формировании образовательных кластеров партнерство имеет долгосрочный характер, обусловленный спецификой образовательных услуг. Часто интеграция организаций (как правило, на базе ведущих региональных вузов) имеет следствием их объединение. Такие университетские кластеры рассматривают Н. М. Большаков, В. В. Жиделева [8], Д. А. Ендовицкий, О. Н. Мосолов [9], О. В. Витченко, Е. А. Козырева [10].

Наряду с кластерными структурами для современных вузов характерны и другие формы интегрированных образований: альянс, ассоциация, консорциум, корпорация, холдинг, корпоративный университет, образовательный комплекс, университетский комплекс. В исследовании Е. А. Максимовой сделан развернутый сравнительный анализ данных структур и прогнозируется укрупнение образовательных комплексов, включение в их состав организаций и предприятий различных профилей и форм собственности¹.

¹ Максимова Е. А. Инновационная организация системы профессионального образования: образовательные объединения. Саратов: Саратов. социал.-эконом. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 79.

Объединение организаций превращает их в гибридные структуры, и в результате интеграции возникают системы с новыми свойствами. В кластерных системах организации сохраняют свою юридическую самостоятельность и работают на основе договоров о сотрудничестве. При иных формах объединений взаимодействие осуществляется на постоянной основе, возможно слияние организаций с делегированием части властных полномочий головной структуре.

Подразделения гибридных образовательных структур координируют учебные планы, научные проекты, воспитательную работу. Такое партнерство характерно для многих стран: от России и Европы [4] до Новой Зеландии [11] и Бразилии [12]. Партнерство не исключает противоречий между интегрированными организациями. Кроме экономических или административных конфликтов, возможны проблемы сопряжения организационных культур педагогических коллективов объединяющихся организаций, что показало исследование В. А. Ясвина и Е. М. Моргачевой [13].

Эффективность гибридных образовательных структур, возникших на базе вузов, доказана как зарубежным опытом [14], так и отечественными специалистами [15; 16]. Партнерские отношения между академическими коллективами и школами способствуют эффективности образовательных процессов и росту квалификации педагогов [17–19]. Значимым эффектом интеграции образовательных организаций является то, что такие структуры способствуют выстраиванию образовательной траектории учащихся, что обосновано научным коллективом М. П. Пальянова [20].

Специалистами изучается роль вузов в развитии региональных образовательных систем [21], их влияние на социальную жизнь региона, на прирост потенциала человеческих ресурсов территории и ее конкурентоспособность² [22; 23]. Однако мало изучено, как РОП и региональные связи университета влияют на его конкурентные позиции. Стабильные внешние связи любой организации являются социальным капиталом, который отражается на известности ее бренда и повышает конкурентоспособность. Так и вуз, выстраивая партнерские отношения с РОП и предприятиями региона, усиливает свои сильные конкурентные позиции. Это подтверждено и исследованием конъюнктуры рынка высшего образования Ульяновской области в 2018–2019 гг.

Материалы и методы. Методологической базой исследования выступают системно-интеграционная теория Г. Б. Клейнера³, принципы развития территориальной системы образования с ведущей ролью вузов, обоснованные Г. П. Новиковой [24], И. П. Пальяновым, В. М. Сав-

² Александров А. Ю. Проектирование регионального образовательного пространства: организационно-экономический аспект. М.: Креативная экономика, 2018. 218 с.

³ Системные механизмы координации в инновационной экономике / Г. Б. Клейнер [и др.]. М.: Кнорус, 2019. 232 с.

виновым, кластерный подход к развитию образовательных систем Т. И. Шамовой [5].

В исследовании использованы методы логического, системного и экономико-статистического анализа. Методология работы включала социологический опрос учащихся 11 классов в 16 школах г. Ульяновска и в 16 школах районных центров области, а также опрос родителей и экспертный опрос. Сделан сравнительный анализ статистических показателей деятельности вузов региона.

Социологический опрос и опрос экспертов имели целью составление потребительского рейтинга вузов Ульяновской области. Сравнение статистических показателей деятельности образовательных организаций позволило оценить их конкурентные позиции как хозяйственных субъектов рынка высшего образования.

Опрос старшеклассников проводился в два этапа: с сентября по ноябрь 2018 г. (n = 1 010, 467 юношей, 543 девушки) и с сентября по октябрь 2019 г. (n = 1 065, 536 юношей, 529 девушек). Выборка составляла 19,4 и 20,5 % генеральной совокупности соответственно, была дифференцирована по географическому принципу – включала районные школы с различной удаленностью от областного центра и школы г. Ульяновска из каждого его района. Доля респондентов из лицеев и гимназий – 35,2 % в 2018 г. и 39,4 % в 2019 г.

Исследование проходило на основе авторской методики и включало вопросы открытого и закрытого типа относительно профессиональных планов школьников, планов их учебной миграции из Ульяновской области, а также количественные оценки вузов региона. На первом этапе исследования проведен анкетный опрос родителей старшеклассников в семи средних школах г. Ульяновска (n = 91), который позволил точнее выявить факторы выбора образовательной траектории учащимися. В 2019 г. повторный опрос в тех же образовательных организациях проводился только со школьниками, его результаты подтвердили тенденции, выявленные в 2018 г.

Для анализа деятельности и конкурентных позиций региональных вузов проведен опрос экспертов (n = 27), в котором участвовали представители администраций школ, ставших площадками социологического исследования. Эксперты оценили пять университетов и три филиала вузов Ульяновской области на основе униполярной шкалы Р. Лайкерта (max = 5) по критериям:

- 1) социальная активность вуза в регионе;
- 2) востребованность выпускников вуза в регионе;
- 3) взаимодействие вуза со школами региона;
- 4) качество обучения в вузе;
- 5) соответствие качества обучения и стоимости обучения.

Конкурентные позиции вузов рассчитаны по формуле с учетом дисперсии оценок:

$$IK = \frac{1}{m \times n} \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n b_{ij},$$

где IK – индекс конкурентоспособности, n – количество экспертов, m – количество критериев анализа, b_{ij} – балльная оценка j -го эксперта i -го критерия.

Сопоставление полученных эмпирических данных 2018–2019 гг. и вторичного анализа статистических показателей деятельности высшей школы позволило выявить ряд закономерностей управления конкурентоспособностью региональных вузов.

Результаты исследования. В Ульяновской области работают 5 университетов и 6 филиалов вузов, в них обучаются 36,4 тыс. студентов и магистрантов (табл. 1), в том числе 53,6 % – по очной форме, 76,3 % – на бюджетных местах. Среднее профессиональное образование получают 23,8 тыс. студентов, из них 86,9 % – очно, 70,7 % – за счет бюджета. 13 организаций среднего профессионального образования работают в г. Ульяновске, 17 – в малых городах, 7 – в городских поселениях, 2 – в сельских поселениях. В регионе 413 общеобразовательных школ, в 2019 г. их окончили 5,2 тыс. учащихся.

Т а б л и ц а 1. Контигент системы образования Ульяновской области, 2015–2019 гг., тыс. чел.

T a b l e 1. Number of students in the Ulyanovsk Region education system, 2015–2019, thousand people

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019
Количество детей в дошкольном образовательном учреждении / Number of children enrolled in preschool education	52,4	55,0	56,7	58,5	60,1
Количество школьников / Number of school students	111,4	112,7	112,1	114,8	119,6
Количество студентов организаций среднего профессионального образования / Number of students enrolled in secondary vocational education	17,6	19,0	23,3	23,2	23,8
Количество студентов вузов / Number of students enrolled in higher education	42,5	39,3	36,8	36,9	36,4

Оценку конкурентоспособности организаций традиционно начинают с расчета их рыночной доли (табл. 2), она свидетельствует о масштабах деятельности и рыночной силе конкурентов [25, с. 25].

Т а б л и ц а 2. Конкурентные позиции вузов Ульяновской области
 T a b l e 2. Competitive positions of institutions of higher education in the Ulyanovsk Region

Вуз / Institution of higher education	Доля рынка ⁴ , % / Market share, %	Место в рейтинге вузов России данного профиля ⁵ / Place in the ranking of Russian institutions of higher education of the given specialization	Средняя оценка экспертов / Average expert score, points	Доля школьников, планирующих поступать в данный вуз, % / Share of schoolchildren planning to enter this institution of higher education	
				2018	2019
1	2	3	4	5	6
Ульяновский государственный университет (УлГУ) / Ulyanovsk State University (USU)	28,08	46 из 174 / 46 of 174	4,16	41,00	42,09
Ульяновский государственный педагогический университет (УлГПУ) / Ulyanovsk State Pedagogical University	21,68	10 из 32 / 10 of 32	4,64	25,30	24,79
Ульяновский государственный технический университет (УлГТУ) / Ulyanovsk State Technical University (UISTU)	19,49	39 из 120 / 30 of 120	4,53	41,34	43,29

⁴ Расчет проводился автором на основе данных мониторинга Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за 2019. URL: <http://indicators.miscedu.ru/monitoring/?m=uro> (дата обращения: 12.04.2020).

⁵ Мониторинг Федерального образовательного портала «Образование в России» [Электронный ресурс]. URL: <https://russtiaedu.ru/rating> (дата обращения: 12.04.2020).

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6
Ульяновский государственный аграрный университет (УлГАУ) / Ulyanovsk State Agrarian University (USAU)	11,68	13 из 45 / 13 of 45	3,87	4,10	3,96
Ульяновский институт гражданской авиации (УИГА) / Ulyanovsk Civil Aviation Institute	9,38	71 из 120 / 71 of 120	3,95	26,88	22,84
Филиал РАНХиГС в г. Ульяновске / Ulyanovsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	2,71	–	3,54	8,52	7,71
Филиал УлГАУ в г. Димитровграде / Dimitrovgrad Branch of Ulyanovsk State Agrarian University	1,26	–	4,00	3,88	4,76
Филиал УлГУ в г. Инза / Inza Branch of Ulyanovsk State University	0,46	–	3,59	2,42	1,28
Другие вузы и филиалы / Other institutions of higher education and branches	5,25	–	–	–	–

Существуют два подхода к анализу конкурентных позиций вуза. Первый основан на межстрановых или межрегиональных сравнениях показателей деятельности университетов, которые проводятся по критериям, признаваемым международным экспертным сообществом. Полученные в результате рейтинговые оценки позволяют судить о конкурентоспособности вуза в мировом или национальном масштабе. Второй подход предполагает оценку деятельности вуза потребителями – потенциальными работодателями его выпускников либо физическими лицами. Социологический опрос или метод экспертных оценок являются достаточно распространенными инструментами такого анализа, данные методы применены нами в исследовании вузов Ульяновской области 2018–2019 гг.

В рамках конкретного региона вузы различного профиля, строго говоря, не являются конкурентами, поскольку производят различные образовательные продукты, востребованные разными группами потребителей. В этой связи корректно анализировать конкурентоспособность образовательных программ одного профиля. Однако большая доля абитуриентов не имеют ориентированности на конкретную профессию и подают документы в несколько вузов разных профилей. Изучение потребительских предпочтений было одной из задач исследования рынка высшего образования Ульяновской области.

Анализ мнений старшеклассников показал статистически значимую корреляцию между их выбором вуза и рыночной долей образовательной организации. При этом в 2019 г., по сравнению с 2018 г., сократилась доля неопределенных оценок вузов и возросла доля негативных оценок (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Результаты опроса школьников в 2018 и 2019 гг., %

Table 3. Results of the survey of schoolchildren in 2018 and 2019, %

Вуз / Institution of higher education	Готовы подать документы в данный вуз / Ready to apply to this institution of higher education		Не планируют поступление в данный вуз / Do not plan to enter this institution of higher education		Неопределенное отношение к вузу / Ambiguous attitude towards this institution of higher education	
	2018	2019	2018	2019	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7
УлГУ / USU	42,09	41,0	36,81	33,15	21,10	26,80
УлГПУ / Ulyanovsk State Pedagogical University	24,79	25,3	46,90	33,40	28,31	41,73
УлГТУ / UISTU	43,29	41,34	41,39	27,0	15,32	31,67

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7
УлГАУ / USAU	3,96	4,10	71,90	35,10	24,13	60,80
УИ ГА / Ulyanovsk Civil Aviation Institute	22,84	26,88	54,32	38,32	22,84	34,80
Филиал РАНХиГС / Ulyanovsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	7,71	8,52	67,16	39,32	25,12	52,16
Филиал УлГАУ / Dimitrovgrad Branch of Ulyanovsk State Agrarian University	4,71	8,52	74,0	39,27	21,24	56,85
Филиал УлГУ / Inza Branch of Ulyanovsk State University	1,48	2,42	74,30	38,90	24,42	58,96

Согласно оценкам экспертов, высшие баллы получил УлГПУ, на третьей позиции – УлГУ (табл. 4), это противоречит выбору старшеклассников. Причина расхождения в том, что эксперты рассматривали конкурентоспособность вузов по востребованности выпускников вуза региональной экономикой, по его социальной активности и активности контактов вуза со школами.

УлГАУ и УИ ГА имеют достаточно высокие конкурентные позиции в России среди вузов их отраслевого профиля. Однако отсутствие у данных вузов устойчивого взаимодействия с организациями РОП не позволило им стать гибридными структурами. Это понижает их позиции на региональном рынке образования, ограничивает возможности расширения занимаемых сегментов.

УлГУ, УлГПУ и УлГТУ являются гибридными структурами РОП. Помимо базовых кафедр, которые данные вузы имеют на предприятиях региона, они выстроили сеть аффилированных школ и организаций среднего профессионального образования:

– УлГТУ создал сеть открытого образования, в которой в разные годы работали до 30 школ, открыл на своей базе Городской лицей и колледж;

– УлГУ сотрудничает с 7 школами в системе открытого образования и присоединил три организации среднего профессионального образования;

– УлГТУ создал Распределенный лицей, объединивший на условиях партнерства 23 школы из г. Ульяновска и Ульяновской области; базами практики для студентов вуза выступают все образовательные организации региона.

Т а б л и ц а 4. Оценка вузов экспертами, баллы
 T a b l e 4. Expert assessment of institutions of higher education, points

Вуз / Institution of higher education	Социальная активность в регионе / Social activity of the institution of higher education in the region	Востребованность выпускников в регионе / Demand for graduates of the institution of higher education in the region	Контакт вуза со школами региона / Connections of the institution of higher education with regional secondary schools	Качество обучения в вузе / Quality of training in the institution of higher education	Соответствие качества обучения / Correspondence of the quality of training to the tuition fee	Σ
УлГУ / USU	4,41	4,23	4,27	4,22	3,67	20,80
УлГПУ / Ulyanovsk State Pedagogical University	4,67	4,70	4,70	4,67	4,48	23,22
УлГТУ / UISTU	4,63	4,77	4,33	4,69	4,25	22,67
УлГАУ / USAU	3,67	4,09	3,45	4,00	4,13	19,34
УИГА / Ulyanovsk Civil Aviation Institute	3,95	4,00	3,50	4,45	3,85	19,75
Филиал РАНХиГС / Ulyanovsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	3,36	3,73	2,78	4,11	3,71	17,69
Филиал УлГАУ / Dimitrovgrad Branch of Ulyanovsk State Agrarian University	3,91	4,10	3,55	4,44	4,00	20,00
Филиал УлГУ / Inza Branch of Ulyanovsk State University	3,20	4,00	3,75	3,25	3,75	17,95
Медиана (μ) / Median (μ)	3,930	4,095	3,650	4,330	3,925	19,875

Таким образом, региональный вуз, имеющий сильные конкурентные позиции на потребительском рынке, представляет собой гибридную структуру, включающую горизонтальные и вертикальные связи самостоятельных элементов и взаимозависимых элементов. Между ним и аффилированными образовательными организациями формируются отношения партнерства, устанавливается преемственность образовательных программ и технологий.

Обсуждение и заключение. Вузы являются стержневыми элементами образовательного пространства территорий. Деятельность образовательной организации не сводится к внутренним процессам, а представляет собой сложный комплекс взаимодействий с внешними акторами РОП. В результате системного партнерства вуза со школами и организациями среднего профессионального образования формируются гибридные образовательные структуры. Исследование в Ульяновской области подтвердило гипотезу о том, что конкурентные позиции вуза зависят от степени развития его партнерских связей в регионе. Не менее важны и государственные решения, обуславливающие деятельность высшей школы (увеличение государственного задания и соответствующего количества бюджетных мест, господдержка исследований, научных коллективов, повышение квалификации работников вузов), а также согласованность и качество функционирования внутренних систем вуза.

Согласно теории социальных структур Р. К. Мертонa, понимание функций служит основанием оценки структуры социальной организации и ее эффективности⁶. Представляется продуктивным рассматривать региональный вуз как гибридную полисубъектную структуру, интегрированную со всеми уровнями РОП. Функции данной структуры направлены на непрерывное, преемственное личностное развитие личности в рамках РОП. Различные типы интегрированных структур, сформировавшихся в высшем образовании, можно отнести к одной из функциональных моделей:

а) модель «университет – кластер» предполагает относительную самостоятельность интегрированных образовательных и иных организаций, с которыми связаны основные функциональные процессы вуза (научно-исследовательские, образовательные, хозяйственно-экономические) (рис. 1);

б) модель «централизованный университетский комплекс» отличается соподчиненностью аффилированных структур (рис. 2), взаимодействие вуза со школами-партнерами и с организациями среднего профессионального образования направлено на построение преемственного содержания образования, преемственности в принципах и методах обучения.

---

⁶ Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press, 1968. 719 p. URL: https://archive.org/details/robert_k_merton_social_theory_and_social_structure/mode/2up (дата обращения: 12.04.2020).

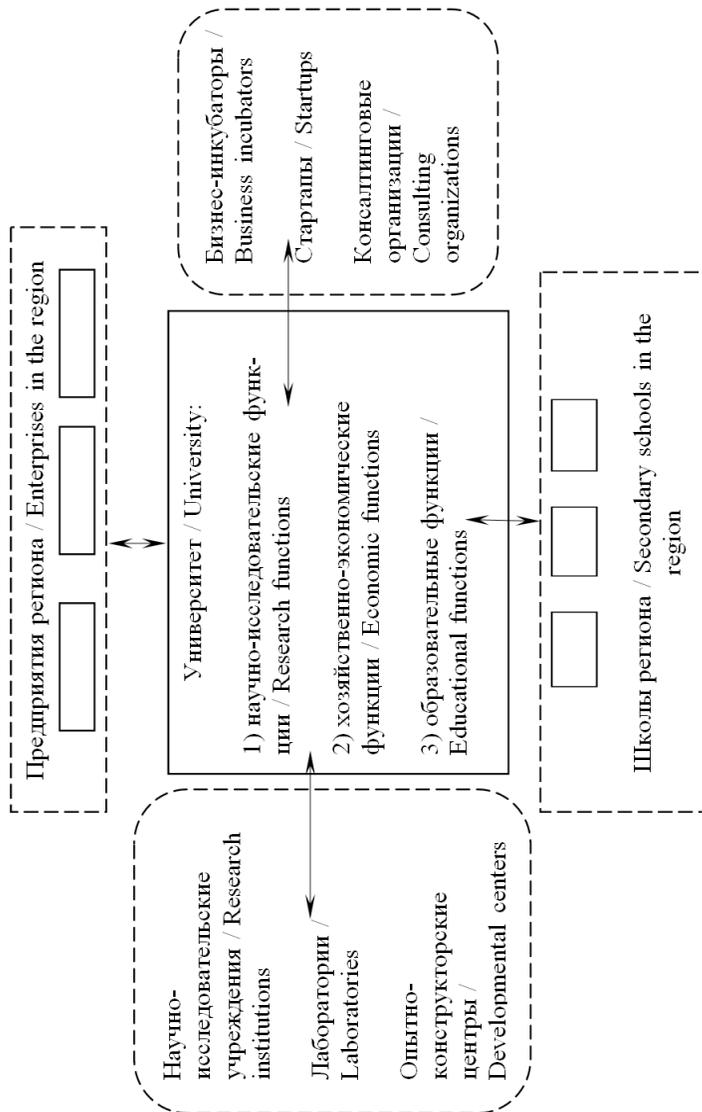
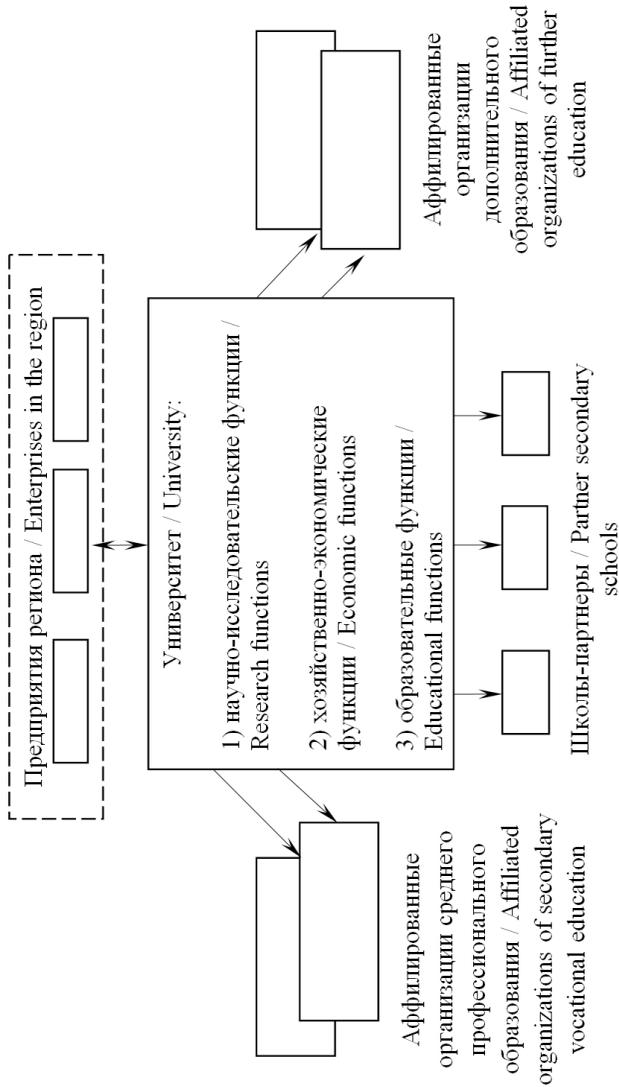

Рис. 1. Модель «университет – кластер»
 Fig. 1. The University-Cluster model

Р и с. 3. Модель «Централизованный университетский комплекс»
F i g. 3. The Centralized University Complex model

Конкурентные позиции вуза в национальном и мировом рейтингах связаны с его научной активностью и международными связями. Для конкурентирования вуза на международных рынках необходимо, чтобы его исследовательские и образовательные продукты отвечали мировым стандартам, однако значима и работа по продвижению бренда вуза.

В заключении подчеркнем необходимость двуединого принципа оценки конкурентных позиций регионального вуза: и с точки зрения национальных и международных рейтингов, и с учетом потребительских предпочтений. В этой связи необходимо изучать субъективное восприятие вуза акторами рынка.

Поскольку региональные вузы – это гибридные структуры, встроенные в региональное образовательное пространство, положительными экстерналиями усиления их конкурентных позиций являются рост региональной экономики и инвестиционной привлекательности территории. Поэтому факторы конкурентоспособности вуза, проанализированные в данной статье, важно учитывать не только в текущем управлении образовательными организациями и при выработке стратегии их развития, но и при стратегическом планировании развития региона. Для решения данных задач изложенные результаты исследования имеют непосредственную практическую значимость.

Перспективными направлениями дальнейшей работы считаем изучение социальных эффектов и социальной эффективности деятельности регионального вуза; выявление форм и методов взаимодействия субъектов регионального образовательного пространства и университета как его гибридной структуры; анализ технологий и успешной практики продвижения брендов региональных вузов на национальном и международном рынках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Barber, M. An Avalanche is Coming. Higher Education and the Revolution Ahead / M. Barber, K. Donnelly, S. Rizvi. – London : The Institute for Public Policy Research, 2013. – 78 p. – URL: [https://www.insidehighered.com/sites/default/server_files/files/FINAL%20Embargoed%20Avalanche%20Paper%20130306%20\(1\).pdf](https://www.insidehighered.com/sites/default/server_files/files/FINAL%20Embargoed%20Avalanche%20Paper%20130306%20(1).pdf) (дата обращения: 12.04.2020).

2. Савинов, В. Н. Модель оценки управления развитием территориальной системы образования в условиях гетерогенности среды / В. Н. Савинов // Управление образованием: теория и практика. – 2018. – № 1 (29). – С. 14–22. – URL: <https://old.kursobr.ru/ojs/ojs/index.php/Journal/article/view/2> (дата обращения: 12.04.2020).

3. European Cluster Memorandum. Promoting European Innovation through Clusters: An Agenda for Policy Action / prep. by The High Level Advisory Group on Clusters, chaired by Senator P. Laffitte. – 2006. – 11 p. – URL: <http://www.>

corallia.org/images/stories/documents/AboutCorallia/AboutCorallia-doc-005.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

4. The European University Landscape: A Micro Characterization Based on Evidence from the Aquameth / С. Daraio, А. Bonaccorsi, А. Geuna [et al.]. – DOI 10.1016/j.respol.2010.10.009 // *Research Policy*. – 2011. – Vol. 40, issue 1. – Pp. 148–164. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0048733310002180?via%3Dihub> (дата обращения: 12.04.2020).

5. Шамова, Т. И. Кластерный подход к развитию образовательных систем / Т. И. Шамова // *Народное образование*. – 2019. – № 4. – С. 101–104. – URL: <http://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2019-4/klasteraniiy-podhod-k-razvitiyu-obrazovatelnih-sistem> (дата обращения: 12.04.2020).

6. Enright, M. J. Industry Clusters in Australia: Recent Trends and Prospects / M. J. Enright, D. H. Roberts. – DOI 10.1080/09654310310001635706 // *European Planning Studies*. – 2004. – Vol. 12, issue 1. – Pp. 99–121. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09654310310001635706> (дата обращения: 12.04.2020).

7. Ketels, Ch. Michael Porter's Competitiveness Framework – Recent Learnings and New Research Priorities / Ch. Ketels. – DOI 10.1007/s10842-006-9474-7 // *Journal of Industry Competition and Trade*. – 2006. – Vol. 6, issue 2. – Pp. 115–136. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10842-006-9474-7> (дата обращения: 12.04.2020).

8. Большаков, Н. М. Интегральная оценка устойчивого развития конкурентоспособности образовательного кластера в концепции дуализма: теория, методология, практика / Н. М. Большаков, В. В. Жиделева // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2014. – № 12 (8). – С. 54–62. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21155563> (дата обращения: 12.04.2020).

9. Ендовицкий, Д. А. Кластерный подход к региональной системе высшего образования / Д. А. Ендовицкий, О. Н. Мосолов // *Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования*. – 2016. – № 2. – С. 5–10. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2016/02/2016-02-01.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

10. Витченко, О. В. Кластерная модель современного регионального университетского комплекса в условиях диверсификации / О. В. Витченко, Е. А. Козырева. – Текст : электронный // *Современные проблемы науки и образования*. – 2017. – № 4. – URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26689> (дата обращения: 12.04.2020).

11. Jesson R. Writing Interventions that Respond to Context: Common Features of Two Research Practice Partnership Approaches in New Zealand / R. Jesson, J. Parr. – DOI 10.1016/j.tate.2019.102902 // *Teaching and Teacher Education*. – 2019. – Vol. 86. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0742051X1830430X?via%3Dihub> (дата обращения: 12.04.2020).

12. Rodrigues, A. M. The Contradictory Nature of Teacher Education in the Partnership between University and School / A. M. Rodrigues, С. R. Mattos // *Problems of Education in the 21st Century*. – 2018. – Vol. 76, issue 1. – URL: <http://oaji.net/articles/2017/457-1519988243.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

13. Ясвин, В. А. Организационная культура педагогических коллективов в ситуации объединения образовательных организаций / В. А. Ясвин,

Е. М. Моргачева // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2017. – № 4 (10). – С. 58–74. – URL: [https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ppo/Vestnik_ppo4_10_\(2017\).pdf#page=58](https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ppo/Vestnik_ppo4_10_(2017).pdf#page=58) (дата обращения: 12.04.2020).

14. Workplace Learning as a Hybrid Space / F. Trede, L. Markauskaite, C. McEwen, S. Macfarlane. – DOI 10.1007/978-981-13-7410-4_2 // Education for Practice in a Hybrid Space. – Singapore : Springer, 2019. – Pp. 19–31. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-981-13-7410-4_2 (дата обращения: 12.04.2020).

15. Ваганова, Н. О. Системные эффекты университетских комплексов / Н. О. Ваганова, В. Н. Лопаткин. – DOI 10.17853/1994-5639-2017-2-89-101 // Образование и наука. – 2017. – Т. 19, № 2. – С. 89–101. – URL: <https://www.edscience.ru/jour/article/view/764> (дата обращения: 12.04.2020).

16. Зиньковский, К. В. Реструктуризация системы высшего образования: оценка результатов объединений вузов / К. В. Зиньковский, П. В. Деркачев. – DOI 10.15826/umj.2016.106.067 // Университетское управление: практика и анализ. – 2016. – № 6. – С. 135–145. – URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/55> (дата обращения: 12.04.2020).

17. Green, C. A. School-University Partnerships in Australia: A Systematic Literature Review / C. A. Green, Sh. Tindall-Ford, M. J. Eady. – DOI 10.1080/1359866X.2019.1651822 // Asia-Pacific Journal of Teacher Education. – 2019. – URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/55> (дата обращения: 12.04.2020).

18. Successful University-School Partnerships: An Interpretive Framework to Inform Partnership Practice / M. Jones, L. Hobbs, J. Kenny [et al.]. – DOI 10.1016/j.tate.2016.08.006 // Teaching and Teacher Education. – 2016. – Vol. 60. – Pp. 108–120. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0742051X16301664?via%3Dihub> (дата обращения: 12.04.2020).

19. Maheady, L. Building and Sustaining in Rural Settings: One Approach for Improving Special Education Service Delivery / L. Maheady, K. Magiera, R. Simmons. – DOI 10.1177/875687051603500205 // Rural Special Education Quarterly. – 2016. – Vol. 35, issue 2. – Pp. 33–40. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/875687051603500205> (дата обращения: 12.04.2020).

20. Формирование профессионального самоопределения учащихся в условиях образовательно-технологического кластера / М. П. Пальянов, В. А. Николаев, О. А. Масюков [и др.]. – DOI 10.12737/article_5ae474943f65f2.99838238 // Профильная школа. – 2018. – Т. 6, № 2. – С. 38–48. – URL: <https://naukaru.ru/en/nauka/article/20852/view> (дата обращения: 12.04.2020).

21. Волошина, Л. В. Роль университета в развитии региональных образовательных систем / Л. В. Волошина, В. В. Обухов, К. Е. Осетрин // Научно-педагогическое обозрение. – 2016. – № 4 (14). – С. 92–96. – URL: https://npo.tspu.edu.ru/archive.html?year=2016&issue=4&article_id=6185 (дата обращения: 12.04.2020).

22. Ngo, L. M. A University-City Complex, a Model for Sustainable Development: A Case Study in Vietnam / L. M. Ngo, T. A. Trinh. – DOI 10.1016/j.pro-eng.2016.02.018 // Procedia Engineering. – 2016. – Vol. 142. – Pp. 92–99. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877705816003829?via%3Dihub> (дата обращения: 12.04.2020).

23. Клячко, Т. А. Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России / Т. А. Клячко, Е. А. Семионова. – DOI 10.17059/2018-3-8 // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 3. – С. 791–805. – URL: <https://doi.org/10.17059/2018-3-8> (дата обращения: 12.04.2020).

24. Kharisova, L. A. Continuity as a System of Activity Directed at the Development of General-Education Complexes / L. A. Kharisova, G. P. Novikova, T. M. Shukaeva // *Espacios*. – 2017. – Vol. 38, no. 40. – URL: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n40/17384023.html> (дата обращения: 12.04.2020).

25. Захарова, И. В. Маркетинговые инструменты в современном вузе: тенденции исследований / И. В. Захарова // *Высшее образование в России*. – 2018. – Т. 27, № 6. – С. 20–30. – URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1288> (дата обращения: 12.04.2020).

Поступила 14.03.2020; принята к публикации 17.04.2020; опубликована онлайн 30.06.2020.

Об авторе:

Захарова Инна Владимировна, доцент кафедры педагогики и социальной работы ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова» (432071, Россия, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5194-9142>, Scopus Author ID: 57207347424, inna73reg@yandex.ru

Для цитирования:

Захарова, И. В. Конкурентоспособность университета как гибридной структуры регионального образовательного пространства / И. В. Захарова. – DOI 10.15507/2413-1407.111.028.202002.377-399 // *Регионология*. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 377–399.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Barber M., Donnelly K., Rizvi S. *An Avalanche is Coming. Higher Education and the Revolution Ahead*. London: The Institute for Public Policy Research; 2013. Available at: [https://www.insidehighered.com/sites/default/server_files/files/FINAL%20Embargoed%20Avalanche%20Paper%20130306%20\(1\).pdf](https://www.insidehighered.com/sites/default/server_files/files/FINAL%20Embargoed%20Avalanche%20Paper%20130306%20(1).pdf) (accessed 12.04.2020). (In Eng.)

2. Savvinov V. M. The Evaluation Model of the Management of Territorial Education System Development in the Framework of Environment Heterogeneity. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika* = Management of Education: Theory and Practice. 2018; (1):14-22. Available at: <https://old.kursobr.ru/ojs/ojs/index.php/Journal/article/view/2> (accessed 12.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

3. European Cluster Memorandum. Promoting European Innovation through Clusters: An Agenda for Policy Action / prep. by The High Level Advisory Group

on Clusters, chaired by Senator P. Laffitte. 2006. Available at: <http://www.corallia.org/images/stories/documents/AboutCorallia/AboutCorallia-doc-005.pdf> (accessed 12.04.2020). (In Eng.)

4. Daraio C., Bonaccorsi A., Geuna A., Lepori B., Bach L., Bogetoft P., Eeckhaut P. V. The European University Landscape: A Micro Characterization Based on Evidence from the Aquameth Project. *Research Policy*. 2011; 40(1):148-164. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2010.10.009>

5. Shamova T.I. Cluster Approach Towards the Development of Educational Systems. *Narodnoe obrazovanie* = National Education. 2019; (4):101-104. Available at: <http://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2019-4/klasterniiy-podhod-k-razvitiyu-obrazovatelnykh-sistem> (accessed 12.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

6. Enright M. J., Roberts D.H. Industry Clusters in Australia: Recent Trends and Prospects. *European Planning Studies*. 2004; 12(1):99-121. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/09654310310001635706>

7. Ketels Ch. Michael Porter's Competitiveness Framework – Recent Learnings and New Research Priorities. *Journal of Industry Competition and Trade*. 2006; 6(2):115-136. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10842-006-9474-7>

8. Bolshakov N.M., Zhideleva V.V. Integral Assessment of the Sustainable Development of the Competitiveness of the Educational Cluster in the Concept of Dualism: Theory, Methodology, Practice. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* = Regional Economics: Theory and Practice. 2014; (12):54-62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21155563> (accessed 12.04.2020). (In Russ.)

9. Endovitsky D.A., Mosolov O.N. Cluster Approach to the Regional System of Higher Education. *Vestnik VGU. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* = Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education. 2016; (2):5-10. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2016/02/2016-02-01.pdf> (accessed 12.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

10. Vitchenko O.V., Kozyreva E.A. Cluster Model of the Modern Regional University Complex in Terms of Diversification. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2017; (4). Available at: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26689> (accessed 12.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Jesson R., Parr J. Writing Interventions that Respond to Context: Common Features of Two Research Practice Partnership Approaches in New Zealand. *Teaching and Teacher Education*. 2019; 86. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2019.102902>

12. Rodrigues A.M., Mattos C.R. The Contradictory Nature of Teacher Education in the Partnership between University and School. *Problems of Education in the 21st Century*. 2018; 76(1). Available at: <http://oaji.net/articles/2017/457-1519988243.pdf> (accessed 12.04.2020). (In Eng.)

13. Yasvin V.A., Morgacheva E.M. Organizational Culture of Pedagogical Collectives in the Situation of Association of Educational Organizations. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* = RSUH/RGGU Bulletin. Series "Psychology. Pedagogics. Education". 2017; (4):58-74. Available at: <https://www.>

rsuh.ru/upload/main/vestnik/ppo/Vestnik_ppo4_10_(2017).pdf#page=58 (accessed 12.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Trede F., Markauskaite L., McEwen C., Macfarlane S. Workplace Learning as a Hybrid Space. *Education for Practice in a Hybrid Space*. Singapore: Springer; 2019. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-13-7410-4_2

15. Vaganova N.O., Lopatkin V.N. Systemic Effects of University Complexes. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2017; 19(2):89-101. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-2-89-101>

16. Zinkovsky K.V., Derkachev P.V. Higher Education System Restructuring: Evaluating Results of University Mergers. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2016; (6):135-145. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15826/umj.2016.106.067>

17. Green C.A., Tindall-Ford Sh., Eady M.J. School-University Partnerships in Australia: A Systematic Literature Review. *Asia-Pacific Journal of Teacher Education*. 2019. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/1359866X.2019.1651822>

18. Jones M., Hobbs L., Kenny J., Campbell C., Redman Ch. Successful University-School Partnerships: An Interpretive Framework to Inform Partnership Practice. *Teaching and Teacher Education*. 2016; 60:108-120. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2016.08.006>

19. Maheady L., Magiera K., Simmons R. Building and Sustaining in Rural Settings: One Approach for Improving Special Education Service Delivery. *Rural Special Education Quarterly*. 2016; 35(2):33-40. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/875687051603500205>

20. Palyanov M., Nikolaev V., Masyukov O., Yankin D., Kharina N. Upbringing of Value Bases of Moral Culture of the Person. *Profilnaya shkola = Profession-Oriented School*. 2018; 6(2):38-48. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: https://doi.org/10.12737/article_5ae474943f65f2.99838238

21. Voloshina L.V., Obukhov V.V., Osetrin K.E. The Role of the University in the Development of Sustainable Educational Systems. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2016; (4):92-96. Available at: https://np0.tspu.edu.ru/en/archive.html?year=2016&issue=4&article_id=6185 (accessed 12.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Ngo L.M., Trinh T.A. A University-city Complex, a Model for Sustainable Development: A Case Study in Vietnam. *Procedia Engineering*. 2016; 142:92-99. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2016.02.018>

23. Klyachko T.A., Semionova E.A. Contribution of Education to the Socio-Economic Development of the Subjects of the Russian Federation. *Ehkonomika regiona = Economy of Region*. 2018; 14(3):791-805. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17059/2018-3-8>

24. Kharisova L.A., Novikova G.P., Shukaeva T.M. Continuity as a System of Activity Directed at the Development of General-Education Complexes. *Espacios*. 2017; 38(40). Available at: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n40/17384023.html> (accessed 12.04.2020). (In Eng.)

25. Zakharova I.V. Marketing in Education: Trends in Practice and Research. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. 2018; 27(6):20-30. Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1288> (accessed 12.04.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 14.03.2020; accepted for publication 17.04.2020; published online 30.06.2020.

About the author:

Inna V. Zakharova, Associate Professor, Department of Pedagogy and Social Work, Ulyanovsk State Pedagogical University (4/5 Lenina Sq., Ulyanovsk 432071, Russia), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5194-9142>, Scopus Author ID: 57207347424, inna73reg@yandex.ru

For citation:

Zakharova I.V. Competitiveness of the University as a Hybrid Structure in the Regional Educational Space. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(2):377-399. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.377-399>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» принимает не опубликованные ранее оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать УДК.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение (Introduction);

2) Материалы и методы (Materials and Methods);

3) Результаты исследования (Results);

4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.100–2018). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год). Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Электронные версии статей размещаются на сайте Научной электронной библиотеки. Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies journal accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format

with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.100–2018* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa (a review stays valid for 1 year). On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

Electronic copies of the journal with full text of the articles in PDF are in free access at the website of Academic Electronic Library. The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index in the catalogue of the agency of *Rospechat* is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *А. С. Полутина*.
Перевод *А. В. Пузакова*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 09.06.2020. Дата выхода в свет 30.06.2020. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,62. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 852. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *A. S. Polutin*.
Translation by *A. V. Puzakov*.
Sub-editor *E. P. Gordina*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index in the catalogue of *Rospечат Agency*: 73335.
The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016

Signed to print 09.06.2020. Date of publishing 30.06.2020. Sheet size 60x84 1/16. Conventional printed sheets 11.62. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 852. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia (Publishing House of National Research Mordovia State University)

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.